

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 6.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Пастырское увѣщаніе православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи Высокопреосвященнаго <i>Амвросія</i>	363—367
Папство и его отношенія къ свѣтской власти до эпохи Григорія VII (окопчаніе). Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета <i>В. Надлера</i>	368—388
Патріархъ Фотій (848—892 гг.). (продолженіе). <i>И—на.</i>	389—415
Справедливы-ли обвиненія, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи «Церковь и государство» (продолженіе). <i>А. Рождествина.</i>	416—435
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
↓ Вѣра и знаніе. Профессора Кіевской духовной Академіи <i>П. Липицкаго</i>	217—289
Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	240—258
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Копія съ Циркулярнаго отношенія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 27 января 1889 г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν,
Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Марта 31 дни 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ПАСТЫРЬКОЕ УВѢЩАНІЕ.

Божією милостію смиреннѣйшій Амвросій Архієпископъ Харьковскій и Ахтырскій
ПРАВОСЛАВНЫМЪ ХРИСТІАНАМЪ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ и святые Его Апостолы заповѣдуютъ пастырямъ Церкви подъ опасеніемъ страшнаго суда Божія блюсти и охранять вѣренную каждому изъ нихъ паству отъ хищныхъ волковъ, т. е. еретиковъ и лжеучителей, стремящихся „распугать и расхитить“ словесныхъ овецъ (Іоан. 10 ст. 12) испушенныхъ кровію Христовою и спасаемыхъ благодатію Св. Духа въ лонѣ святой православной Церкви.

Въ страхѣ вѣчнаго осужденія за нерадѣніе о долгѣ моего служенія, и въ скорби сердечной я обращаюсь къ вамъ, возлюбленные чада мои о Господѣ, съ мольбою и увѣщаніемъ: берегитесь. Хищный волкъ рыщетъ по всей южной и югозападной Россіи, распространяя лжеученія, и проникъ уже въ нашу харьковскую епархію, и въ самый городъ Харьковъ; имя ему—*Штунда*. Онъ расхищаетъ въ настоящее время бѣдныхъ, простыхъ и несвѣдущихъ въ вѣрѣ православныхъ людей; но именно въ этомъ и кроется величайшая для насъ

опасность. Чѣмъ меньше свѣдущъ человекъ, тѣмъ легче его соблазнить и развратить, а при незнаніи ученія вѣры и неспособности къ правильнымъ разсужденіямъ, тѣмъ труднѣе возвратить его на путь истинный. А въ чемъ сила нашей Церкви? Наиболѣе въ простой, сердечной и крѣпкой вѣрѣ милліоновъ русскихъ людей. Въ чемъ обезпеченіе могущества и величія нашего отечества? Наиболѣе въ цѣлости и безопасности нашей православной Церкви.

Что же такое *штунда*?—Это подступъ къ нашей Церкви одного изъ двухъ давнихъ ея враговъ. Въ западномъ краѣ Россіи стремится сокрушить православіе вѣра *латинская, римско-католическая*, а къ намъ хитро подступаетъ вѣра *нѣмецкая, протестантская*.

Нѣмецкая вѣра даетъ себя знать въ самомъ названіи *штундистами* развращаемыхъ ею нашихъ несчастныхъ русскихъ людей. Это названіе происходитъ отъ нѣмецкаго слова—*штунде*—часъ, и означаетъ часы собраній нашихъ новыхъ еретиковъ. Но еще виднѣе это покушеніе нѣмецкой вѣры поколебать въ нашемъ краѣ православіе—изъ тѣхъ мыслей, которыя отъ нѣмцевъ заимствовали и стараются распространять между своими наши *штундисты*.

Въ одиннадцатомъ столѣтіи по рождествѣ Христовѣ отдѣлилась отъ единой истинной вселенской Церкви церковь Римская или Латинская по винѣ Римскаго папы, назвавшаго себя, вопреки слову Божію, видимою главою церкви, а въ послѣднее время—и непогрѣшимымъ; а въ шестнадцатомъ вѣкѣ отдѣлились отъ нея въ виду многихъ ея заблужденій нѣмецкія религіозныя общины подъ руководствомъ Лютера, получившія названіе лютеранъ или протестантовъ и раздробившіяся на безчисленныя секты, распространенныя по Европѣ и особенно въ Америкѣ. Ученые люди знаютъ отличія

этихъ исповѣданій, и особенно — лютеранскаго. (отъ котораго и идетъ *штунда*), отъ ученія и уставовъ нашей восточной греко-россійской Церкви, пребывающей, по благодати Божіей, вѣрною священнымъ догматамъ и канонамъ древней Церкви вселенской; но простые наши христіане православные, не зная, откуда идетъ это новое для нихъ ученіе, соблазняются имъ, такъ какъ оно лукаво обѣщаетъ имъ свободу отъ вліянія духовенства, отъ строгихъ правилъ и уставовъ нашей Церкви, и отъ тягостнаго для нерадивыхъ людей говѣнія и приготовленія къ приобщенію св. Таинъ. Нареканія на духовенство и глумленіе надъ обрядами нашей Церкви и служатъ въ рукахъ враговъ нашихъ главнымъ средствомъ для совращенія неосторожныхъ въ ересь *штунды*.

По слѣдующимъ признакамъ вы, возлюбленные, можете узнать, что *штундисты* суть именно послѣдователи нѣмецкой, или протестантской вѣры. Вѣра протестантская принимаетъ, какъ источникъ вѣроученія, одно священное Писаніе съ правомъ каждому понимать и толковать его по-своему, и отвергаетъ священное преданіе, ученіе св. отецъ и правила вселенскихъ соборовъ,—и *штундисты*—тоже. Вѣра нѣмецкая протестантская отрицаетъ молитвы и ходатайство о насъ святыхъ и даже пресвятой Богородицы, поминовеніе усопшихъ, почитаніе св. иконъ и мощей угодниковъ Божіихъ,—и *штундисты*—тоже. Вѣра протестантская не имѣетъ епископовъ и правильно, чрезъ преемственное рукоположеніе отъ Апостоловъ, поставленныхъ священниковъ, а только учителей, отрицаетъ седмичное число св. Таинствъ и самое Таинство Тѣла и Крови Христовыхъ сравниваетъ съ простымъ обрядомъ, а *штундисты* пошли еще дальше,—они совсѣмъ отвергаютъ и священство, и Таинство Причащенія. Штундисты поютъ пѣсно-

пѣнія, какія даютъ имъ ихъ совратители, не потрудившись изучить дивныя пѣснопѣнія нашей Церкви; они прячутся для своихъ собесѣдованій въ уединенныя мѣста, какъ будто имъ запрещены нашею Церковію чтеніе книгъ и благочестивыя бесѣды; они перестаютъ посѣщать храмы, лишая себя богослуженія, и утѣшаясь тѣмъ, что вотъ-де мы сами все можемъ составить себѣ по-своему, не понимая, кто ими руководить, и куда вражеская рука ихъ направляетъ. Покушенія враговъ нашихъ поколебать Богомъ дарованную силу и государственное могущество нашего отечества вы знаете: знайте же и ихъ затаенныя, но настойчивыя усилія сокрушить нашу силу въ самомъ сердцѣ, — въ нашихъ священныхъ убѣжденіяхъ, въ нашемъ исповѣданіи единой истинной православной вѣры и въ нашемъ послушаніи единой истинной православной Церкви.

Итакъ, молю васъ, возлюбленные, будьте бдительны. Вы, вѣрующіе, вмѣстѣ съ нами составляете сущую на землѣ воинствующую Церковь; вмѣстѣ съ нами вы ее и охраняйте. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что пастыри и учителя Церкви преподаютъ ученіе слушающимъ, но слушающіе должны передавать его въ свои семейства и въ кругъ своихъ знакомыхъ. Пастыри не могутъ быть вездѣ, все видѣть и знать, за всѣмъ наблюсти; сами православные христіане знающіе другъ друга должны вразумлять и охранять себя взаимно. По мыслямъ, которыя мною указаны, вы легко узнаете *штундистовъ*; отмѣчайте ихъ, указывайте ихъ священникамъ для вразумленія; остерегайтесь распространителей *штунды*, — каковыми во многихъ мѣстахъ были крестьяне, возвращающіеся съ заработковъ изъ нѣмецкихъ колоній, отставные солдаты, писаря, желѣзно-дорожные служители, подозрительные книгоноши и проч. Весь свѣтъ знаетъ, возлюбленные, что всѣ вы готовы

за вѣру нашу православную и Церковь святую кровь пролить и жизнь свою положить, но помните, что эта пламенная ревность по вѣрѣ и Церкви охраняется только духовною бдительностію и разумною твердostí въ исповѣданіи и охраненіи догматовъ св. вѣры и уставовъ Церкви. Если допустимъ врагамъ расхищать людей православныхъ, развращать ихъ умы и отдалять ихъ отъ Церкви, то и за вѣру нашу и за православное отечество наше постоять будетъ некому. Паче же поучайтесь въ словѣ Божіемъ, читайте книги, изъясняющія ученіе святой православной вѣры, и обличающія заблужденія; въ затруднительныхъ случаяхъ обращайтесь къ пастырямъ Церкви. Соблюдайте церковные уставы, преуспѣвайте въ благочестивой жизни, посѣщайте неуклонно храмы Божіи, и молитесь вмѣстѣ съ нами Пастыреначальнику нашему Господу Іисусу Христу, да сохранитъ Церковь Свою невредиму и незыблему, и насъ въ вѣрѣ истинной да утвердитъ, отъ соблазновъ да охранитъ и да сподобитъ насъ благодатію Своею въ мирѣ и единомысліи житіе наше преити и вѣчное спасеніе улучити. Аминь.

ПАПСТВО

и

ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ СВѢТСКОЙ ВЛАСТИ

ДО ЭПОХИ ГРИГОРІЯ VII.

(Окончаніе *).

Неслыханная деморализація католической церкви, страшныя бѣдствія, терзавшія непрерывно тогдашнее человѣчество, вызвали, наконецъ, благотѣльную реакцію среди самого общества. Кончалось тысячелѣтіе со времени рожденія Христа Спасителя и повсемѣстно распространилось убѣжденіе, что вмѣстѣ съ нимъ приближается и кончина міра. Духъ покаянія пробудился съ неслыханною силою во всемъ христіанскомъ мірѣ. Повсюду являлись вдохновенные мужи, громко проповѣдывавшіе противъ господствующей безнравственности, дикаго кулачнаго права, презрѣнія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ. Лучшіе люди не рѣшались оставаться долѣе въ этомъ мірѣ зла, лжи и богоотступничества: они бѣжали въ пустыни и основывали тамъ новыя монашескія общины, пытавшіяся осуществить идеалъ христіанской жизни первыхъ вѣковъ. Въ числѣ такихъ общинъ было и знаменитое Клунианское братство, возникшее въ Бургундіи въ концѣ X вѣка. Клунианское братство преслѣдовало на первыхъ порахъ цѣли чисто мистическія, не имѣвшія, повидимому, ничего общаго

---

*) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 5.

съ реальною дѣйствительною жизнью. Члены этого братства стремились къ совершенному умерщвленію своей плоти и къ сочетанію человѣческаго духа съ Божествомъ. Они пытались достигнуть погруженія во внутреннѣйшія глубины духа; тамъ долженъ былъ возгорѣться, по ихъ мнѣнію, свѣтъ божественной благодати, долженствующій проникнуть человѣка во всеяго его существѣ. Чтобы достигнуть такого погруженія, они удаляли отъ себя всякую мысль о внѣшнемъ мірѣ, изгоняли изъ своего сердца малѣйшій порывъ чувственности, преисполнялись сознаниемъ своей испорченности и грѣховности и сосредоточивали всѣ свои мысли на величїи и милосердіи Господа Бога. Какъ внѣшними, такъ и внутренними, духовными средствами, они пытались усилить и безъ того пожирившее ихъ пламя. Обливаясь слезами, объятые чувствомъ глубочайшаго раскаянія, они достигали, наконецъ, того восторженнаго состоянія, когда имъ казалось, что передъ ними раскрывается небо, что божественный свѣтъ окружаетъ ихъ. Только такія минуты считали они своею настоящею жизнью; часы же, которые проходили для нихъ безъ этой смѣны тяжкаго сокрушенія и неземнаго восторга, казались имъ тяжелымъ заточеніемъ духа въ оковахъ плоти и грѣха. Всѣми силами разрушали они, такимъ образомъ, свое тѣлесное существо, они вели постоянную войну противъ внѣшняго земнаго міра; всякое иное болѣе нормальное, болѣе здоровое міровоззрѣніе было имъ недоступно ¹⁾).

Люди по-истинѣ великіе, при всей своей односторонности, стояли во главѣ Клунианскаго братства. Майолусъ, третій аббатъ ордена, превосходилъ въ суровомъ аскетизмѣ всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ былъ полнымъ представителемъ поваго монашества, чуждавшагося всякаго труда, матеріальнаго или умственнаго, занимавшагося однимъ самоистязаніемъ, и умерщвленіемъ плоти, стремившагося во чтобы то ни стало достигнуть того восторженнаго состоянія, которое носило

---

¹⁾ Подробности о мистикахъ XI столѣтія см. у Неандера въ его Kirchen-geschichte, т. IV. Особенное значеніе имѣютъ письма Петра Даміана, помѣщенныя въ собраніи его сочиненій.

у нихъ особое наименованіе: *Comprunctio*. По его стопамъ шли его преемники. Аббать Одилонъ ¹⁾ провелъ почти всю свою жизнь въ молитвѣ, и строжайшемъ постѣ; ежедневно совершалъ онъ литургію; онъ засыпалъ иногда за молитвою, но его губы продолжали шептать и во снѣ священныя слова. Гуго, преемникъ Одилона, пошелъ еще далѣе въ аскетизмѣ и мистикѣ. Казалось, что онъ явился на свѣтъ уже готовымъ подвижникомъ. Еще ребенкомъ онъ былъ серьезенъ какъ старикъ; будучи юношею, онъ велъ неутомимую и побѣдоносную борьбу съ чувственностью. Въ монастырѣ онъ предавался лишь чтенію священнаго Писанія, молитвѣ, уходу за больными. Онъ наложилъ на себя обѣтъ вѣчнаго молчанія, онъ говорилъ только съ Богомъ, или о Богѣ, онъ подавилъ въ себѣ всякое плотское движеніе, онъ жилъ не столько въ земномъ, сколько въ небесномъ, сверхъ чувственномъ мірѣ.

Аскетическая ревность Клунианцевъ не замедлила привлечь къ нимъ всеобщее сочувствіе, доставить имъ обширную извѣстность. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, а уже братство распространилось по всему западу, и Клунианскіе обитатели, находившіеся въ строгой зависимости отъ старшаго аббатства, насчитывались цѣлыми сотнями, встрѣчались во всѣхъ углахъ католическаго міра. Бѣдные и богатые, простые и знатные, тысячами поступали въ члены братства; короли и князья основывали Клунианскіе монастыри и надѣляли ихъ богатою поземельною собственностью; нѣкоторые изъ нихъ принимали сами схиму, другіе являлись строгими поборниками суровой монашеской дисциплины, третьи, оставаясь сами въ міру, вели чисто отшельническую жизнь, изнуряли себя постомъ, подвергали себя жестокому бичеванію, носили подъ богатымъ свѣтскимъ платьемъ тяжелыя вериги. Такимъ подвижникомъ на тронѣ явился величайшій изъ германскихъ Императоровъ, Генрихъ III; а его жена Агнесса пользовалась уже при жизни славою святой, великой подвижницы.

Клунианское братство не ограничилось, впрочемъ, одними чисто монашескими цѣлями. На ряду съ этими первоначаль-

¹⁾ Vita Odiloni, Петра Даміана.

ными стремленіями, лица, руководившія орденомъ, поставили себѣ въ скоромъ времени и другія, болѣе широкія и общія цѣли. Они не хотѣли ограничиться спасеніемъ отдѣльныхъ личностей, они задумали спасти всю церковь и возвратитъ ее къ первоначальной чистотѣ апостольскихъ временъ. Они выработали себѣ точную, опредѣленную программу реформы церкви и громко провозгласили ее всему свѣту. Программа эта отличалась, правда, крайнею односторонностью и вытекала всецѣло изъ тѣхъ узкихъ идеаловъ, которыми жили сами Клунианцы ¹⁾. Какъ истые монахи, они не видѣли иного средства спасти церковь, погрязшую столь глубоко въ развратъ и испорченности всякаго рода, какъ превратитъ ее въ такую же монашескую общину, какою былъ ихъ орденъ. Стоило лишь, по ихъ мнѣнію, оторвать церковь отъ міра, разрушить всѣ связи, соединяющія ее съ свѣтскимъ обществомъ, и она подыметъ тотчасъ же на неизмѣримую нравственную высоту и возьметъ въ свои руки, принадлежащія ей по праву, бразды правленія міромъ. Ничто не деморализировало такъ, по мнѣнію Клунианцевъ, церковь, ничто не изводило ее такъ до уровня грубаго, варварскаго общества того вѣка, какъ ея зависимость отъ свѣтскихъ властей, съ одной стороны, и какъ брачная жизнь бѣлаго духовенства съ другой. Зависимость отъ свѣтской власти, выражавшаяся прежде всего въ повсемѣстно распространенномъ и общепризнанномъ правѣ Императоровъ и королей раздавать, по своему усмотрѣнію, всѣ церковныя должности, замѣщать всѣ епископскія

---

¹⁾ Исторія Клунианцевъ и ихъ стремленій, нашедшая себѣ выраженіе въ цѣлой массѣ современныхъ памятниковъ, была подвергнута въ наше время всесторонней критической разработкѣ. См. въ особенности Горреръ, *Allgemeine Kirchengeschichte*, т. 4, гдѣ дѣятельность Клунианцевъ представлена, впрочемъ, въ крайне преувеличенномъ и пристрастномъ видѣ, *Hirsch, Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich d. II.*, 3 тома, Гичебрехтъ, *Geschichte d. deutschen Kaiserzeit*, т. 2 (самый основательный и безпристрастный трудъ по этой эпохѣ); Корнелій Вилль, *Die Anfänge d. Restauration d. Kirche in XI Jahrhundert.*—Важнѣйшіе документы этой эпохи, имперскіе законы, постановленія соборовъ, декреты и письма папъ собраны во второмъ томѣ *Monumenta Germaniae historica, Leges*, т. II, у Манчи, въ XIX томѣ его собранія декретовъ соборовъ и у Яффе въ его *Regesta pontificum Romanorum*.

и аббатскія кафедръ своими кандидатами, смотрѣть на прелатовъ, т. е. на служителей Божіихъ, какъ на своихъ вассаловъ и слугъ, требовать отъ нихъ извѣстныхъ повинностей и службъ, казалось Клунианцамъ первымъ и главнѣйшимъ источникомъ глубокой, нравственной порчи, поразившей всю западную церковь. Отсюда изъ этого источника происходила, по ихъ убѣжденію, та постыдная симонія, т. е. торговля духовными мѣстами и должностями, которая распространена была въ одинаково сильной степени по всей западной Европѣ. Отсюда же вытекало и то прискорбное явленіе, что въ средѣ высшаго духовенства того времени почти не возможно было встрѣтить истинно благочестивыхъ, религіозныхъ людей, что почти всѣ епископы и аббаты были люди чисто свѣтскіе, т. е. такіе-же грубые, необразованные варвары, какъ феодальные князья и бароны, что они вели чисто мірской образъ жизни, пренебрегали своими обязанностями, да и не въ состояніи были выполнять ихъ, утопали въ роскоши и развратѣ, ходили на охоту и на войну, обагрjali свои руки кровью, и въ самомъ лучшемъ случаѣ, заботились лишь объ обогащеніи своихъ церквей, о пріобрѣтеніи новыхъ имѣній и привилегій, не заботясь при этомъ объ охраненіи чужихъ правъ и безжалостно пользуясь для достиженія своихъ цѣлей жизнью и имуществомъ своихъ вассаловъ и крѣпостныхъ.

И такъ необходимо прежде всего искоренить симонію, возстановить свободу церковныхъ выборовъ, отнять у свѣтской власти незаконно присвоенное ею право назначенія прелатовъ,—и христіанскій епископатъ самъ собою возвратится къ первоначальной святости и чистотѣ, а монастыри изъ вертеповъ разврата и невѣжества превратятся вновь въ ярко горящіе очаги истинной религіи и истиннаго просвѣщенія. Давая такую постановку вопросу и руководясь односторонними воззрѣніями, Клунианцы не замѣчали, да и не хотѣли замѣчать, что они упускаютъ изъ виду главныя существенныя требованія христіанства относительно внутренняго нравственнаго исправленія. Фанатики реформаторы требовали полной свободы для церкви отъ свѣтской власти, но они упускали изъ виду, что сама церковь давно уже превратилась въ учреж-

деніе почти свѣтское, политическое. Мыслимо ли, справедливо ли было требовать, чтобы Императоры и короли отказались отъ своихъ правъ на церковь, пока церковь продолжала владѣть своею колоссальною поземельною собственностью и множествомъ гражданскихъ преимуществъ, пока епископы и аббаты оставались такими же князьями и вассалами, какими были и свѣтскіе бароны, пока они держали въ своихъ рукахъ цѣлую половину государственныхъ имуществъ и доходовъ. Но и независимо отъ этого чисто политическаго и праваго соображенія, Клунианцы не имѣли въ сущности никакого права утверждать, что опека свѣтской власти надъ церковью являлась главнымъ источникомъ совершеннаго упадка церковной жизни и деморализаціи прелатовъ. Примѣры, бывшіе у нихъ на глазахъ, опровергали болѣе чѣмъ достаточно такое ихъ утвержденіе. Нигдѣ церковь не находилась въ такой полной зависимости отъ свѣтской власти, какъ въ Германіи, и нигдѣ она не пользовалась, говоря сравнительно, такою свободою, какъ въ Бургундіи и въ Италіи. И что же? Нигдѣ нравственная распущенность не достигла такихъ крайнихъ предѣловъ, нигдѣ церковь не проникла такимъ чисто свѣтскимъ духомъ, какъ именно въ этихъ двухъ послѣднихъ странахъ; и нигдѣ нельзя было найти въ средѣ епископовъ такого количества почтенныхъ и даже истинно религіозныхъ дѣятелей, какъ въ Германіи. Да и самое папство въ послѣднія полвѣка не являлось ли самымъ рѣшительнымъ опроверженіемъ мнѣнія Клунианцевъ? Откуда являлись на римскомъ престолѣ чудовища, подобныя Іоанну XII? Развѣ они не были продуктомъ свободнаго избранія римскаго народа и клира: а такія свѣтлыя и достойныя личности, какъ Левъ VIII, Григорій V, Сильвестръ II, кому обязаны были своимъ возвышеніемъ, какъ не высшимъ представителямъ свѣтской власти, Императорамъ?

Столь же одностороннее и столь же противно истинному христіанскому ученію было и другое основное требованіе Клунианскихъ реформаторовъ: безбрачіе духовенства. Оправдывать это требованіе, усматривать въ немъ спасеніе церкви возможно было лишь съ ограниченной монашеской точки зрѣ-

нія. Клунианцы намѣренно забывали въ этомъ вопросѣ ученіе апостола, говорившаго, что лучше жить въ бракѣ, нежели разжигаться ¹⁾; они опускали изъ виду свойства и врожденныя слабости человѣческой природы, они не хотѣли принять во вниманіе примѣръ восточной православной церкви, которая высоко цѣнила дѣвство, но позволяла въ то же время бракъ для блага духовенства, долженствоващаго проводить свою жизнь среди міра и его соблазновъ. Требуя целибата для всего духовенства, безъ исключенія, монахи реформаторы можетъ быть сознавали въ душѣ, что осуществленіе ихъ требованія повлечетъ за собою еще большій упадокъ нравственности, но они не столько заботились о водвореніи чистоты среди клира, сколько думали достигнуть, путемъ целибата, совершенно иныхъ цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго съ требованіями христіанской нравственности. Целибатъ долженъ былъ оторвать духовенство отъ свѣтскаго общества, онъ долженъ былъ убить въ средѣ клира всѣ мѣстныя и національныя стремленія, онъ долженъ былъ превратить всю церковь въ слѣпое и покорное орудіе іерарховъ.

Одно дѣло устанавливать и провозглашать программы, и иное дѣло проводить ихъ въ жизнь. Вожаки Клунианскаго движенія, не смотря на свой строгій аскетизмъ и восторженныя мистическіе порывы, были, несомнѣнно, практическіе люди, хорошо знакомые съ міромъ и съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Они отлично понимали, что ихъ требованія не могутъ быть осуществлены путемъ революціи, что дѣло, задуманное ими, можетъ пойти успѣшно лишь въ томъ случаѣ, если его возьметъ подъ свое покровительство сила верховная, законная, признаваемая всѣми. Такою силою представлялось на первый взглядъ папство, но оно само глубоко погрязло въ общемъ упадкѣ церкви, не пользовалось необходимымъ авторитетомъ и находилось въ постыдной зависимости отъ ничтожныхъ римскихъ династовъ. Оно поднялось навремя изъ своего униженія, благодаря спасительному вмѣшательству свѣтской власти Императоровъ; но пало вновь и

¹⁾ 1 Кор. 7, 9.

пало еще глубже, когда Императоры, занятые иными дѣлами, отвлекаемые отъ Италіи и Рима, отняли отъ него свою могучую руку и предоставили его опять въ жертву мѣстнымъ римскимъ вліяніямъ. О папствѣ не могло быть, такимъ образомъ, и рѣчи. Необходимо было искать помощи тамъ, гдѣ были и дѣйствительная сила, и дѣйствительный авторитетъ, и способность понимать и осуществлять великія задачи, необходимо было прибѣгнуть опять къ содѣйствию Императорства. Но вѣдь программа Клуніанцевъ направлялась въ концѣ концовъ противъ самого Императорства, подкапывалась подъ самыя основы его могущества, она стремилась не только освободить церковь, но и подчинить ей всякую свѣтскую власть. Требовать отъ Императорства проведенія такой программы—значило требовать отъ него политическаго самоубійства. Клуніанцы хорошо понимали это и рѣшились ограничить на время свою программу, затаять пока свои конечныя цѣли. Они поставили на видъ только два свои требованія: искорененіе симоніи и целибата, но подъ симоніею они понимали теперь лишь одну постыдную торговлю духовными должностями и отказывались отъ всякаго посягательства на верховныя права Императора. Напротивъ, они соглашались, что Императоръ долженъ оставаться покровителемъ церкви, что въ качествѣ протектора церкви, онъ долженъ обратить вниманіе на бѣдственное и недостойное ея положеніе. Необходимо начать реформу, утверждали они, съ высшаго церковнаго учрежденія, папства. Они умоляли Императора взять подъ свою могучую руку—матеръ всѣхъ церквей, церковь римскую, они доказывали, что ему, а не кому-либо другому, должно быть предоставлено право назначать римскихъ епископовъ.

Положеніе римской церкви въ началѣ сороковыхъ годовъ XI столѣтія было самое отчаянное, почти безвыходное ¹⁾. На

¹⁾ Источники для исторіи папства въ эту мрачную эпоху отличаются крайне скуднымъ и отрывочнымъ характеромъ. Особенное значеніе имѣютъ: Бошпо, *Ad Amicum, Liber V.*; *Annales Romani*, изданныя Церкомъ въ VII томѣ *Monumenta Germaniae historica*, стр. 468—480; Белно, *Vita Hildebrandi*, (источникъ крайне пристрастный, но важный по нѣкоторымъ своимъ указаніямъ); Діалога папы Виктора III; хроника Германа *Contracti*.

престолъ Св. Петра сдѣлать вновь юноша, напоминавшій своими нравами и неслыханными злодѣянiями Іоанна XII. То былъ Тускуланскій графъ, Теофилактъ, сынъ консула Альбериха, вступившій на папскій престолъ еще въ 1033 году подъ именемъ Бенедикта IX. Утверждаютъ, что онъ сдѣлался папою еще въ дѣтскомъ возрастѣ, что его избраніе было дѣломъ подкупа и насилiя. Какъ-бы то ни было, по только, достигнувъ зрѣлаго возраста, этотъ свободно избранный папа велъ такую ужасную жизнь, запятналъ себя такими страшными преступленiями, что его преемники старались искоренить всякое воспоминаніе о немъ. Не уступая въ позорномъ развратѣ и дикомъ разгулѣ своимъ предшественникамъ папамъ X вѣка, Бенедиктъ IX превосходилъ ихъ своими буйными, чисто разбойническими склонностями. Собравши вокругъ себя шайку удалцевъ, онъ самъ грабилъ по большимъ дорогамъ и собственноручно обиралъ поклонниковъ, стекавшихся тогда со всѣхъ сторонъ католическаго міра въ Римъ. Такія похожденiя папы были крайне невыгодны для римлянъ, они грозили уничтожить главный источникъ ихъ доходовъ, и они поднялись, наконецъ, противъ Бенедикта IX съ оружіемъ въ рукахъ (въ 1044 г.). Бенедиктъ принужденъ былъ бѣжать изъ города, но онъ успѣлъ склонить на свою сторону жителей Транстеверинскаго предмѣстія, а также нѣсколькихъ сосѣднихъ бароновъ и рыцарей. Началась настоящая междоусобная война. Римляне пытались силою захватить Транстеверинское предмѣстіе и выгнать оттуда Бенедикта, но были разбиты и потеряли нѣсколько сотъ человѣкъ. Ихъ озлобленіе противъ Бенедикта и ихъ страхъ предъ его возвращеніемъ были, однако-же, такъ велики, что они хотѣли скорѣе погибнуть, нежели покориться папѣ. Они укрѣпились въ городѣ и избрали новаго папу въ лицѣ Іоанна, епископа Сабинскаго. Іоаннъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Сильвестра III, но онъ не въ состояніи былъ держаться противъ оружія и золота Бенедикта. На сторонѣ этого послѣдняго было также и большинство римской знати, за него стояли и городскіе консулы, его близкіе родственники. Что-же удивительнаго, что Сильвестръ принужденъ былъ въ скоромъ вре-

мени удалиться изъ города, а Бенедиктъ занялъ съ торжествомъ папскій престолъ?

Несчастіе нисколько не подѣйствовало на безумца. Онъ вернулся въ Римъ такимъ-же сластолюбцемъ и кровопійцею, какимъ и ушелъ изъ него. Въ теченіи цѣлаго года осквернялъ онъ Латеранъ своими сладострастными оргіями. Онъ дѣйствовалъ мечемъ, кинжаломъ и ядомъ противъ своихъ враговъ; онъ ограбилъ всѣ римскія церкви, только-бы добыть себѣ средства для своей безпутной жизни. Наконецъ, ему пришла въ голову дикая мысль вступить въ законный бракъ и превратить папство въ свѣтскую династію. Онъ намѣтилъ себѣ невѣсту въ лицѣ прекрасной дочери графа Жерара де Саксо и формально предложилъ ей свою руку. Отецъ невѣсты не намѣренъ былъ, однако-же, допустить свою дочь до такого неслыханнаго святотатства и потребовалъ, чтобы Бенедиктъ сложилъ съ себя предварительно епископскій санъ ¹⁾. Ослѣпленный страстью, рѣшившись во чтобы то ни стало завладѣть прекрасною дѣвицею, Бенедиктъ задумалъ продать папскую тиару, и ему удалось найти въ скоромъ времени очень выгоднаго покупателя. То былъ Іоаннъ Граціанъ, архипресвитеръ и настоятель церкви Св. Іоанна въ Римѣ, одинъ изъ величайшихъ оригиналовъ своего времени.

Іоаннъ Граціанъ, человѣкъ, довольно темнаго происхожденія, принадлежалъ къ небольшому кружку римскаго духовенства, проникнутаго клуніанскими идеями. Онъ былъ особенно друженъ съ даровитымъ монахомъ Гильдебрандомъ и во всемъ подчинялся его вліянію, хотя и былъ гораздо старше его ²⁾. Гильдебрандъ былъ человѣкъ идеи въ полномъ смыслѣ этого слова. Слабый, тщедушный, малый ростомъ, некрасивый лицомъ, онъ былъ одаренъ отъ природы необычайно свѣтлымъ умомъ, практическою изворотливостію и пламеннымъ энтузіазмомъ. Подобно Іоанну Граціану, онъ былъ человѣкъ темнаго, бѣднаго происхожденія; по словамъ однихъ свидѣтелей,

1) Bonithonis ad amicum, lib. V, стр. 626, изданіе Яффе.

2) Сохранилось даже извѣстіе, что Іоаннъ былъ наставникомъ Гильдебранда. См. Фойгтъ, Hildebrand, als Papst Gregorius d. VII, стр. 1.

сынъ пастуха, по другимъ, сынъ плотника, а по болѣе досто-
вѣрнымъ свѣдѣнiямъ, его родители были бѣдные поселяне
въ мѣстечкѣ Саонѣ, въ римской области. Какъ бы то ни было,
но Гильдебрандъ никогда не упоминалъ о своихъ родителяхъ;
онъ зналъ лишь одного отца, св. апостола Петра, а его на-
стоящая мать была, по его словамъ, римская церковь. Его
воспитанiе было чисто монашеское; все его дѣтство и мо-
лодость протекли въ монастырѣ Св. Марiи на Авентинѣ,
куда его помѣстилъ его дядя, и гдѣ господствовалъ строгій
аскетизмъ и клунианскiй духъ. Нельзя сказать, чтобы Гиль-
дебрандъ проникся въ этомъ убѣжищѣ настоящимъ мисти-
ческимъ настроенiемъ, или чтобы онъ превратился въ суро-
ваго аскета, систематически изнуряющаго свою плоть, добл-
вающагося, во чтобы то ни стало, блаженнаго состоянiя
compositio. Гильдебрандъ занять былъ уже въ то время не
столько вопросомъ своего внутренняго совершенствованiя,
своего личнаго спасенiя, сколько болѣе широкимъ и вели-
кимъ вопросомъ преобразованiя и спасенiя римской церкви.
Его умъ обращенъ былъ не на самосозерцанiе, а на мiръ
внѣшнiй, онъ былъ поглощенъ всецѣло вопросами полити-
ческими и церковными. Онъ любилъ римскую церковь такую
же полною и исключительною любовью, какою любили когда-
то древнiе римляне свой родной городъ. Онъ скорбѣлъ въ
глубинѣ души надъ глубокимъ упадкомъ и извращенiемъ
папства, но онъ не сомнѣвался ни на минуту, что римскiй
епископатъ не замедлитъ подняться изъ своего униженiя,
что онъ займетъ въ скоромъ времени подобающее ему первое
мѣсто и что весь мiръ долженъ сдѣлаться подножiемъ апо-
столяскаго престола.

Но кто-же долженъ былъ взять на себя починъ въ этомъ
великомъ дѣлѣ, кто долженъ выступить реформаторомъ и
возстановителемъ папства съ его широкими правами и съ
его еще болѣе широкими притязанiями, кто отважится взять
на себя такое дѣло среди этого мiра лжи, зла, преступленiй,
кто чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ для исполненiя та-
кой задачи? Гильдебрандъ уже въ эту эпоху своей жизни не
задумывался давать самый прямой отвѣтъ на эти вопросы.

Себя самого считалъ онъ великимъ избранникомъ провидѣнія, призваннымъ преобразовать церковь и подчинить ея безусловному владычеству весь міръ. Онъ считалъ себя способнымъ къ такому великому дѣлу даже тогда, когда онъ былъ еще безыменнымъ монахомъ; въ своемъ собственномъ геніи надѣялся онъ найти средства и силы, долженствовавшія доставить ему побѣду надъ цѣлымъ свѣтомъ.

Живя въ уединеніи своего монастыря, въ сообществѣ своихъ братій монаховъ, Гильдебрандъ всею душою устремлялся въ міръ, зорко слѣдилъ за событіями и людьми и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы расширить кругъ своихъ практическихъ свѣдѣній. Люди, умѣнье обращаться съ ними, господствовать надъ ними,—вотъ что составляло главный предметъ его изученія. Уже въ монастырѣ достигъ онъ великихъ успѣховъ въ этой наукѣ, уже здѣсь научился онъ пользоваться слабыми сторонами людей и основывать на нихъ свое господство. Уже здѣсь онъ пришелъ къ убѣжденію, что для достиженія великой цѣли не слѣдуетъ брезгать никакими средствами, что надо пользоваться людьми, какъ орудіями и умѣть отбросить ихъ въ сторону по достиженіи желанной цѣли.

Гильдебрандъ не могъ не знать, въ своемъ монастырѣ, что среди развращеннаго Рима появилось новое неслыханное чудо, что въ развратномъ и продажномъ кругѣ римскаго духовенства появился человѣкъ, выдающійся и своею непорочною жизнью, и своею неподкупностью, Гильдебрандъ поспѣшилъ розыскать этого человѣка ¹⁾ и съ перваго-же взгляда на него понялъ, что сама судьба посылаетъ ему въ немъ орудіе для осуществленія его плановъ. Іоаннъ Граціанъ не отличался ни выдающимися умственными способностями, ни образованіемъ, ни силою воли. Онъ былъ человѣкъ простой, въ высшей степени добродушный, глубоко и искренно вѣрующій и въ высшей степени нравственный. Онъ не запяталъ себя ни однимъ изъ пороковъ, господствовавшихъ въ

---

1) Само собою понятно, что знакомство Гильдебранда съ Іоанномъ Граціаномъ относится къ очень раннему времени.

тогдашнемъ Римѣ, и не предаваясь крайнему аскетизму, составилъ себѣ однако-же репутацію человѣка святого. А это значило много и очень много въ Римѣ. Горожане, окрестные жители, наконецъ, пилигриммы изъ близкихъ и далекихъ странъ, толпами начали стекаться къ нему. Всякій, кто желалъ выслушать обѣдню или молебенъ изъ чистыхъ устъ, всякій, кто придавалъ значеніе благословенію изъ незапятнанныхъ пастырскихъ рукъ, всякій, наконецъ, кто искалъ утѣшенія и жаждалъ принести покаяніе во грѣхахъ своихъ пастырю доброму, спѣшилъ къ скромной церкви Іоанна Крестителя у Латинскихъ воротъ и находилъ здѣсь въ лицѣ достойнаго и маститаго настоятеля все то, чего желалъ онъ, къ чему стремилась его душа. Какой контрастъ представляла эта тихая, малая церковь съ тѣми величественными и еще недавно столь богатыми храмами Св. Петра, Св. Павла, Св. Маріи, гдѣ покоились великія святыни христіанскаго міра! Тамъ господствовала теперь мерзость запустѣнія, тамъ поражали взоръ набожнаго богомольца ободранныя стѣны, обезчещенные алтари, ограбленныя гробницы святыхъ, тамъ тѣснились вокругъ церкви воры, разбойники и убійцы, выдававшіе себя за священниковъ и діаконовъ, тамъ внутри самыхъ храмовъ можно было наткнуться на самыя возмутительныя и соблазнительныя сцены, входя туда, приходилось рисковать не только своимъ кошелькомъ, но и своею жизнью.

Пилигриммы, посѣщавшіе такъ усердно церковь у Латинскихъ воротъ, не приходили съ пустыми руками. Всѣ они, и знатные и простые, и богатые и бѣдные, приносили свою лепту. Каждый хотѣлъ засвидѣтельствовать хотя чѣмъ нибудь свое уваженіе къ святому мужу и каждый жертвовалъ, по мѣрѣ силъ своихъ, на его церковь. Іоаннъ Граціанъ считалъ эти припошенія не своимъ, а Божіимъ достояніемъ. Тщательно собиралъ онъ ихъ въ церковной казнѣ и никогда не тратилъ изъ нихъ ни одного динарія. Въ короткое время скромный и бѣдный пресвитеръ сдѣлался вдругъ хранителемъ несмѣтныхъ сокровищъ. Груды золота и серебра наполняли подвалы его храма, а между тѣмъ припошенія продолжали приливать съ неизсякающимъ изобиліемъ. Святой мужъ вспомнилъ еван-

гельскую притчу о зарытомъ талантѣ, онъ понялъ, что опасно и неразумно оставлять далѣе подъ спудомъ приношенія вѣрующихъ и что необходимо употребить ихъ на какое нибудь богоугодное дѣло. Тяжелое раздумье напало на благочестиваго Іоанна Граціана. Сначала онъ порѣшилъ было употребить, собранныя имъ, сокровища на возстановленіе и украшеніе ограбленныхъ и опозоренныхъ римскихъ церквей, но затѣмъ онъ сообразилъ, что въ такомъ случаѣ его сокровища попадутъ въ руки безбожнаго Бенедикта и его развратной компаніи, и онъ отказался отъ этой мысли. А между тѣмъ въ городѣ разнесся почти невѣроятный слухъ, что папа намѣренъ сложить съ себя епископскій санъ, что онъ предлагаетъ свою тиару тому, кто заплатитъ за нее большую сумму денегъ. Новая, страшная мысль блеснула въ головѣ Іоанна Граціана. А что, если онъ воспользуется накопленными сокровищами для того, чтобы купить себѣ папство и приняться затѣмъ за очищеніе и преобразование церкви Христовой? Но нѣтъ, такой поступокъ немислимъ для него, богобоязненнаго человѣка; вѣдь это значило бы запятнать себя постыднѣйшею симонією, вѣдь это значило бы стремиться къ добру путемъ безчестнымъ и богопротивнымъ. Правда, другъ Гильдебрандъ смотритъ нѣсколько иначе на эти вопросы; правда, онъ не разъ слышалъ изъ его устъ, что великая и благая цѣль освящаетъ средства; но быть можетъ Гильдебрандъ ошибается въ этомъ случаѣ. А впрочемъ, лучше всего посовѣтоваться съ этимъ умнымъ и сильнымъ человѣкомъ. Какъ онъ скажетъ, такъ и будетъ можно поступить ¹⁾.

---

1) Участіе Гильдебранда въ избраніи Григорія VI-го принадлежитъ къ числу самыхъ темныхъ пунктовъ исторіи этой эпохи. Лишь не многіе свидѣтели, напимѣръ Венно, утверждаютъ что инициатива въ покупкѣ папской тиары принадлежала, именно, Гильдебранду. Какъ ни пристрастны вообще рассказы этихъ свидѣтелей, но въ данномъ случаѣ они заслуживаютъ полнаго вѣроятія, такъ какъ ихъ показанія соотвѣтствуютъ какъ нельзя болѣе и характеру Гильдебранда и его образу дѣйствій въ болѣе позднюю эпоху, когда онъ занималъ важный постъ архидіакона Римской церкви, когда онъ занимался самыми грязными денежными спекуляціями и подкупами. Что Гильдебрандъ былъ замѣшанъ самымъ тяжелымъ

Гильдебрандъ явился и послѣ короткой бесѣды разсѣялъ всѣ сомнѣнія своего друга. Съ свойственною ему силою убѣжденія онъ поработилъ стараго, слабаго человѣка, и толкнулъ его на путь, предъ которымъ содрагалось доселѣ все его внутреннее существо. Что могло устоять предъ аргументаціею хитраго монаха? «Твоя цѣль велика и свята», говорилъ онъ своему другу, «но ее можно достигнуть лишь путемъ симоніи. Симонія, правда, великій грѣхъ, но она перестанетъ быть грѣхомъ, если она дастъ тебѣ возможность спасти церковь. При необыкновенномъ положеніи дѣлъ необходимо прибѣгать и къ необычнымъ средствамъ. Зло слѣдуетъ искоренять зломъ; неизлѣчимыя язвы надлежитъ вырѣзывать желѣзомъ и выжигать огнемъ. Ты долженъ завладѣть папствомъ во чтобы то ни стало, чтобы освободить церковь отъ владычества нечестивыхъ. Поспѣши, иначе папская тіара попадетъ неизбежно въ инныя нечистивыя руки».

Іоаннъ Граціанъ безсильно склонился предъ волею могучаго человѣка. Позорный торгъ былъ заключенъ. Бенедиктъ потребовалъ, чудовищную для того времени, сумму въ 1500 фунтовъ чистаго серебра, но сокровища бѣднаго пресвитера оказались на столько великими, что Іоаннъ Граціанъ не только могъ уплатить требуемое количество серебра, но и удержалъ еще въ своемъ распоряженіи значительный излишекъ. И излишекъ этотъ оказался далеко не лишнимъ. Пришлось подкупать римское духовенство, дворянъ и народъ; только послѣ этого неизбежнаго въ тѣ времена средства, Іоаннъ Граціанъ могъ быть торжественно провозглашенъ папою подъ именемъ Григорія VI.

Трудно допустить, чтобы постыдный торгъ оставался тайною, но тѣмъ не менѣе репутація новаго папы была на столько велика, что всѣ лучшіе, благочестивые люди того времени съ радостью привѣтствовали его вступленіе на престолъ Св. Петра. Петръ Даміани, знаменитѣйшій изъ аскетовъ и от-

---

образомъ въ дѣлѣ Григорія VI-го, что его считали человѣкомъ, крайне опаснымъ видно изъ того, что Генрихъ III нашелъ необходимымъ взять его въ Германію вмѣстѣ съ низложеннымъ папою.

шельниковъ Италіи, громко возликовалъ при вѣсти объ избраніи Григорія VI. «Теперь», писалъ онъ своимъ друзьямъ, «возвратится золотой вѣкъ апостоловъ. Правда, новому папѣ предстоитъ страшная задача; во всей римской области нѣтъ ни одного клирика, который былъ бы достоинъ епископскаго сана, но будемъ надѣяться на лучшее». И эти надежды раздѣляемъ мы всею партіею реформы. Во всѣхъ клуніанскихъ кружкахъ Григорія VI привѣтствовали съ восторгомъ.

Разочарованіе не замедлило наступить. Правда, Григорій VI, поддерживаемый ловкимъ и практическимъ Гильдебрандомъ¹⁾, энергически принялся за восстановленіе порядка въ городѣ Римѣ. Вооруженною рукою очистилъ онъ храмы отъ шаекъ воровъ и убійць, но его авторитетъ и сила тотчасъ же пали, какъ только истощились его денежные средства. Большинство римскаго духовенства отвернулось отъ него, когда онъ принужденъ былъ прекратить свои щедрія подачки. Бароны возненавидѣли его за его попытки положить предѣлъ ихъ своеволю и анархіи. Римская чернь бросила его съ той минуты, какъ только убѣдилась въ его денежной несостоятельности. Лучшіе граждане продолжали, правда, держать его сторону, но масса открыто начала выражать свое сожалѣніе по поводу отреченія Бенедикта. И Бенедиктъ не замедлилъ возвратиться. Графъ Жераръ не исполнилъ своего обѣщанія, онъ отказался выдать свою дочь за бывшаго папу. Пылая злобою и жаждою мести, Бенедиктъ поспѣшилъ въ Римъ и вновь возложилъ на себя папскій вѣнецъ. Его примѣру послѣдовалъ и Сильвестръ III, никогда, впрочемъ, не отрекавшійся отъ своего сана. Онъ также возвратился въ Римъ и успѣлъ собрать вокругъ себя толпу приверженцевъ. Всѣ трое папъ считали себя, каждый, единственнымъ первосвященникомъ; всѣ осыпали другъ друга анаѣемами и проклятiями. Тройной расколъ раздиралъ римскую церковь, никогда еще ея положеніе не было такъ позорно и ужасно, какъ въ это время. Собственными силами и средствами она не въ состояніи бы-

---

¹⁾ Григорій назначилъ его своимъ капеланомъ, а, по нѣкоторымъ повѣстiямъ даже замѣстителемъ.

ла вырваться изъ тройныхъ оковъ, опутавшихъ ее. Лучшіе умы того времени должны были придти къ убѣжденію, что лишь одинъ верховный представитель свѣтской власти на западѣ можетъ положить предѣлъ небывалому соблазну.

Замѣчательно, что это убѣжденіе проникло, подлѣ конецъ, даже въ среду испорченнаго римскаго духовенства. Архидіаконъ Петръ созвалъ на совѣщаніе представителей римскаго клира и народа и предложилъ имъ спарядить посольство къ Императору Генриху III ¹⁾. «Лишь онъ одинъ, замѣтилъ архидіаконъ, облеченный верховною властью, отъ самого Бога, прирожденный покровитель римской церкви и защитникъ всего христіанства, можетъ спасти насъ изъ бездны зла и позора. Припадемъ же къ стопамъ его и будемъ просить его милости и заступничества». Все собраніе единогласно одобрило мнѣніе архидіакона. По избранію присутствующихъ, онъ самъ долженъ былъ взять на себя санъ посла и отправиться за Альпы ко двору Императора. Петръ повиновался. Онъ благополучно достигъ Германіи и былъ ласково принятъ Императоромъ. Петръ упалъ на колѣни передъ Генрихомъ; цѣлując его ноги, обливаясь слезами, умолялъ онъ его послѣдовать въ Италію и спасти церковь отъ тройного позорнаго ига, тяготѣющаго на ней.

Генрихъ милостиво поднялъ архидіакона и объявилъ ему, что онъ самъ давно уже горитъ желаніемъ извлечь римскую церковь изъ позора и тираніи, и что приближается уже время, когда успокоивъ Имперію и подчинивъ себѣ всѣ сосѣдніе народы, онъ пріобрѣтетъ возможность посвятить свои силы служенію Христу и его церкви. Обрадованный Петръ поспѣшилъ обратно въ Римъ. Повсюду, на пути своемъ, возвѣщаль онъ о скоромъ прибытіи въ Италію великаго, благочестиваго Императора Генриха III, грядущаго во главѣ несмѣтной рати для умиротворенія страны и прекращенія раскола.

¹⁾ Петръ былъ подвинутъ къ этому дѣлу, по мнѣнію Бонико, самимъ Богомъ: «*Nam in tanta et tam valida tempestate suscitavit Deus spiritum cuiusdam Petri, Romani archidiaconi*». Liber V, стр. 626.

Клунианцы и всѣ сторонники церковной реформы имѣли полное основаніе относиться съ безграничнымъ довѣріемъ къ Генриху. Болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, не исключая самого Карла Великаго, былъ онъ проникнутъ духомъ благочестія. Чуждый низкихъ, матеріальныхъ стремленій вѣка, онъ весь жилъ идеями Императорства, понимаемыми имъ въ самомъ широкомъ и возвышенномъ смыслѣ слова. Онъ стремился распространить свой Императорскій авторитетъ на весь западный міръ, руководясь при этомъ не властолюбіемъ, а желаніемъ водворить повсемѣстно порядокъ и тишину, положить предѣлы феодальной анархіи и бѣдствію народной массы. Считая себя верховнымъ покровителемъ церкви, онъ скорбѣлъ о повсемѣстно распространившейся нравственной порчѣ духовенства. Получивъ широкое и согласно духу времени, чисто церковное образованіе, онъ относился съ полнымъ сочувствіемъ къ идеямъ клунианцевъ и твердо намѣренъ былъ взять въ свои руки преобразование церкви. Симонія казалась ему величайшимъ зломъ и источникомъ безбожной и развратной жизни духовенства. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престоль, онъ собралъ всѣхъ Германскихъ епископовъ и обратился къ нимъ, по свидѣтельству современника, съ такою рѣчью ¹⁾: «Съ тяжелымъ сердцемъ говорю я вамъ, поставленнымъ вмѣсто Христа надъ церковью, искупленною Его кровію. Ослѣпляемые любостыжаніемъ и похотью, вы нарушили законы церкви и впали въ проклятіе. И мой отецъ, за душу коего я нахожусь въ такомъ страхѣ, излишне увлекался при своей жизни временными выгодами. Кто изъ васъ сознаетъ себя виновнымъ въ семъ великомъ грѣхѣ, тотъ да отречется тотчасъ-же отъ священнаго сана. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно вслѣдствіе этого грѣха, голодъ, болѣзни и мечь терзаютъ человѣчество, ибо всѣ церковныя должности, начиная отъ высшаго священно-служителя и оканчивая псаломщикомъ, сдѣлались продажными». Такъ говорилъ Императоръ и епископы молчали, объятые страхомъ, ибо они боялись лишиться своего сана. Наконецъ, сознавая свою вину,

¹⁾ Radulphus Glaber, Бургундскій аналитъ.

они начали умолять Императора о милосердіи. Тронутый ихъ покаяніемъ и просьбами, Генрихъ сказалъ имъ: «Ступайте и управляйте хорошо тѣмъ, что пріобрѣли вы такимъ дурнымъ путемъ. Молитесь за душу моего отца, ибо и онъ вмѣстѣ съ вами запутался въ этотъ грѣхъ». Императоръ издалъ повелѣніе по всей Имперіи, чтобы никто не смѣлъ впредь продавать или покупать за деньги какой-бы то ни было церковный санъ или церковную должность. Всѣмъ послушникамъ онъ грозилъ низложеніемъ и церковнымъ проклятіемъ. «Ибо, говорилъ онъ, какъ я получилъ отъ Господа корону Имперіи безвозмездно и по одному милосердію, такъ и я буду безвозмездно передавать церкви то, что должно принадлежать ей по праву. И я желаю, чтобы всѣ, подвластные мнѣ, поступали точно также!»

Но Генрихъ не ограничился однимъ искорененіемъ симоніи въ подвластныхъ ему заальпійскихъ странахъ. Вѣрный своему обѣщанію, онъ уже въ 1046 г. отправился въ Италію, дабы возложить на себя Императорскій вѣнецъ и положить конецъ папскому расколу. Его сопровождало такое несмѣтное войско, что стѣны Рима не въ состояніи были вмѣстить въ себѣ всѣхъ его воиновъ. Въ виду такого могущества становилось немислимымъ всякое сопротивленіе. Сильнѣйшіе князья Италіи являлись съ покорною головою въ его лагерь. Самъ папа Григорій VI, узнавъ о его приближеніи, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Онъ явился къ Генриху въ Піаченцу и былъ принятъ съ почетомъ, подобавшимъ его сану. Но Императоръ тутъ-же объявилъ ему, что онъ не можетъ признать его законнымъ папою до тѣхъ поръ, пока дѣло его и его соперниковъ не будетъ разсмотрѣно на церковномъ соборѣ, долженствующемъ собраться въ городкѣ Сутри, въ предѣлахъ римской области.

Григорій повиновался. Онъ самъ, по желанію Генриха, открылъ засѣданія собора, 20 декабря. То было блестящее и многочисленное собраніе. На ряду съ Италійскими и римскими прелатами тутъ возсѣдали епископы Германскіе и Бургундскіе ¹⁾. Соборъ занялся тотчасъ-же обсужденіемъ избранія

¹⁾ См. Bonithonis, ad amicam, liber V, стр. 627.

всѣхъ трехъ папъ. Дѣло Бенедикта и Сильвестра не вызвало ни малѣйшихъ разногласій. Оба они были признаны симонистами и клятвопреступниками и приговорены къ лишенію епископскаго и священническаго сана и къ заточенію въ монастырь. Затѣмъ очередь дошла до Григорія. Императоръ и епископы просили его самаго рассказать какимъ образомъ достигъ онъ высшаго епископскаго сана. «Онъ былъ глупъ и не въ мѣру простъ», говоритъ современникъ ¹⁾, «а потому и рассказалъ собору, по правдѣ, все какъ было». Выслушавъ его рассказъ, епископы замѣтили ему, что то, что куплено за деньги, не можетъ быть святымъ и чистымъ. «Призываю Бога въ свидѣтели», отвѣчалъ потрясенный Григорій, «что я думалъ заслужить этимъ моимъ поступкомъ милосердіе Господне и прощеніе моихъ грѣховъ. Теперь я узнаю хитрость сатаны. Посовѣтуйте мнѣ, какъ долженъ поступить я». Епископы отвѣчали, что ему самому подобаешь произнести приговоръ надъ собою. Тогда Григорій, воскликнулъ: «Я епископъ Григорій, рабъ рабовъ Божіихъ, объявляю, что я долженъ быть лишенъ сана епископа римскаго, ибо, искушенный коварствомъ діавола, я вступилъ на него посредствомъ постыдной симоніи». Съ этими словами Григорій сошелъ съ трона и собственноручно снялъ съ себя епископскія одежды.

Изъ Сутри Генрихъ двинулся съ своимъ войскомъ въ Римъ. Онъ вступилъ въ вѣчный городъ 23 декабря 1046 года при громкомъ ликованіи народа. Уже на слѣдующій день онъ собралъ въ церкви Св. Петра епископовъ, аббатовъ, священниковъ и всѣхъ римлянъ и предложилъ имъ избрать новаго папу. Но римское духовенство и народъ хорошо понимали, что значило подобное предложеніе и навсегда отrekliсь въ пользу Императора отъ права избранія папъ. Они провозгласили Генриха своимъ патриціемъ и поднесли ему знаки его новаго достоинства. И Генрихъ возложилъ на свою голову бѣлую митру и золотой вѣнецъ, набросилъ на свои плечи зеленую маптію и надѣлъ на палецъ золотой перстень. Съ восторгомъ привѣтствовалъ народъ своего побѣдоноснаго,

¹⁾ Бонизо называетъ Григорія прямо idiotомъ: «ut erat idiota», стр. 628.

великаго, милостиваго властелина. И Генрихъ взялъ за руку, стоявшаго возлѣ него, епископа Бамбергскаго, Свидгера и обращаясь къ римлянамъ, воскликнулъ громкимъ голосомъ «вотъ вашъ епископъ!» И весь народъ палъ ницъ передъ Императоромъ и его избранникомъ. Свидгеръ былъ торжественно посвященъ въ папы подъ именемъ Климента II.

«И когда», писалъ впоследствии Климентъ Бамбергскому клиру, «глава всего міра, римскій престолъ, началъ изнемогать отъ недуга ереси, то возлюбленный сынъ нашъ, Императоръ Генрихъ искоренилъ ересь сію и изгналъ всѣхъ трехъ, насиліемъ присвоившихъ себѣ папское имя. И изъ всего сонма святыхъ отцевъ, окружавшихъ его, Императоръ пожелалъ, чтобы мы недостойные, сопротивлявшіеся тому всѣми силами, были избраны на мѣсто перваго изъ апостоловъ. И такимъ то способомъ заняли мы престолъ. предъ коимъ преклоняются колѣни каждаго и по волѣ коего отворяются и затворяются врата Царствія Небеснаго».

Генрихъ принялъ всѣ мѣры для обезпеченія Климента на папскомъ престолѣ. Онъ смирилъ буйныхъ римскихъ бароновъ, онъ покорилъ своей власти Норманскихъ князей, начавшихъ распространять свое владычество въ Южную Италію. Покидая Римъ, онъ взялъ съ собою въ Германію низложеннаго Григорія и его друга Гильдебранда. Этотъ маленькій, безобразный, смуглый монахъ казался ему человѣкомъ въ высшей степени опаснымъ. Оба изгнанника находились нѣкоторое время при Императорскомъ дворѣ и сопровождали его въ его постоянныхъ поѣздкахъ по Имперіи. То была новая высокая школа для Гильдебранда. Только здѣсь, при дворѣ Генриха, позналъ онъ и дѣйствительное могущество, и умѣнье управлять людьми. Послѣ смерти Григорія онъ удалился въ Клувіанскій монастырь, обогащенный опытомъ, готовый выступить во всеоруженіи на поприще міровой дѣятельности. И его часъ не замедлилъ наступить.

В. Надлеръ.

ПАТРІАРХЪ ФОТІЙ.

(Продолженіе *).

Фотій на соборѣ.—Онъ осужденъ.—Его несогласіе съ соборомъ.—Смерть Адриана II.—Папа Іоаннъ VIII.—Аппеллія Фотія противъ собора, осудившаго его.—Іоаннъ VIII принимаетъ его сторону.

Второе засѣданіе собора происходило спустя два дня послѣ перваго собранія. Тѣже личности присутствовали и на этомъ собраніи. Епископы, посвященные нѣкогда Меодіемъ и Игнатіемъ, потребовали допущенія ихъ въ засѣданіе собора; число ихъ простиралось до десяти. Ихъ допустили, и они представили собору записку, въ которой объяснили, что вошли въ общеніе съ Фотіемъ вслѣдствіе жестокаго обращенія, которому подверглись. Они принесли извѣстное (привезенное изъ Рима) исповѣданіе, и Игнатій призналъ ихъ епископами; ихъ причислили къ числу членовъ собора, составившемуся такимъ образомъ изъ 28 человекъ.

Затѣмъ позволили войти одиннадцати священникамъ, посвященнымъ Игнатіемъ и присоединившимся къ Фотію. Они представили такое-же объясненіе, какъ и епископы. Потомъ вошли діаконы въ числѣ девяти и подіаконы въ числѣ семи. Послѣ чтенія такой-же записки, какъ и епископская, всѣ они были восстановлены Игнатіемъ въ ихъ священномъ званіи. Но Игнатій наложилъ на нихъ слѣдующую эпитимію: лица, не принадлежавшія къ монашескому званію, въ среду и пятницу каждой седмицы должны были воздерживаться отъ мяса, молочной пищи и яицъ; лица же

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1869 г. № 3.

принадлежавшія къ монашествующимъ и не вкушавшія мяса, должны были воздерживаться отъ молочной пищи, яицъ и рыбы. Всѣ они должны были питаться только растительною пищею съ постнымъ масломъ; впрочемъ могли употреблять и немного вина. Со дня своего принятія, т. е. съ 7 октября и до праздника Рождества Христова, они не должны были исправлять никакихъ церковныхъ требъ; ежедневно должны были класть по 50 поклоновъ, сто разъ взывая при этомъ: «Господи помилуй»; сто разъ провозглашая «Господи согрѣшилъ я» и сто разъ молясь: «Господи прости мнѣ». Они должны были каждый день прочитывать псаломъ шестой, тридцать седьмой и пятидесятый.

Засѣданіе было закрыто по окончаніи чтенія распоряженій объ этой эпитиміи.

Въ своей „*Жизни Игнатія*“ Никита порицаетъ снисходительность, съ которою отнеслись къ лицамъ, примкнувшимъ къ Фотію; онъ утверждаетъ, что, согласно съ тридцать первымъ апостольскимъ правиломъ, ихъ надобно было-бы изложить. Онъ не признаетъ ихъ истинными приверженцами Игнатія и обвиняетъ въ беспорядкахъ, происшедшихъ въ послѣдствіи.

Спустя четыре дня, 11 октября, открыто было третье засѣданіе собора. Два новыхъ епископа были допущены въ засѣданіе собора, состоявшаго на этотъ разъ изъ 30 членовъ.

Въ Константинополѣ находились тогда другіе епископы, посвященные Меодіемъ и Игнатіемъ и остававшіеся вѣрными Фотію. По требованію легатовъ, три митрополита: Митрофанъ Смирнскій, Никиѳоръ Амасійскій и Никита Афинскій обратились къ теодулу Анкирскому и Никиѳору Никейскому, и потребовали отъ нихъ подписи подъ новымъ исповѣданіемъ, привезеннымъ изъ Рима.

Они отвѣчали: «мы достаточно давали подписей, хорошихъ или дурныхъ, мы утомлены ими; можете обратиться къ той, которую мы дали при нашемъ посвященіи и которая хранится въ архивахъ патріаршей церкви». Очевидно, что эти епископы не были горячими приверженцами Игнатія и если, какъ утверждаетъ Никита, десять епископовъ, подписавшихъ римское исповѣданіе, не

поступали искренно, то соборъ въ дѣйствительности состоялъ только изъ 18 членовъ, между которыми находились личные враги Фотія и во главѣ ихъ очень извѣстный Митроанъ Смирнскій.

Спустя два дня послѣ третьяго засѣданія открыто было четвертое.

Баганей, представитель императора, заявилъ собору, что два епископа, посвященные патріархомъ Меѳодіемъ, упорствуютъ въ своей приверженности къ Фотію и что хорошо было бы привести ихъ предъ соборъ, чтобы выслушать ихъ. Но соборъ рѣшилъ, что достаточно послать къ нимъ делегатовъ съ требованіемъ формальнаго объясненія по слѣдующимъ двумъ пунктамъ: въѣмъ они были посвящены, и какого именно патріарха признаютъ законнымъ? Оба епископа объявили, что посвящены они Меѳодіемъ, а законнымъ патріархомъ признаютъ Фотія. По полученіи этого отвѣта, соборъ объявилъ, что они должны подвергнуться одинаковой участи съ Фотіемъ и что ихъ не должно выслушивать.

Баганей и сенаторы, присутствовавшіе въ засѣданіи, не нашли однако же этого рѣшенія справедливымъ: «императоры, сказали они, послали насъ сюда съ тѣмъ, чтобы мы были вѣрными свидѣтелями всего происходящаго здѣсь; и если вы хотите, чтобы мы дали наши подписи подъ вашими дѣянїями, согласно съ обмѣновеніемъ, то мы заявляемъ, что не подпишемъ ихъ, если только Фотій и его приверженцы не будутъ приведены для выслушанія. Прежде вашего прибытія сюда, мы не признавали осужденій произнесенныхъ Николаемъ и Адріаномъ, потому что мы надѣялись, что при вашей помощи будетъ совершенъ судъ законный, которому каждый долженъ будетъ подчиниться. Если же вы не согласитесь на выслушаніе обвиненныхъ, то наши совѣсти не будутъ умротоворены. Да и осужденные, если ихъ не спросятъ, всегда будутъ говорить, что ихъ осудили не выслушавши, и такимъ образомъ соблазнъ не будетъ прекращенъ». Митроанъ и другіе епископы собора присоединились къ этому заявленію сенаторовъ. Но легаты утверждали, что подсудимые уже осуждены папою и знаютъ это осужденіе, которое объявлено имъ и которому они должны под-

чиниться. «Они не знаютъ этого осужденія», возразилъ Баганей; «они не могутъ не знать его, отвѣчали легаты; они имѣли своихъ пословъ въ Римѣ, когда ихъ судили тамъ; и если уже они должны быть приведены сюда, то единственно только для выслушанія публичнаго чтенія палскаго осужденія, въ отношеніи къ которому мы не можемъ допустить никакого неуваженія. Очевидно, они желаютъ только избѣжать совершеннаго надъ ними суда». — «Если бы они желали избѣжать его, отвѣчали сенаторы, то они не говорили бы такъ открыто: пусть судятъ всѣхъ насъ!» Легаты уступили наконецъ, но подъ условіемъ, чтобы приверженцы Фотія заняли послѣднія мѣста въ соборной залѣ, и чтобы были допущены не для разсужденій, а для выслушанія своего осужденія.

Епископы, приверженные къ Фотію, узнавши, что соборъ не хочетъ обсуждать ихъ дѣла, возвратились въ свои епархіи. Въ Константинополѣ остались только Теофилъ и Захарій, которыхъ мнѣнія были извѣстны собору. Эти два епископа имѣли большое вліяніе на Константинопольскій народъ; они были въ Римѣ и они утверждали, что папа Николай состоялъ въ общеніи съ ними; отсюда они заключали, что папа находился въ общеніи и съ Фотіемъ, такъ какъ совершалъ литургію съ его приверженцами, посланными въ Римъ для защиты его дѣла. Легаты согласились на приведеніе ихъ предъ соборъ, но послѣ возбужденія нѣкоторыхъ затрудненій.

Согласно съ просьбою собора, ихъ допрашивалъ Баганей. Оба епископа заявили, что они отправились въ Римъ для сопутствованія легатамъ Николаю, послѣ константинопольскаго собора, на которомъ изложенъ былъ Игнатій. Они не были официальными послами, представлявшими палѣ соборныя документы и письма императора и Фотія. Такимъ образомъ они не были какъ-либо настроены ни письмами, ни содержаніемъ этихъ писемъ. Они прибыли въ Римъ, какъ простые епископы и какъ таковыя были приняты Николаемъ послѣ того, какъ представили, согласно съ обычаемъ, свое исповѣданіе вѣры и заявленіе, послѣ котораго и вошли въ общеніе съ римскою церковію. Легаты должны были признать это;

но они утверждали только, что епископы лгали, говоря о своемъ сослуженіи съ папою Николаемъ.

Въ доказательство того, что епископы лгали, легаты привязывались къ самымъ незначительнымъ частностямъ; но оба они отвѣчали: «мы могли бы представить свидѣтельства, которыя докажутъ, что мы говоримъ истину, если бы можно было сдѣлать это безъ навлеченія на себя неприятностей. Пусть императоръ обяжется предоставить намъ свободу рѣчи и мы скажемъ все».

Безъ сомнѣнія, дѣло шло объ офицерахъ, сопровождавшихъ посольство императора Михаила въ Римъ, которые могли страшиться всего влѣдствіе послѣдующихъ событій, вознесшихъ Василя на тронъ.

Маринъ, одинъ изъ легатовъ, косвенно призналъ истинность словъ епископовъ, такъ какъ на запросъ Теофила онъ сказалъ, что два лица, посланные Фотіемъ, были признаны Николаемъ православными. Но если они были признаны таковыми, то почему имъ могло быть отказано въ сослуженіи съ папою, по общепринятому обычаю на Западѣ и на Востокѣ?

На вопросъ Баганея, Тома, епископъ Тирскій, и Илія, епископъ Іерусалимскій, заявили, что ни въ патріархатѣ Іерусалимскомъ, ни въ патріархатѣ Антіохійскомъ Фотія не признавали патріархомъ, и что отъ него не получали тамъ писемъ. Это утверждение было ложно; письма Фотія къ восточнымъ патріархамъ существовали. Эти письма подтверждаютъ и существованіе общенія между нимъ и остальными патріархами, и нельзя привести ни одного документа, ни одного факта, которымъ можно было бы подтвердить, что эти патріархи протестовали противъ посвященія Фотія.

Свидѣтельство Тома и Иліи было принято собраніемъ. Римскіе легаты поторопились однако же покончить съ этимъ споромъ, который Теофиль поддерживалъ съ энергіею, не особенно пріятною для легатовъ. Они спросили Теофила и Захарію, желаютъ ли они подписать папское повѣданіе? Теофиль отвѣчалъ: «мы не только не желаемъ подписать его, но не желаемъ даже слышать чтеніе его». — «Пусть изгоняютъ ихъ отсюда!» закричали легаты. Ихъ изгнали, и засѣданіе было окончено.

Пятое засѣданіе происходило 20 октября. Рѣшено было, согласно съ требованіемъ представителя императора, чтобы Фотій былъ приведенъ на соборъ. Къ Фотію послали простыхъ пословъ изъ мірянъ съ вопросомъ, согласенъ ли онъ предстать предъ соборъ и въ случаѣ, если онъ откажется отъ этого, то чтобы сказать, по какимъ причинамъ Фотій не могъ признать судьями тѣхъ, которые не желали его судить, и которые признавали его безвозвратно осужденнымъ. Такимъ образомъ, онъ не могъ добровольно предстать предъ своими врагами для выслушанія ихъ осужденія; онъ могъ только повиноваться, въ случаѣ если бы его силою принудили прибыть на соборъ; поэтому онъ отвѣчалъ: «вы не звали меня до сихъ поръ въ ваше собраніе; зачѣмъ призываете меня туда сегодня? Я не приѣду туда добровольно; *я положилъ храненіе о устнахъ моихъ*, а въ псалмѣ 38 вы сами можете прочесть дальнѣйшія слова. Эти дальнѣйшія слова суть слѣдующія: *потому что нечестіе возстало противъ меня и я рѣшился хранить молчаніе предъ вашими нечестивыми сборищами*».

Къ Фотію послали второе посольство изъ мірянъ, обязанныхъ высказать ему слѣдующій библейскій текстъ, въ отвѣтъ на приведенныя имъ слова: *уздой и удилами ты долженъ обуздать того, который не хочетъ приблизиться къ тебѣ*. Къ этому прибавили, что это будетъ сдѣлано посредствомъ императорской власти. Надобно признаться, что если императоръ рассчитывалъ на справедливый судъ со стороны этихъ легатовъ, то онъ очень ошибся. Наконецъ римскіе легаты повторяли до пресыщенія, что дѣло идетъ не о совершеніи суда, но объ объявленіи осужденія. А въ такомъ случаѣ зачѣмъ надобно было обязывать Фотія прибыть на соборъ? Вынужденный наконецъ предстать предъ соборомъ, онъ подражалъ примѣру Іисуса Христа предъ еврейскимъ синедріономъ, желавшимъ не судить, но осудить Его.

Когда его привели въ мѣсто собранія, то его поставили на послѣднемъ мѣстѣ. Затѣмъ одинъ изъ легатовъ спросилъ: «что это за человекъ, который стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ?» — «Это Фотій», отвѣчали сенаторы. Легать снова спросилъ, тотъ ли это Фотій, ко-

торый причинилъ столько скорби римской церкви въ теченіи семи лѣтъ, который разстроилъ церковь Константинопольскую, обезпокоилъ церкви восточныя? Неизвѣстно, на чемъ основывались легаты, высказывая свое послѣднее обвиненіе, потому что въ отвѣтъ на окружныя посланія, отправленныя Фотіемъ къ восточнымъ патріархамъ, безусловно неизвѣстенъ никакой фактъ, никакой документъ восточныхъ церквей относительно Фотія. Когда легаты спросили Баганея, принимаетъ ли Фотій папскія рѣшенія, Баганей отвѣчалъ: «надобно спросить его самаго».

Георгій, охранитель императорскаго дворца, обязанъ былъ предложить ему этотъ вопросъ. Фотій не отвѣчалъ. Легаты предложили этотъ вопросъ во второй разъ. Фотій хранилъ молчаніе. Тогда легаты стали ругать его, называя его *злостью*, *мстцомъ*. Фотій ограничился только заявленіемъ: «я не имѣю надобности говорить, чтобы Богъ слышалъ то, что я отвѣчаю». — «Твое молчаніе не спасетъ тебя», сказали легаты. Фотій отвѣчалъ: «молчаніе Христа равнымъ образомъ не спасло Его».

Онъ не отвѣчалъ ни одного слова на всѣ ругательныя слова, которыя позволяли себѣ противъ него римскіе легаты и мнимые послы восточныхъ патріарховъ. Наконецъ Баганей обратился къ нему съ слѣдующими словами: «господинъ Фотій, скажите онъ, вы можете оправдаться. Если вы будете продолжать хранить молчаніе, то соборъ не можетъ оказать вамъ состраданія. Кому вы будете жаловаться на него? Римъ и Востокъ собраны здѣсь, и они осуждаютъ васъ. Человѣкъ Божій, оправдывайтесь же».

«Мое оправданіе не принадлежитъ этому міру, отвѣчалъ Фотій: если бы оно принадлежало этому міру, то я явилъ бы его вамъ». Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ онъ могъ убѣдить въ своей невинности людей, которые осудили его, даже не выслушавши... Изъ Рима ему принесли только осужденіе; со стороны Востока онъ видѣлъ лишь двухъ фанатиковъ, которые лгали и ругали его; дворъ же низложилъ его съ его престола безъ суда и возвелъ на этотъ престолъ его противника то же безъ всякаго уваженія къ великому собору, низложившему Игнатія. Такимъ образомъ, его оправ-

даніе не принадлежало этому міру. Баганей предложилъ ему хорошо обдумать это, и объявилъ ему, что его еще разъ приведутъ въ слѣдующее собраніе. «Идите, сказалъ онъ ему, васъ призовутъ еще». Фотій отвѣчалъ ему: «увы, я не имѣю надобности во времени для обдумыванія; что же касается моего призыванія, то конечно вы имѣете власть сдѣлать это».

Затѣмъ Фотій вышелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончилось и пятое засѣданіе собора.

Шестое собраніе проходило 25 октября. Императоръ Василій засѣдалъ на немъ. Здѣсь прочтена была записка, въ которой авторъ въ краткихъ словахъ и на свой манеръ изложилъ все то, что было совершено по дѣлу Игнатія и Фотія. А Митрофанъ Смирнскій и Илія, епископъ Іерусалимскій, произнесли рѣчи въ честь императора. Этотъ послѣдній повторилъ лишь свою обычную ложь. Тома Тирскій никогда не говорилъ ничего, такъ что весь христіанскій Востокъ ограничивался дѣятельностію канцеляріи патріарха Іерусалимскаго, имѣвшаго очень ограниченную юрисдикцію. Илія мимоходомъ сказалъ, что въ его церкви не осуждаютъ епископовъ, принимавшихъ участіе въ посвященіи Фотія, за исключеніемъ Григорія Сиракузскаго, преданнаго анаѳемѣ Игнатіемъ и римскою церковію. Это послѣднее утвержденіе ложно. Римская церковь не осуждала Григорія Сиракузскаго, а Игнатій осудилъ его во имя власти, которую римская церковь оспаривала. Но епископъ Іерусалимскій не зналъ всего этого точно, когда говорилъ о дѣлахъ, развѣданныхъ имъ только въ Константинополѣ, и то изъ заявленій враговъ Фотія.

Затѣмъ, по требованію императора, были введены епископы находившіеся въ общеніи съ Фотіемъ. О челѣ ихъ не говорятъ. Они заявили, что угрызенія совѣсти не позволяютъ имъ отказаться отъ эксъ-патріарха, вслѣдствіе присяги, данной имп. «Чтобы освободить васъ отъ этихъ угрызеній, сказали римскіе легаты, мы дадимъ вамъ разрѣшеніе по благодати Божіей и по силѣ сообщенной намъ власти *вязать и рѣзать*; потому что вы были вынуждены дать эту присягу». Легаты предположили, будто въ отно-

шеніи къ этимъ епископамъ было употреблено принужденіе, дабы такимъ образомъ дать нѣкоторый видъ справедливости своему безнравственному толкованію евангельскихъ словъ. Императоръ пожелалъ самъ повліять на епископовъ Фотія. «Вы видите, сказали онъ имъ, что думаютъ патріархи: римскій, антиохійскій и іерусалимскій; какъ вамъ это кажется?» — «Мы будемъ въ отвѣтъ за это», сказали епископы. А одинъ изъ нихъ, епископъ Кесарійскій, присовокупилъ: «Государь, мы знаемъ твою справедливость и твою доброту; дай намъ письменное увѣреніе въ томъ, что мы будемъ пользоваться свободою при изложеніи нашего оправданія, и мы надѣемся, что въ состояніи будемъ доказать, что противъ насъ высказываютъ пустыя рѣчи». «Это вы, возразилъ императоръ, говорите пустыя рѣчи, безчестя такимъ образомъ то, что исходитъ отъ патріаршихъ кафедръ. Вы осмѣливаетесь называть святыми тѣ соборы, которые были созваны безъ воли патріарховъ, единственно властію государей, и вы не стыдитесь презрять настоящій соборъ! Вы сами знаете, и весь міръ знаетъ это, что пять патріаршихъ престоловъ не могутъ погрѣшати въ вѣрѣ¹⁾; итакъ вы должны подчиниться ихъ осужденію. Очевидно, что вы не вѣрите осужденію, износимому вамъ отъ этихъ престоловъ; я васъ спрашиваю: вѣрите ли вы этому, или нѣтъ?» — «Мы въ этомъ не сомнѣваемся», отвѣчали епископы — «Если вы не сомнѣваетесь, возразилъ императоръ, то подчинитесь патріархамъ; если же сомнѣваетесь, то отправьтесь посоветоваться съ ними сами, я заплачу ваши путевыя издержки. Надобно выяснитъ это дѣло». «Его можно выяснитъ и здѣсь», отвѣчали епископы.

Захарій Халкидонскій присовокупилъ: «каноны превыше папы Николая и другихъ патріарховъ. Когда поступаютъ вопреки канонамъ, то мы можемъ не подчиняться этому». Въ бѣглому очеркѣ церковной исторіи, онъ привелъ множество фактовъ въ доказательство того, что одни лица, будучи приняты въ общеніе патріархами Рима и въ другихъ мѣстахъ, были затѣмъ окончательно

1) Ясно, что тогда еще не допускали, чтобы римскій папа, отождествившій себя съ своимъ патріаршимъ престоломъ, могъ быть непогрѣшимымъ.

осуждены; а другія, которыхъ патріархи осудили, были приняты въ общеніе церковію; потому что каноны, нарушенные въ извѣстныхъ случаяхъ, были сильнѣе въ сравненіи съ патріархескими дѣянїями. Императоръ продолжилъ споръ: «Тѣ, о которыхъ вы говорите, сказалъ онъ, были осуждены извѣстными патріархами, но оправданы другими; между тѣмъ какъ васъ все патріархи осуждаютъ». Доказательство это имѣло только ту силу, что утверждало непогрѣшимость патріарховъ; но именно это доказательство и было тезисомъ Захарїи. Если легаты Рима, Антиохїи и Іерусалима, болѣе или менѣе законные, были тогда противъ Фотїя и его друзей, то ихъ преемники развѣ не могли снова принять ихъ въ свое общеніе? Императоръ присовокупилъ: «мы знаемъ хорошо, что вы изъ мірянъ, и васъ сюда призвали не для выраженїя пустаго неудовольствїя». Епископы отвѣчали: «самъ дьяволъ не объяснялся бы подобнымъ образомъ». Василїй не протестовалъ противъ этого замѣчанїя, не очень то лестнаго. Онъ вошелъ затѣмъ въ нѣкоторыя личныя незначительныя подробности, чтобы доказать, что Фотїй принималъ нѣкоторыхъ въ клиръ изъ предворныхъ мірянъ. Въ подтвержденіе этого онъ ссылался на епископовъ и именно на Евлампія, который дѣйствительно признался, что вступилъ въ клиръ изъ мірянъ, и что онъ не обращалъ вниманїя на это обстоятельство, потому что Фотїй былъ тогда безспорнымъ патріархомъ, послѣ того какъ Игнатїй подалъ въ отставку. Замѣчательно, что никто не спорилъ противъ того, будто Игнатїй подавалъ въ отставку.

А это доказываетъ ложность разсказовъ нѣкоторыхъ историковъ, утверждавшихъ, будто, когда актъ объ отставкѣ былъ представленъ Игнатїю, то Игнатїй отказался подписать его, и что затѣмъ самъ Фотїй поставилъ внизу этого акта крестъ, вмѣсто подписи. На соборѣ никто не осмѣлился оспаривать отставку Игнатїя и разсказъ о ней Евлампія. Послѣ этого легатамъ оставалось прибѣгнуть къ своимъ обычнымъ всеильнымъ средствамъ: «Евлампій, сказали они, не имѣетъ права говорить здѣсь, даже вступая въ бесѣду съ императоромъ. Пусть епископы Фотїя подпишутъ рим-

ское исповѣданіе, если они хотятъ быть принятыми въ общеніе послѣ того, какъ понесутъ эпитимію; если же они будутъ упорствовать въ своемъ ожесточеніи, то мы можемъ только подвести ихъ подъ осужденіе, произнесенное въ Римѣ противъ Фотія и его приверженцевъ, и признаемъ ихъ отлученными». Обращаясь затѣмъ къ епископамъ, друзьямъ Фотія, легаты спросили, кто изъ нихъ былъ посвященъ Игнатіемъ. Предстали три епископа: «желаете ли вы, спросили легаты, подчиниться соборному суду и подписать римское исповѣданіе?» — «Никогда, отвѣчали они; и если императоръ прикажетъ, то мы дадимъ все необходимыя объясненія на это». «Если вы не хотите подчиниться, сказали легаты, то возвратитесь къ своимъ». Именно это они и сдѣлали.

Послѣ того Митрофанъ Смирнскій произнесъ длинную рѣчь въ опроверженіе того, что сказано было Захаріемъ Халкедонскимъ. Захарій хотѣлъ было ему возражать, но палскіе легаты сказали императору, что было бы бесполезно спорить о предметѣ рѣшенномъ. Тогда секретарь Константинъ началъ говорить отъ имени императора, побуждая друзей Фотія подчиняться. А легаты и другіе члены собранія громко хвалили императора за его кротость и доброту. Василій далъ друзьямъ Фотія семь дней на размышленіе, послѣ которыхъ они должны были осуждены, если не подчинятся.

Вслѣдъ затѣмъ засѣданіе было окончено.

Седьмое засѣданіе происходило 29 октября. Императоръ тоже присутствовалъ на немъ. Отъ имени императора патрицій Баганей сказалъ легатамъ: «отсрочка, дарованная Фотію, истекаетъ; мы снова привели его на соборъ и если вы прикажете, то онъ войдетъ». Легаты отвѣчали: «пусть прійдетъ». Послѣ этого Фотій вошелъ, опираясь на жезлъ и въ соупутствіи Григорія Справузскаго. Легатъ Маринъ сказалъ: «вырвите изъ его рукъ жезлъ, служащій знакомъ папскаго достоинства; онъ не долженъ носить его; онъ волкъ, а не пастырь». У него отняли жезлъ и легаты просили Баганея спросить Фотія, хочетъ ли онъ подписать исповѣданіе. Фотій отвѣтилъ Баганею: «Григорій и я мы просимъ Бога сохранить императора на многія лѣта; мы сообщимъ наши замѣ-

чанія императору, но не легатамъ». «Вы ничего еще, кромѣ этого, не скажете?», прибавилъ Баганей. «Если они слышали, продолжалъ Фотій, то, что мы сказали, то они не должны были бы обращаться къ намъ съ своимъ вопросомъ. Если же они повторяютъ намъ уже высказанное прежде осужденіе, которое подтверждаютъ и своими дѣйствіями, то пусть сами расскаются, сказалъ Григорій Сирагузскій, въ содѣянномъ ими грѣхѣ». Баганей перевелъ эти слова легатамъ, не понимавшимъ по-гречески. Легаты вскричали: «мы собрались не для того, чтобы терпѣть оскорбленія, или приносить раскаяніе; это они должны быть оскорбляемы нами и должны раскаяться. Позорно для церкви слышать подобныя слова. Мы спрашиваемъ ихъ только, желаютъ ли они принять исповѣданіе; помы не отвѣчаемъ на то, что сказали эти земляные черви, покрытыя грѣхами отъ ногъ до головы».

Подобныя рѣчи были довольно безстыдны со стороны членовъ римскаго клира, въ отношеніи къ двумъ высокопоставленнымъ сановникамъ, изъ коихъ одинъ былъ сыномъ императора, а другой родственникомъ императорской фамиліи, а оба принадлежали къ высшей аристократіи, соединяя съ преимуществами по рожденію самыя высокія личныя качества. Григорій былъ великимъ художникомъ, а Фотій величайшимъ ученымъ своей эпохи. Послѣ этого легко понять, почему оба они не слишкомъ большое вниманіе оказывали римскимъ легатамъ.

Баганей снова предложилъ Фотію свой прежній вопросъ, и тотъ отвѣчалъ: «Я не имѣю ничего отвѣчать клеветникамъ».

Вслѣдъ затѣмъ были приведены епископы, друзья его. Легаты потребовали, чтобы съ ними не вступали въ препирательства. «Пусть подпишутъ исповѣданіе, сказали они, вотъ все, что они должны здѣсь сдѣлать». Поэтому Баганей спросилъ ихъ: «хотите ли вы подписать это исповѣданіе?» — «Нѣтъ» отвѣчали они. Амфилохій и Захарій присовокупили: «о какомъ это исповѣданіи вы говорите? Идетъ ли дѣло о нашемъ собственномъ исповѣданіи вѣры?» — «Нѣтъ», отвѣчали легаты; дѣло идетъ объ исповѣданіи, принесенномъ нами изъ Рима. Дѣло идетъ о томъ, чтобы вы отвергли Фотія

и соборныя дѣянiя его, чтобы предали анаѳемѣ Григорiя Сиракузскаго, подчинились Игнатiю и во всемъ согласились съ опредѣленiями римской церкви». Иоаннъ, епископъ Гераклiйскiй, протянувши руку по направленiю къ Фотiю, сказалъ: «пусть тотъ, кто анаѳематствуетъ этого епископа, самъ будетъ анаѳема». Захарiй Халкедонскiй присовокупилъ: «мы не желаемъ подчиниться тому, что безразсудно; мы знаемъ, какъ происходили дѣла». Евфимiй, епископъ Кессарiи въ Каппадокии, сказалъ: «всему тому, что противорѣчитъ разуму и канонамъ, хотя бы оно шло изъ Рима, или Иерусалима, и даже отъ ангела, слетѣвшаго съ небеси, я не подчиняюсь».

Тогда Баганей, съ разрѣшенiя легатовъ, отъ имени императора, обратился къ Фотiю и его друзьямъ. Онъ повторилъ все то, что раньше говорилъ въ одномъ изъ прежнихъ засѣданiй; а именно, что патрiархи осуждаютъ ихъ, и что если они не признаютъ присланныхъ ими пословъ, то могутъ сами отправиться къ патрiархамъ для вопрошенiя ихъ, и что императоръ вознаградитъ ихъ за ихъ путевыя издержки. «Дѣла эти могутъ быть выяснены и здѣсь, сказалъ Фотiй, достаточно только, чтобы мы имѣли полную свободу представить наши доказательства». «Императоръ, сказалъ Баганей, желаетъ предоставить вамъ полную свободу; но наши судьи не желаютъ слушать васъ, потому что вы причиняете только однѣ оскорбленiя имъ». Судя по актамъ, составленнымъ даже врагомъ Фотiя, мнимые судьи наносили гораздо большiя оскорбленiя, чѣмъ осужденные: «мы не признаемъ этихъ людей нашими судьями, назвали епископы—друзья Фотiя; они не уважаютъ церковныхъ канонѳвъ».

Легаты, видя, что не успѣваютъ ни въ чемъ, приказали читать документы, составленные въ Римѣ и уже прежде читанные. Затѣмъ они провозгласили анаѳему противъ Фотiя, Григорiя Сиракузскаго, Евлампiя и другихъ друзей Фотiя.

Послѣ этого засѣданiе было прекращено.

Восьмое засѣданiе происходило 5 ноября. Императоръ тоже присутствовалъ на немъ. Но такъ какъ онъ былъ весьма необразо-

ванъ и едва умѣлъ читать, то патриціи Ваганей еще разъ былъ его истолкователемъ. Дѣло начали съ того, что сожгли все протоколы, въ которыхъ находились подписи всехъ признавшихъ Фотія законнымъ епископомъ,—начиная отъ сенаторовъ и до ремесленниковъ; равнымъ образомъ сожгли соборные акты, составленные противъ Игнатія и противорѣчившіе римскимъ постановленіямъ; равно какъ сожгли и сочиненія, написанныя въ защиту дѣла Фотія. Все это было превосходнымъ средствомъ предоставить себѣ возможность клеветать совершенно по своему произволу.

Затѣмъ привели римскихъ монаховъ, прибывшихъ нѣкогда въ Константинополь для защиты дѣла Фотія. Они могли только заявить на соборѣ, что безусловно не имѣютъ никакого значенія въ дѣяніяхъ, въ которыхъ были примѣшаны. Если бы они не сдѣлали этого заявленія, то ихъ выдали бы легатамъ, призвавшимъ ихъ сюда, и они знали, что имъ было бы въ этомъ случаѣ. Въ числѣ 10 епископовъ, оставившихъ Фотія и присоединившихся къ собору, были многіе подписавшіе соборныя дѣянія Фотія. Ихъ спросили, не подложны ли ихъ подписи? Они послѣшно признали подписи подложными. Имъ побоялись однако же предложить слѣдующее возраженіе, почему же именно они не подписали соборныхъ дѣяній Фотія, когда были сторонниками его? Удовольствовались однимъ лживымъ отрицаніемъ ихъ, чтобы отсюда заключить, будто Фотій допустилъ въ актахъ своего собора ложныя подписи.

Послѣ этихъ дѣйствій, во всякомъ случаѣ единственныхъ, Митрованъ произнесъ рѣчь въ похвалу истины и для прославленія императора, своего защитника.

Затѣмъ занялись иконоборцами; многіе изъ нихъ были приведены на соборъ съ тѣмъ, чтобы они отреклись отъ своего заблужденія. Императоръ обнималъ кающихся и привѣтствовалъ ихъ возвращеніе въ православіе. Далѣе соборъ анаематствовалъ упорныхъ иконоборцевъ и возобновилъ свои анаемы противъ Фотія.

Послѣ этого соборъ былъ прерванъ на три мѣсяца.

Девятое засѣданіе собора происходило уже 12 февраля (870 г.).

На немъ присутствовали архидіаконъ Іосифъ, легать патриарха Александрійскаго ¹⁾. Въ это же собраніе приведены были и тѣ, которые возставали противъ Игнатія во время его изложенія; и тѣ, которые являлись въ качествѣ пословъ восточныхъ патриарховъ на соборъ Фотія; и тѣ, которые во времена императора Михаила рядились въ священныя одежды для пздѣвательства надъ церковными церемоніями. Легко понять, что все теперь старались рельефнѣе выставить ихъ прегрѣшенія, въ которыхъ ихъ упрекали, и что ихъ подвергли наложенной на нихъ эпитиміи. Такимъ образомъ это засѣданіе не имѣло важности. Единственное дѣло достойное вниманія состояло въ томъ, что патриархъ Александрійскій въ письмѣ своемъ заявлялъ, что онъ безусловно ничего не знаетъ по дѣлу Игнатія и Фотія.

28 февраля произошло десятое и послѣднее засѣданіе собора. Императоръ присутствовалъ на немъ съ сыномъ своимъ Константиномъ, 20 патриціями, послами Людовика, западнаго императора и короля Италіи ²⁾ и послами Михаила, князя Волгарскаго. Въ актахъ собора говорится, будто болѣе ста епископовъ присутствовали во время этого засѣданія. Если бы было вѣрно то, что сто епископовъ засѣдали въ послѣднемъ собраніи, когда всякое изслѣдованіе по дѣлу Фотія было уже окончено, то что надобно заключить отсюда? Въ Константинопольскомъ патриархатѣ существовало болѣе 400 епископовъ; мы увидимъ, что болѣе 300 изъ нихъ стеклись на соборъ, возстановившій Фотія. Такимъ образомъ Игнатій имѣлъ въ свою пользу только слабое меньшинство.

Въ дѣйствительности этотъ пресловутый соборъ, признаваемый на Западѣ *восьмымъ вселенскимъ*, состоялъ только изъ 18 чело-вѣкъ, изъ коихъ многіе не были епископами.

Въ послѣднемъ засѣданіи прочитаны были 27 канонъ; боль-

---

1) Въ актахъ говорится, что въ это время на соборѣ присутствовало 66 епископовъ.

2) Въ числѣ пословъ находился и Анастасій бібліотекаръ; онъ имѣлъ порученіе устроить бракъ сына Василія и дочери Людовика и испросить помощи противъ итальянскихъ сарацинъ. Анастасій, безъ сомнѣній, былъ избранъ потому, что былъ единственнымъ чело-вѣкомъ на Западѣ хорошо говорившимъ по-гречески.

шая часть этихъ канонѣвъ были незначительными; въ тѣхъ же, которые имѣли нѣкоторую важность, старались только уронить Фотія и его друзей.

Въ краткомъ видѣ ихъ можно выразить слѣдующимъ образомъ.

Декреты папы Николая и Адриана подтверждены; Фотій никогда не былъ епископомъ. Всѣ посвященія, совершенныя имъ, признаны недѣйствительными. Церкви и алтари, освященныя имъ, должны получить новое освященіе.

И однакоже Фотій былъ возведенъ въ свое достоинство и посвященъ тѣми епископами, которые сами получили посвященіе законнымъ образомъ. Слѣдовательно его посвященіе обладало характеромъ священническимъ и епископскимъ. Подчиняясь только своей страсти, всѣ легаты, бывшіе на соборѣ, впади въ тяжкое заблужденіе, которое никакая церковь, даже западная, не могла одобрить. Если же дѣйствительность таинства зависитъ отъ нравственнаго состоянія того, кто совершаетъ его, то никто не можетъ быть увѣренъ въ полученіи какого бы то ни было таинства; само собою очевидно, къ чему это можетъ привести. Ученіе, заявленное мнимымъ восьмымъ вселенскимъ соборомъ, есть по-просту ересь, въ которую никакая церковь не впадала и которая была осуждаема всѣми церквами.

Фотій подвергся анаѳемѣ и за то, что онъ, будучи патріархомъ, преподавалъ науки и заставлялъ своихъ учениковъ принимать на себя извѣстныя обязательства. Ему запрещено было, равно какъ и остальнымъ отлученнымъ, преподавать науки и рисовать святоны. Последнее запрещеніе было направлено противъ Григорія Спракузскаго, который былъ художникомъ. Римскіе легаты, не бывшіе ни учеными, ни художниками, не понимали, что подобными канонами они выставляли въ смѣшномъ видѣ самихъ себя.

Запрещено было возставать противъ пяти патріарховъ и писать противъ патріарха римскаго, какъ это сдѣлалъ Фотій.

Фотій могъ бы отвѣчать на это, что вѣдь и онъ то же былъ патріархомъ, когда патріархъ римскій писалъ къ нему заносчивыя письма, не разслѣдовавши его дѣла, какъ выражался Фотій.

Прежде окончательнаго закрытія своего, соборъ прочиталъ обширное исповѣданіе вѣры, въ которомъ были осуждены все еретики; между этими еретиками, анафематствованъ былъ и папа Гонорій, причисленный къ монофелитамъ.

Соборъ призналъ семь вселенскихъ соборовъ и былъ настолько не скромнъ, что настоящій соборъ объявилъ восьмымъ вселенскимъ. Надобно было, по крайней мѣрѣ, подождать, чтобы онъ былъ признанъ такимъ всеми церквами. Чтеніе исповѣданія вѣры было закончено подтвержденіемъ осужденія Фотія, которое произнесено было папами Николаемъ и Адрианомъ. Для чего же надобно было *подтвержденіе* этого осужденія, когда легаты до пресмыщенія повторяли, что они прибыли только для исполненія этого осужденія и что они желаютъ не судить обвиняемыхъ, а только добиваются отъ нихъ подчиненія?

Послѣ одобренія каноновъ, императоръ обязалъ всехъ подчиняться имъ и объявилъ, что все не подчиняющіеся будутъ строго наказаны; никто не сдѣлалъ возраженія, а потому приступили къ подписѣ соборныхъ дѣяній. Три римскихъ легата подписались первыми, но *подъ условіемъ одобренія со стороны папы*; затѣмъ подписались Игнатій и послы Александріи, Антиохіи и Іерусалима; императоръ поставилъ крестъ вмѣсто подписи. Его сынъ, Константинъ, поставилъ два креста, одинъ за себя, другой за брата своего, Льва, и надъ крестами написалъ имена трехъ государей. Затѣмъ подписались сто два епископа. Если эти подписи подлинныя, то ихъ немного въ сравненіи съ многочисленными епископскими кафедрами, существовавшими въ имперіи.

Никита въ своей *Жизни Игнатія* говоритъ, что подписывавшіе обмакнули свое перо въ кровь Спасителя, но онъ самъ сомнѣвается въ этомъ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ надобно усомниться.

Затѣмъ было написано много писемъ императоромъ и соборомъ для извѣщенія патріарховъ и всехъ церквей о томъ, что было совершено.

Надобно замѣтить, что, судя по соборнымъ актамъ, епископы, прежніе друзья Фотія, не принимали никакого участія въ томъ,

что происходило на соборѣ. Самъ Игнатій имѣлъ на немъ очень маловажное значеніе. Какъ только засѣданія были закрыты, епископы, подписавшіе римское исповѣданіе, чтобы быть допущенными на соборъ, прибыли къ Игнатію и императору и обратили ихъ вниманіе на то, что подписанное ими римское исповѣданіе безусловно подчиняло восточныя церкви церкви римской и что условіе, присоединенное римскими легатами къ своей подписи, безъ сомнѣнія скрываетъ какую-нибудь западную. Съ этимъ согласились, и императоръ приказалъ изъять экземпляры подписаннаго всѣми римскаго исповѣданія, въ то время, когда легаты находились въ отсутствіи. Отсюда произошли громкія жалобы со стороны легатовъ и пословъ Людовика. Василій возвратилъ подписанныя исповѣданія, но съ очевиднымъ намѣреніемъ завладѣть ими другимъ способомъ.

Болгарскіе послы возбудили другой вопросъ. Ихъ князь, будучи недоволенъ своими отношеніями къ Риму, поручилъ посламъ, которыхъ послалъ на Константинопольскій соборъ, спросить, должна ли Болгарія завѣсть отъ патріарха этого послѣдняго города, или же отъ патріарха Рима. Члены собора собрались для разсужденія объ этомъ ¹⁾. Римскіе легаты утверждали, что Болгарія зависить отъ Рима и что вотъ уже три года какъ римскіе миссіонеры проповѣдуютъ тамъ евангеліе. Они поостерегались однакоже говорить, что Болгары были обращены греческими священниками, посланными Фотіемъ. Тѣмъ не менѣе восточные послы высказались противъ римлянъ; наконецъ согласно съ рѣшеніемъ восточныхъ пословъ, признанныхъ посредниками между Римомъ и Константинополемъ, пришли къ заключенію, что Болгарія должна находиться въ зависимости отъ этого послѣдняго престола. Римскіе легаты обратились тогда къ Игнатію и представили ему письмо папы Адріана, говоря, что онъ долженъ высказаться въ пользу римской церкви, оказавшей ему покровительство. Игнатій принялъ письмо, но не читалъ его. Патріархъ выразилъ желаніе обдумать его, такъ

¹⁾ *Vit. Hadriani; Praefat. Anast. ap. Labb. Conc. t. VIII.*

какъ онъ не настолько юнъ, какъ выразился онъ, чтобы дѣйствовать безразсудно, и не настолько старъ, чтобы говорить вздоръ.

Сопротивленіе легатовъ тому, что было рѣшено относительно Болгаріи, разгнѣвало императора Василія, который не забылъ еще дѣла съ римскимъ исповѣданіемъ; но онъ притворился, пригласилъ легатовъ на обѣдъ и съ почестями проводилъ ихъ въ пристани, гдѣ они должны были сѣсть на суда; но на морѣ на нихъ напали славяне, которые ограбили ихъ и отняли у нихъ ихъ бумаги. Кажется однако же, что подписанныя исповѣданія уцѣлѣли, равно какъ и копія съ соборныхъ актовъ, сдѣланная Анастасіемъ бібліотекаремъ. Послы Людовика сохранили ихъ.

Можно думать, что Василій не былъ чуждъ этого происшествія и что славяне въ данномъ случаѣ лишь повиновались его подстрекательствамъ. Легаты, отпущенные на свободу, по настоянію папы и императора, прибыли въ Римъ уже въ декабрѣ мѣсяцѣ (870). На слѣдующій годъ Василій снова пишетъ къ папѣ, спрашивая у него новыхъ легатовъ, потому что не имѣетъ извѣстій о прежнихъ и не знаетъ, прибыли ли они наконецъ въ Римъ. Адрианъ отвѣтилъ ему въ такомъ родѣ, что далъ понять, что онъ не обмануть его хитростями, и упрекалъ его въ томъ, что императоръ не подражаетъ своему предшественнику Михаилу, который столь тщательно заботился о безопасности посланныхъ къ нему легатовъ. Одновременно съ императоромъ Василіемъ, къ папѣ писалъ и Игнатій. Въ своихъ письмахъ оба они дѣлали намекъ на рѣшеніе болгарскаго вопроса. На самомъ же дѣлѣ Игнатій послалъ священниковъ въ Болгарію и посвятилъ для этой страны одного епископа. Папа горько жаловался на это и угрожалъ Игнатію отлученіемъ. Но эта угроза не произвела никакого дѣйствія, и Болгарія осталась въ зависмости отъ патріарха Константинопольскаго ¹⁾.

По окончаніи собора, Фотій былъ изгнанъ; ему не оставили никакихъ средствъ къ существованію; у него отняли его книги; его

¹⁾ Ap. *Labb. Conc. t. VIII. Vit. Basil.*

друзья и его родственники были преслѣдуемы; среди этихъ обстоятельствъ Фотій писалъ къ императору Василію ¹⁾: «Всемирно стивѣйшій императоръ! выслушай меня; я не хочу припоминать тебѣ ни нашихъ прежнихъ сношеній, ни твоихъ клятвъ, связавшихъ тебя со мною, ни муропомазанія, даннаго мною тебѣ, ни св. Таинъ, которыхъ я сдѣлалъ тебя причастникомъ ²⁾; я тебя спрашиваю только, за что меня изгнали безъ всякой вины, за что устроили мнѣ ссылку хуже, чѣмъ для другихъ? Меня лишили даже моихъ книгъ; это новый родъ наказанія, необыкновенный, изобрѣтенный только для меня. Съ какою же цѣлію? Безъ сомнѣнія съ тою, чтобы я не могъ внимать слову Божію; и такъ, не желаешь ли ты, чтобы къ твоему царствованію примѣнено было слѣдующее слово св. Писанія: «въ тѣ дни будутъ испытывать голодъ хлѣба и голодъ слова Божія». Если въ своихъ еочиненіяхъ я впалъ въ заблужденіе, пусть же дадутъ мнѣ еще большее число книгъ для моего вразумленія. И если я никого не оскорбилъ моими ошибками, то зачѣмъ оскорблять меня самого? Никогда православные не подвергались столь жестокому обращенію со стороны еретиковъ, какъ я; никогда они не были лишены своихъ книгъ. Еретики не переносили въ своемъ изгнаніи того, что меня заставляютъ переносить. Самъ Арій имѣлъ средства къ существованію и сохранилъ все свои книги; для меня же изобрѣтено новое наказаніе; меня различили съ моими родственниками, съ моими друзьями, съ моими слугами; вмѣсто клириковъ, совершающихъ святое богослуженіе, я окруженъ только солдатами; если ты не хочешь облегчить мое наказаніе, то осуди меня на смерть; смерть, по крайней мѣрѣ, положитъ конецъ моимъ мученіямъ: не смотря на то, что ты императоръ, ты также смертенъ, какъ и я; ты имѣешь такую же природу, какъ и я; ты имѣешь того-же Владыку, того же Судью, какъ

1) Phot. *Epist.* 97. Edit. Lond.

2) Василій былъ помазанъ муромъ (sacré) когда онъ сталъ соучастникомъ императорской власти и принималъ отъ Фотія Св. Дары до самаго того дня, когда былъ призванъ Пигатій.

и я. Я не прошу у тебя ни патриаршескаго престола, ни благосостоянія, ни славы; я желаю только покоя и обращенія со мною, согласно съ цивилизованными правами римскаго народа».

Фотій съ силою писалъ также придворнымъ, преслѣдовавшимъ его ¹⁾. Одному изъ этихъ придворныхъ, по имени Михаилу, онъ указываетъ, что для всѣхъ обвиненій, которыми отягчили и его самого, и его родственниковъ, нѣтъ ни одного свидѣтеля, ни одного судьи, ни одного обвинителя ²⁾. Въ этомъ письмѣ онъ тоже жалуется, что у него отняли книги; именно это обстоятельство причиняло ему наибольшую скорбь.

Баганей, имѣвшій большое вліяніе при дворѣ, былъ главнымъ виновникомъ дурнаго обращенія, принятаго въ отношеніи къ Фотию. Обращаясь къ нему на соборѣ, онъ представлялся мягкимъ и святошей; онъ называлъ его *господиномъ Фотіемъ и человекомъ Божиимъ*; но когда прежнему патриарху была назначена ссылка, то онъ настолько оказалъ варваромъ, что отказалъ ему въ посылкѣ медика для леченія его во время болѣзни. Фотій писалъ ему ³⁾: «Римляне и греки прекращали нѣкогда страданія побѣжденныхъ враговъ своихъ; говорятъ даже, что и дикія животныя являютъ состраданіе къ несчастнымъ. Вы-же, столь человеколюбивый, привели меня въ состояніе, повергшее меня въ болѣзнь. Вотъ уже цѣлый мѣсяць, какъ я боленъ; я много разъ просилъ васъ позволить медику посѣтить меня, и вы отказываете въ этомъ! Вы, столь преданный христіанству, столь гуманный, что сдѣлали вы изъ вашего человеколюбія и изъ вашего христіанства? Я не хочу характеризовать вашихъ дѣйствій; вы сами должны рѣшить, какое названіе надобно усвоить вамъ. Надобно ли признать васъ христіаниномъ, римляниномъ, грекомъ, варваромъ или свирѣпымъ животнымъ?»

Баганей не могъ быть польщенъ подобнымъ письмомъ. Фотій, будучи болѣе знатнымъ господиномъ, чѣмъ онъ, смотрѣлъ на него, какъ на низкаго придворнаго, переступающаго приказанія своего

1) Phot. *Epist.* 22, 49.

2) Phot. *Epist.* 85.

3) Phot. *Epist.* 114.

государя. Будучи изгнаннымъ и преслѣдуемымъ, Фотій признавалъ себя обязаннымъ отдать отчетъ въ своемъ поведеніи тѣмъ, которые остались ему вѣрными; а ихъ было много; потому что признавая несомнѣннымъ дѣйствительное присутствіе ста двухъ епископовъ, вдругъ появившихся какъ бы по волшебному мановенію на послѣднемъ засѣданіи собора, состоявшаго первоначально лишь изъ *восемнадцати* человекъ, все же существовало еще триста епископовъ въ греческой имперіи, не принимавшихъ никакого участія въ томъ, что было предпринято противъ Фотія. И вотъ почтенный патріархъ написалъ къ нимъ окружное посланіе, въ которомъ отвѣчаетъ какой-то важной личности, распространившей молву, будто бы Фотій потерялъ голову изъ за желанія устранить божественные законы и измѣнить церкви. «Достоувѣрно, говоритъ патріархъ¹⁾, что переносимое мною преслѣдованіе можетъ заставить меня потерять голову, но этого еще не случилось. Никто не покиннулъ меня во время преслѣдованія, ни великіе, ни малые, ни ученые, ни невѣжды; это утѣшаетъ и укрѣпляетъ меня. Я же защищаю свое дѣло потому, что защищая его, веду борьбу за истину».

Нѣтъ сомнѣнія, что громадное большинство епископовъ и вѣрующихъ остались въ общеніи съ Фотіемъ во время преслѣдованія, которому онъ подвергся. Самъ императоръ ясно видѣлъ интригу, жертвою которой былъ Фотій; да и крайнія дѣйствія легатовъ оскорбили его; между тѣмъ какъ Игнатій былъ старъ и болѣзненъ, и управленіе его было вполнѣ ничтожнымъ. Въ дѣйствительности Фотій былъ осужденъ только папою Николаемъ, который, не зная по-гречески ни одного слова, не могъ сознательно судить о его дѣлѣ. Въ особенности же, когда обвиненный отсутствовалъ и не могъ поэтому защищать себя. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, императоръ Василій не могъ колебаться болѣе. Безъ сомнѣнія, онъ ожидалъ только смерти Игнатія, чтобы принять другое рѣшеніе. Но видя, что старость Игнатія продолжается болѣе, чѣмъ можно было предположить, онъ приказалъ возвратитъ Фотія въ Констан-

¹⁾ Phot. *Eynst.* 174.

тинополь и назначилъ ему помѣщеніе въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ дворцовъ города. Фотій оставилъ Игнатія очень спокойнымъ на его патриаршей кафедрѣ, и довольствовался поддержаніемъ самыхъ интимныхъ отношеній съ императоромъ. Когда Игнатій померъ (879 г.), то на его мѣсто не былъ избранъ другой епископъ и Фотій снова былъ признанъ патриархомъ ¹⁾.

Между тѣмъ въ Константинополь прибыли два римскихъ легата. Они посланы были папою Іоанномъ VIII, занявшимъ престолъ вмѣсто Адріана II. Эти легаты нашли Игнатія уже мертвымъ. Сначала они колебались было войти въ сношенія съ Фотіемъ; но послѣ размышленія, они не нашли большаго неудобства въ этомъ; потому что они присланы были въ Константинополь для приведенія въ исполненіе угрозы отлученія, направленной противъ Игнатія, по поводу болгарскихъ дѣлъ. Фотій принялъ ихъ съ любовію и обязался отправить пословъ въ Римъ съ просьбою къ папѣ Іоанну возвратить наконецъ миръ церкви Константинопольской, посредствомъ признанія его патриархомъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ послалъ въ Римъ Теодора, митрополита Патресскаго, и вручилъ ему письмо за подписью своею и митрополитовъ, находившихся въ зависимости отъ Константинопольскаго престола. Большая часть митрополитовъ и епископовъ оставалась ему вѣрными даже во время его изгнанія; всѣ желали мира и примиренія съ римскимъ престоломъ. Фотій получилъ также письма отъ патриарховъ Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго, въ каковыхъ письмахъ тоже признали его патриархомъ Константинопольскимъ. Теодоръ совершилъ счастливое путешествіе, благодаря папѣ, который рекомендовалъ его всѣмъ, имѣвшимъ возможность оказать ему покрови-

1) Серьезный историкъ не можетъ принимать во вниманіе слѣдующихъ сказокъ, измышленныхъ біографомъ Игнатія, для объясненія возвращенія Фотія и для уясненія независимаго положенія, занятаго Фотіемъ, по своемъ возвращеніи, въ отношенія къ патриарху Игнатію. Этотъ писатель, столь несправедливый и столь пристрастный, сказался въ своей біографіи совершенно ясно. Его свидѣтельство, лишенное доказательствъ, можетъ быть принимаемо только врагами Фотія, которые признаютъ хорошамъ все, что только можетъ служить къ удовлетворенію ихъ слѣпой несправедливости къ Фотію.

тельство. Онъ прибылъ въ Римъ весною 879 года; а въ августѣ мѣсяцѣ того же года папа Іоаннъ послалъ его обратно въ Константинополь съ письмами, благопріятными для Фотія. Письма эти обязанъ былъ доставить кардиналъ-священникъ Петръ. Іоаннъ заявилъ себя въ нихъ расположеннымъ признать Фотія патріархомъ, хотя Фотійъ взшелъ на свою кафедру безъ предварительнаго соглашенія съ св. престоломъ. Смерть Игнатія и новыя обстоятельства были въ его глазахъ достаточными причинами для окончанія дѣла, уже давно возмущавшаго церковь. Іоаннъ VIII не упоминаетъ болѣе ни объ анаѳемахъ Николая и Адріана, ни объ анаѳемахъ забавнаго соборика изъ 18 человекъ, изъ котораго впоследствии на Западѣ сдѣлали вселенскій соборъ. Въ письмахъ къ императору Василію онъ говоритъ, что, такъ какъ патріархи Антіохіи, Александріи и Іерусалима, а также всѣ митрополиты, всѣ епископы, весь Константинопольскій клиръ, всѣ получившіе священныя степени отъ Меодія и Игнатія, оказываются единодушными въ дѣлѣ признанія Фотія; то и онъ тоже признаетъ его епископомъ, собратомъ и сотоварищемъ, но подъ условіемъ, чтобы онъ, согласно съ обычаемъ, испросилъ извиненіе предъ цѣлымъ соборомъ.

Іоаннъ VIII, не дававшій никакого значенія пристрастнымъ дѣйствіямъ своихъ предшественниковъ, не могъ однако же оффиціально не признавать этихъ дѣйствій. Вотъ почему онъ предполагаетъ актъ подчиненія со стороны Фотія и затѣмъ присовокупляетъ: «Дабы не оставалось никакого раздора въ церкви, мы разрѣшаемъ отъ всякаго церковнаго осужденія его, Фотія, епископовъ, духовенство и мірянъ, поднавшихъ этому осужденію и разрѣшаемъ ихъ во имя власти, которая, согласно съ вѣрованіемъ всей церкви, дарована намъ Іисусомъ Христомъ въ лицѣ князи апостоловъ, и которая простирается на всѣхъ безъ исключенія»¹⁾.

Въ это время доктрина эта была принимаема уже въ Римѣ безъ возраженій. Въ теченіи одного столѣтія понятіе о папствѣ

¹⁾ Обо всемъ томъ, что мы говоримъ относительно писемъ папы Іоанна VIII, см. въ собраніи соборовъ р. Labbe, t. VIII; и въ собраніи р. Hardoin, t. VI.

развилося и укрѣшилось, и папа Іоаннъ воображаетъ уже, что вся церковь признаетъ за нимъ абсолютную власть, перешедшую къ нему отъ Іисуса Христа чрезъ Св. Петра. Съ тѣхъ поръ это заблужденіе высказывается съ нарочитою силою, и папы не пренебрегаютъ ни однимъ случаемъ выставить его съ возможною рѣзкостью. Но въ восточной церкви никогда не допускали подобныхъ притязаній, и когда папы въ своихъ письмахъ усвоили себѣ преимущества, признаваемые здѣсь незаконными, то вѣроятно прежде сообщенія этихъ писемъ соборамъ, выраженія писемъ видоизмѣняли, дабы не возбуждать очень живыхъ препирательствъ со стороны членовъ соборовъ ¹⁾.

Второе письмо Іоаннъ VIII послалъ къ восточнымъ патріархамъ и ко всѣмъ епископамъ константинопольскаго патріархата. Оно было отвѣтомъ на всѣ письма, полученные имъ, въ которыхъ его умоляли признать Фотія патріархомъ для умиротворенія церкви ²⁾. Въ своемъ письмѣ къ Фотію, Іоаннъ VIII признаетъ его патріархомъ и обязываетъ трудиться для возстановленія единенія посредствомъ краткаго обращенія съ своими противниками. Папа написалъ такъ же четвертое письмо къ патриціямъ: Іоанну, Льву и Павлу, и къ митрополитамъ: Стиліану, Іоанну и Митрофану, склоняя ихъ помириться съ своимъ патріархомъ Фотіемъ: «Если вы откажетесь поступить подобнымъ образомъ, присовокупляетъ

¹⁾ Письма папы Іоанна VIII могли быть видоизмѣнены подобнымъ образомъ; само собою разумѣется, что Фотія укоряли въ искаженіи ихъ. Нельзя ли такъ же предположить, что въ Римѣ фабриковали два рода писемъ, одніе письма для Востока, а другія для Запада? Достоинъ фактъ, что въ XII ст. Ива Шартрскій цитировалъ письмо Іоанна VIII къ императору Василію по латинскому тексту, согласному съ греческимъ письмомъ, о которомъ говорятъ, что будто бы оно искажено Фотіемъ. Можно ли сказать, откуда появилось это письмо Ивы Шартрскаго, одного изъ учивѣйшихъ канонистовъ XII ст.? Но что это письмо было извѣстно на Западѣ, такъ это очевидно. Исходило ли оно однако же отъ Фотія?

²⁾ Враги Фотія утверждаютъ, что Фотій *видоизмѣнилъ* (falsifiées) письмо; однако же они вынуждены признать, что существуетъ два латинскихъ письма; одно согласное съ греческимъ переводомъ, другое отличное отъ него, въ которомъ латинскія притязанія выражены съ большею силою. Самъ ли Фотій составилъ латинское письмо, согласное съ греческимъ переводомъ, этого до сихъ поръ еще не имѣли безстыдства утверждать.

онѣ, то легаты будутъ обязаны отрѣшнить васъ отъ общенія съ церковію, пока вы не подчинитесь. Никто не долженъ утверждать, будто онѣ не можетъ исполнить требуемаго нами, нождъ тѣмъ предложомъ, что прежде подписалъ нѣкоторый противоположный документъ, ибо церковь имѣетъ право разрѣшать всякаго рода связь». Пятое письмо Іоанна VIII адресовано къ своимъ легатамъ. Онѣ порицаетъ ихъ за то, что они не возвратились тотчасъ въ Римъ, послѣ того какъ узнали, что совершается въ Константинополѣ. Однако же онѣ прощаетъ ихъ и присоединяетъ къ нимъ кардинала—священника Петра, привезшаго его письмо, для окончанія дѣлъ сообразно съ *commonitorium* 'омъ, тоже привезеннымъ этимъ кардиналомъ. Этотъ послѣдній документъ можетъ быть изложенъ слѣдующимъ образомъ.

Легаты займутъ въ Константинополѣ помѣщеніе, которое будетъ назначено имъ императоромъ. Они представляютъ апостольскіе письма только послѣ того, какъ будутъ приняты на императорской аудіенціи. Когда легаты представляютъ императору эти письма, то скажутъ ему: «Твой духовный отецъ, апостольскій папа Іоаннъ, привѣтствуетъ тебя, о императоръ, поставленный Богомъ». Если прежде врученія писемъ императоръ спроситъ легатовъ о содержаніи этихъ писемъ, то легаты отвѣтятъ, что письма содержатъ привѣтствія въ отношеніи къ нему, и инструкціи для возстановленія мѣра. На другой день послѣ императорской аудіенціи, они отправятся привѣтствовать святѣйшаго Фотія и, вручая ему письмо папы, скажутъ: «Нашъ господинъ, апостольскій папа Іоаннъ, привѣтствуетъ тебя и хочетъ признать тебя своимъ братомъ и своимъ сослужителемъ по священству». Фотій долженъ предстать предъ соборомъ въ присутствіи легатовъ; вся церковь должна сообразно съ этими инструкціями признать его; а онѣ съ своей стороны долженъ оказаться признательнымъ и восхвалять доброту римской церкви. Въ заключеніе принятія, легаты скажутъ Фотію: «папа приказываетъ, чтобы ты постарался привести въ единеніе епископовъ и клириковъ, не желавшихъ войти съ тобою въ общеніе». Легаты откроютъ соборъ вмѣстѣ съ Фотіемъ; на этомъ соборѣ прежде

всего прочитають письмо папы къ императору и спросятъ, желаютъ ли сообразоваться съ этимъ письмомъ? Тѣ, которые не желаютъ войти въ общеніе съ патріархомъ Фотіемъ, послѣ троекратнаго каноническаго предостереженія, будутъ отлучены, если не перестанутъ упорствовать. Послѣ смерти патріарха Фотія, не изберутъ уже мірянина для занятія патріаршей кathedры Константинополя. Во время собора легаты обяжутъ Фотія отречься отъ всякой юрисдикціи въ Болгаріи, подъ опасеніемъ быть наказаннымъ сообразно съ канонами. Таже самая угроза сдѣлана была еще прежде и Игнатію, который однако же не обратилъ на нее никакого вниманія. Легаты заявятъ на соборѣ, что соборы прошедшіе во времена папы Адріана противъ Фотія, въ Римѣ ли то, или въ Константинополѣ, были и остаются непубличными никакого значенія. Легаты должны быть превыше подкупа и превыше всякаго страха. Это *commonitorium* было составлено на соборѣ въ Римѣ и было подписано членами собора и самимъ папою.

И—нъ.

(Окончаніе' будетъ).

Справедливы-ли обвиненія, возводимыя гр. Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“.

(Продолженіе *).

III.

Христіанская религія со времени перваго вселенскаго собора. Внесъ ли первый вселенскій соборъ что либо новое въ христіанскую религію? Союзъ христіанской церкви съ государствомъ при Константинѣ Великомъ. Ученіе о государственной власти. Противна ли государственная власть какъ таковая духу ученія Спасителя? Какъ нужно понимать тѣ слова Иисуса Христа, на основаніи которыхъ враги государственной власти утверждаютъ, что Онъ отрицалъ власть? Откуда ведетъ свое начало ученіе Православной Церкви о Божественномъ установленіи власти? Св. Константинъ — первый христіанскій императоръ. Личный характеръ Константина. Война, какъ одно изъ печальныхъ явленій соціально-общественной жизни. Причины войнъ по сужденіямъ Л. Толстого въ «Церкви и государствѣ» и въ статьѣ «О кампаніи 12-го года». Какъ смотритъ на войну Христіанская Церковь? Можно ли винить Церковь за то, что она не запрещаетъ войнъ.

Какимъ же образомъ, по мнѣнію Толстого, Церковь изъ простаго понятія перешла въ «дѣло и дѣло обмана?» Толстой отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «Обманъ этотъ старый, и онъ начался не изъ однихъ выгодъ частныхъ лицъ; нѣтъ такого человѣка изверга, который бы рѣшился это дѣлать, если бы онъ былъ первый и если бы не было другихъ причинъ. Причины, приведшія къ этому, были не добрыя. «По плодамъ ихъ узнаете ихъ». Начало было зло, ненависть человѣческая, гордость, вражда противъ Арія и другихъ, и другое еще большее зло—соединеніе христіанъ съ властью. Константинъ царь, по языческимъ понятіямъ стояцій на высотѣ величія чело-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г. № 4.

вѣческаго, принимаетъ христіанство, подаетъ примѣръ всему народу, обращаетъ народъ и подаетъ руку помощи противъ еретиковъ и устанавливаетъ посредствомъ вселенскаго собора единую, правую христіанскую вѣру. Христіанская католическая вѣра установлена навсегда. Такъ естественно было поддаться на этотъ обманъ, и до сихъ поръ еще такъ вѣруютъ въ спасительность этого событія. А это было то событіе, гдѣ большинство христіанъ отреклось отъ своей вѣры и пошло по языческой дорогѣ, по которой идетъ до сихъ поръ Карлъ Великій, Владиміръ продолжаютъ то же». Итакъ, прежде всего Церковь сдѣлалась обманомъ по утверженію Толстого, потому, что царь Константинъ созвалъ вселенскій соборъ, который провозгласилъ вмѣсто истинной христіанской вѣры вѣру ложную, языческую. Но такъ ли? Внесъ ли первый вселенскій соборъ въ христіанскую вѣру что либо новое? Докматическій вопросъ, занимавшій вниманіе отцевъ Никейскаго вселенскаго собора, состоялъ въ томъ, нужно ли признавать Сына Божія Богомъ равночестнымъ съ Богомъ Отцемъ, или лишь совершеннѣйшею изъ тварей, или же хотя и признавать Его Богомъ, но неравнаго достоинства съ Отцемъ. Рѣшеніе отцевъ собора состояло, какъ извѣстно, въ утверженіи единосущія Сына Божія со Отцемъ. «Вѣруемъ, читаемъ мы въ Никейскомъ вѣроопредѣленіи, во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца всѣхъ видимыхъ и не видимыхъ. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, едиnorodнаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна не сотворенна, единосущаго Отцу, имъ же вся быша, яже на небеси и на земли». Развѣ это вѣроопредѣленіе заключаетъ въ себѣ что либо новое? Развѣ вѣра въ бытіе личнаго Бога и въ Божество Христа не была исповѣдуема христіанами первыхъ трехъ вѣковъ? Сказать это можетъ только или тотъ, кто ни разу не слыхалъ объ ученіи Іисуса Христа, и апостоловъ, — объ ученіи отцевъ и учителей Церкви первыхъ трехъ вѣковъ мы уже не говоримъ, — или же тотъ, кто не стѣсняется говорить явную ложь...

Да и могли ли бы возникнуть Аріанскіе споры, если бы

ученіе о единосущіи Сына Божія съ Отцемъ не было извѣстно христіанамъ до Никейскаго собора? Ересь Арія является результатомъ безсильнаго, разума уяснить то, что означала принималось на вѣру. Правда, и ратовавшіе противъ лжеученія Арія отцы и учителя Церкви отчасти старались выяснить догматъ о единосущіи Сына Божія съ Отцемъ при помощи разума, но обладая мышленіемъ несравненно болѣе крѣпкимъ и осторожнымъ, чѣмъ ихъ противникъ, они и основанія въ пользу своего ученія представили болѣе глубокия и предѣлы для разума въ изложеніи таинъ вѣры обозначили съ болѣею ясностію и опредѣленностію. Бывшіе на соборѣ епископы, а также и императоръ Константинъ естественно должны были стать на сторону противниковъ Арія. Въ пользу ученія послѣднихъ говорило какъ вѣрованіе всей Церкви, основанное на священномъ Писаніи, такъ и здравая логика. Вѣроопредѣленіе собора является ни чѣмъ инымъ, какъ краткимъ формулированіемъ уясненнаго посредствомъ разума вѣрованія христіанской Церкви.

Вторымъ условіемъ, будто бы способствовавшимъ извращенію христіанской религіи, служило, по утверженію Толстого, привіятіе христіанской вѣры властію. Этотъ выводъ Толстого вытекаетъ изъ той предвзятой идеи, что Христосъ отрицалъ власть. Но подобнаго рода воззрѣніе крайне ошибочно. Его держатся люди, судящіе объ ученіи Христа по отдѣльнымъ выраженіямъ. Слова Спасителя, на которыя ниже ссылается Л. Толстой, вовсе не заключаютъ въ себѣ отрицанія власти. Вотъ эти слова: «Вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою,—и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ, такъ какъ Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ». (Мѡ. 20, 25—28). Здѣсь Христосъ вооружается не противъ самой власти, а противъ злоупотребленія ею. Власть, созданная исторіей, не можетъ быть уничтожена никакими силами. Коль скоро люди начали жить обществомъ, они неминуемо должны были приз-

нать необходимость власти: ея требуетъ общественный строй. Ратовать противъ власти какъ только власти, это значить, по нашему мнѣнію, попусту упражняться въ краснорѣчіи.

Спаситель никогда не касался внѣшнихъ учрежденій общественной жизни. Всѣ установленія царства Божія, преподанныя Имъ, касаются исключительно духовной жизни людей, не касаясь никакихъ учрежденій древняго міра. Онъ хотѣлъ возродить, создать новаго духовнаго человѣка, чтобы этотъ возрожденный и обновленный человѣкъ, по мѣрѣ освобожденія его чрезъ познанія истины пересоздалъ весь внѣшній строй жизни древняго общества. Пересозданіе это нужно понимать не въ смыслѣ уничтоженія власти,—законность ея Іисусъ Христосъ утвердилъ Своимъ отвѣтомъ фарисеямъ и иродіанамъ, обратившимся къ Нему съ вопросомъ, нужно ли платить дань Кесарю,—а въ смыслѣ проникновенія власти духомъ христіанства. Сама по себѣ власть не есть зло. Зломъ она дѣлается тогда, когда ея представителями овладѣваютъ корыстные эгоистическіе расчеты, препятствующіе имъ видѣть въ подчиненныхъ имъ людямъ живыхъ личностей, имѣющихъ совершенно одинаковыя съ ними духовныя права. Виновата здѣсь такимъ образомъ не власть, а нравственная испорченность человѣка. Если бы какимъ нибудь чудомъ всѣ власти на землѣ были уничтожены, а люди остались бы съ тѣми же пороками, то жизнь человѣчества отъ этого не только не улучшилась бы, но ухудшилась. Человѣческія страсти, не сдерживаемыя внѣшнею силою, непремѣнно привели бы людей къ гибели. Задача власти, по ученію Іисуса Христа, должна состоять въ заботѣ о благѣ подданныхъ, причемъ на послѣднихъ начальники должны смотрѣть не какъ на безправныхъ личностей, а какъ на братьевъ. Высшая должность не даетъ человѣку права злоупотреблять властію. Какъ высшій, такъ и низшій одинаково равны предъ Богомъ, ибо всѣ Его дѣти ¹⁾. Теперь спрашивается, почему же начальники не могутъ быть

¹⁾ Болѣе подробно ученіе Іисуса Христа о государственной власти мы изложили въ своей статьѣ «Языческая и христіанская жизнь нашихъ предковъ», напечатанной въ «Воскресномъ Читеніи» за 1888 годъ №№ 8—11.

христіанами, что утверждаетъ Толстой? Неужели начальникъ не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ? Мы знаемъ, что Иисусъ Христосъ былъ учителемъ и наставникомъ Своихъ учениковъ. Отношеніе Его къ нимъ было отношеніемъ начальника или Господа (Іоан. 13, 13). Однако это нисколько не препятствовало Ему называть ихъ Своими братьями и доказывать эти слова дѣломъ.

Но Толстой, отвергнувъ возможность для начальника сдѣлаться христіаниномъ, старается доказать свое мнѣніе историческими фактами. «Для того, чтобы ясно понять это, пишетъ онъ, надо забыть всѣ тѣ фантазіи, въ которыхъ мы старательно воспитываемся, и прямо спрашивать о значеніи тѣхъ наукъ историческихъ и юридическихъ, которымъ насъ учатъ. Основъ эти науки не имѣютъ никакихъ; всѣ эти науки не что иное, какъ апологія насилія. Пропустивъ исторію Персовъ и Мидянъ и т. д., возьмемъ исторію того государства, которое первое составило союзъ съ христіанствомъ». Здѣсь Толстой бросаетъ грязью въ историческія и юридическія науки. Мы не станемъ вступать съ нимъ въ полемику по этому вопросу, а скажемъ только, что онъ, видя у своего брата сучекъ въ глазу, не замѣчаетъ у себя бревна: обличая историковъ и юристовъ въ защитѣ ими якобы насилія, онъ самъ дѣлаетъ изъ исторіи какую то сказку, которой могутъ повѣрить развѣ только малолѣтніе дѣти, да невѣжественная масса. Послушаемъ же его философствованіе въ области исторіи:

Константинъ, начитавшись книгъ и пресытившись жизнью, предпочелъ нѣкоторые догматы христіанства прежнимъ вѣровапіямъ; принесенію людскихъ жертвъ онъ предпочелъ обѣдню, почитанію Аполлона, Венеры и Зевса онъ предпочелъ единого Бога съ Сыномъ Христомъ и велѣлъ ввести эту вѣру между тѣми, которыхъ онъ держалъ подъ своею властью». Каково пониманіе исторіи! Видите, какъ легко Л. Толстой объяснилъ то, надъ чѣмъ лучшіе историки положили столько труда! Видите, какъ просто онъ раскрылъ и уяснилъ тотъ великій переворотъ, который совершился въ государственной общественной жизни въ правленіе царя Константина! Какъ просто и несложно послѣ глубокомысленныхъ выясненій Тол-

стого представляется принятіе христіанской вѣры какъ самымъ Константиномъ, такъ и его подданными! Константинъ принялъ христіанство потому, что начитался книгъ и пресытился жизнью, а его подданные—потому, что онъ приказалъ имъ. Но не самъ ли Толстой говорилъ раньше, что человѣку нельзя навязать вѣры насильно? Не самъ ли Толстой утверждалъ когда-то, что воля одного человѣка не можетъ произвести переворота въ жизни цѣлаго народа? ¹⁾ Какъ же онъ утверждаетъ теперь совершенно противное?.. Мы съ своей стороны считаемъ излишнимъ выяснять мотивы, побудившіе Константина принять христіанскую вѣру. По поводу этого событія слишкомъ много было писано ²⁾, и намъ пришлось бы только повторять старое. Поэтому послушаемъ лучше дальнѣйшія разсужденія Толстого о Константинѣ Великомъ: «Цари властвуютъ надъ народами. между вами да не будетъ такъ: не убій, не предлюбоудѣйствуй, не имѣй богатствъ, не суди, не принуждай, терпи зло—всего этого никто не сказалъ ему. А ты хочешь называться христіаниномъ и продолжать быть атаманомъ разбойниковъ, бить, жечь, блудить, воевать, казнить, роскошествовать? Можно». Изъ какихъ это источниковъ Толстой почерпнулъ свѣдѣнія, будто христіанскіе пастыри разрѣшили Константину бить, жечь, блудить, казнить и дѣлать вообще всѣ мерзости? Быть можетъ, Толстой открылъ какой-нибудь древній памятникъ, на основаніи котораго говорить такъ. Вѣдь тогда нужно сослаться на него. Теперь прошли тѣ времена, когда всякій мнѣя принимался за истину. Не всѣ люди вѣрятъ всякому вздору..... «И они устроили ему христіанство, продолжаетъ Толстой, и устроили очень покойно, даже такъ, что нельзя было ожидать. Они предвидѣли, что онъ, прочтя Евангеліе, можетъ хвалиться, что тамъ требуется все это, т. е. жизнь христіанская, кромѣ построенія храмовъ и хожденія въ нихъ. Они предви-

¹⁾ «Война и миръ», т. V, ч. 2-я, гл. IV, стр. 188—190, ч. 3-я, стр. 256—263. «Статьи о кампаніи 12-го года».

²⁾ Въ нашей церковно-исторической литературѣ первое мѣсто въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отнести почтенному профессору Московской духовной академіи А. Лебеву.

дѣли и внимательно устроили ему такое христіанство, что онъ могъ, не стѣсняясь, жить по старому, по язычески». И такъ, Константину «попы» не показали даже Евангелія. Они научили его какому то безнравственному христіанству. Константинъ же, такъ выходя изъ сужденій Толстого, оказался настолько простъ, что повѣрилъ «попамъ» на слово и не поинтересовался узнать, чему училъ Христосъ, въ Котораго онъ увѣровалъ. Между тѣмъ раньше Толстой говорилъ, что Константинъ много читалъ, и что однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ его принять христіанство былъ тотъ, что онъ «начитался книгъ». Какъ же начитанный Константинъ, слыша отъ «поповъ», будто Христосъ разрѣшалъ всякія мерзости, не могъ догадаться, что «попы» лгали? Намъ думается, Константину немного нужно было имѣть соображенія, чтобы понять, что если такимъ безнравственнымъ ученіемъ будутъ руководиться люди, то жизнь сдѣлается невозможною. Люди непременно должны погибнуть. Да и зачѣмъ Константину, «пресытившемуся жизнію», нужно было мѣнять свою прежнюю вѣру на вѣру христіанскую, которая не только не запрещала жизни, а напротивъ даже поощряла къ ней? Толстой оставляетъ всѣ эти вопросы безъ отвѣта и очевидно впадаетъ въ противорѣчіе.

Но ложь всегда рано или поздно откроется. Ложь Толстого обнаружилась очень скоро. Объявивъ вопреки истинѣ, что по ученію православной Церкви смерть Іисуса Христа даетъ людямъ право вести жизнь порочную, онъ вслѣдъ за этимъ замѣчаетъ насмѣшливо, что царя Константина, когда онъ принялъ христіанскую вѣру, пастыри Церкви старались расположить къ исполненію только двухъ обязанностей: покаянію во грѣхахъ и вкушенію Евхаристическихъ даровъ. Но спросимъ Толстого; какимъ образомъ христіанскіе пастыри могли располагать Константина къ покаянію? Вѣдь покаяніе имѣетъ смыслъ тогда только, когда человѣкъ сознаетъ, что онъ грѣшенъ. Для человѣка, не сознающаго себя грѣшникомъ, покаяніе невозможно. А могъ ли сознавать себя грѣшникомъ Константинъ, которому тѣ же «попы» внушали, что «отъ того, что Христосъ умеръ, онъ — Константинъ можетъ жить какъ хочетъ» (sic)?

Дальнѣйшія глумленія Толстого надъ Православною Церковью стоятъ въ противорѣчій съ исторіей. «Мало того, пишетъ Толстой, они (христіанскіе пастыри) власть его освятили и сказали, что онъ отъ Бога, и помазали его масломъ». Если бы Константинъ былъ такимъ, какимъ изображаетъ его Толстой, то Онъ не былъ бы способенъ на такія возвышенныя дѣйствія, которыми ознаменовалъ свое царствованіе Константинъ. Даровать всѣмъ религіямъ права на существованіе,—объ этомъ мы имѣли уже случай говорить,—могъ только такой императоръ, который вмѣстѣ съ развитымъ умомъ имѣлъ и доброе сердце.

Но Константинъ извѣстенъ не тѣмъ только, что онъ далъ равноправность всѣмъ религіямъ. Онъ былъ и истиннымъ христіаниномъ. Объ его милосердіи повѣствуютъ всѣ тогдашніе историки. Такъ Евсеій пишетъ, что царь «судить всѣхъ, но иногда, чтобы кто-либо, ради отнятой у него части имѣнія, не вышелъ изъ суда печальнѣе того, который взялъ ее, онъ весело одарялъ побѣжденныхъ изъ собственной своей казны» ¹⁾. Онъ раздавалъ, говоритъ тотъ же Евсеій, деньги бѣднымъ, также былъ человѣколюбивъ и оказывалъ благодѣянія приходившимъ къ нему иновѣрцамъ; нищихъ и отверженныхъ, собирающихъ милостыню на площадяхъ, приказалъ снабжать не только деньгами и необходимою пищею, но и приличною одеждою... О дѣтяхъ, подвергшихся несчастію сиротства, заботился онъ вмѣсто отца и проч. ²⁾. Убѣждалъ свои войска щадить плѣнныхъ, чтобы, будучи людьми, они не забывали о родственной природѣ людей. Если же иногда видѣлъ, что ярость его воиновъ неукротима, то укрощалъ ее деньгами, повелѣвъ каждаго неприятельскаго воина, взятаго живымъ, оцѣнивать опредѣленнымъ вѣсомъ золота ³⁾. На строгое осужденіе, высказанное призваннымъ на соборъ новаціанскимъ епископомъ Акесіемъ, о не принятіи снова въ церковное общеніе согрѣшившихъ послѣ крещенія, Константинъ

1) «Жизнь Конст.» IV, 4.

2) Ibid., IV, 4.

3) Ibid., II, 13.

высказалъ также глубокое человѣколюбіе, отвѣтивъ Акесію: «Поставь лѣстницу, Акесій, и взойди одинъ на небо» ¹⁾.

О кротости Константина Евсевій свидѣтельствуемъ слѣдующее: «Нѣкоторые негодовали даже и на него; но онъ сносилъ это незлобиво и въ спокойныхъ кроткихъ выраженіяхъ повелѣвалъ имъ не возмущаться, но быть разсудительнѣе. Одни изъ такихъ людей, вразумленные его убѣжденіями, перемѣнились, а другихъ, не хотѣвшихъ придти къ здоровому образу мыслей, онъ предоставилъ суду Божию, самъ же никого и ничѣмъ не оскорблялъ» ²⁾.

Если къ свидѣтельствамъ историковъ присоединить еще проникнутыя любовью и кротостію письма и рѣчи самаго Константина, которыя онъ писалъ и произносилъ во время перваго вселенскаго собора ³⁾, то можно сказать, что возвышенность и благородство души Константина такъ ясно и полно засвидѣтельствованы исторіей, что всякая попытка чѣмъ нибудь зачернить его, а тѣмъ болѣе низвести его въ разрядъ людей порочныхъ, какъ дѣлаетъ это Толстой, представляется намъ болѣе чѣмъ странной.

Что касается ученія Православной Церкви о власти, какъ Божественномъ установленіи, то начало его восходитъ вовсе не ко времени Константина; его проповѣдывали еще апостолы. Вотъ что читаемъ мы въ посланіи апостола Павла къ Римлянамъ: «Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божию установленію. А противящіеся сами навлекутъ

1) Сократъ. «Церков. истор.», гл. X.

2) «Жизнь Константина», I, 25.

3) См. «Дѣянія всел. соборовъ», т. I,

Желающихъ имѣть болѣе полныя свѣдѣнія о личномъ характерѣ Константина мы отсылаемъ къ прекрасной статьѣ профессора Лебедева «Торжество христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ Великомъ», напечатанной въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ св. отцевъ» 1885 г. кн. I.—Въ этой статьѣ проф. Лебедевъ довольно подробно разбираетъ сочиненія, авторы которыхъ стараются унижить личныя достоинства Константина Великаго.

Болѣе популярное сочиненіе того же профессора о Константинѣ Великомъ напечатано въ «Душеполезномъ Читаніи» за 1887 г.

на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея. Ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надо повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи слуги симъ самымъ постоянно заняты». (Рим. 13, 1—6). Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею тотъ же апостоль пишетъ. «И такъ прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ; ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу». (1 Тим. 2, 1—3). Апостоль Петръ въ своемъ первомъ соборномъ посланіи наставляетъ вѣрующихъ: «Будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро. Ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи. Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите». (1 Петр. 2, 13—17).

Ученіе апостоловъ о государственной власти обосновывалось, нѣтъ сомнѣнія, на священныхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, боговдохновенность которыхъ засвидѣтельствована Иисусомъ Христомъ. Самъ Спаситель во время Своей проповѣди не касался вопроса о происхожденіи власти. Но принимая во вниманіе весь духъ Его ученія, мы съ достовѣрностію можемъ сказать, что Онъ смотрѣлъ на государственную власть какъ на установленіе Божественное. По Его ученію все, что только происходитъ въ мірѣ, происходитъ съ участіемъ воли Божественной. Безъ воли Отца Небеснаго не можетъ вырасти ни одна былинка травы (Мѡ. 6, 28—30), не можетъ упасть ни одна малая птица. А у человѣка сочтены Богомъ даже всѣ

волосы на головѣ (Мѣ. 10, 30). Поэтому, можно ли предположить, чтобы во власти государственной Иисусъ Христосъ видѣлъ такое явленіе, которое совершилось помимо воли Божественной?...

Но, смотря на власть, какъ на Божественное установленіе, христіанская Церковь никогда не учила, что пороки, въ которые впадаютъ представители власти—также отъ Бога. Толстого соблазняетъ помазаніе Церковію царствующихъ особъ муромъ въ виду пороковъ которые въ послѣдствіи обнаруживаются въ ихъ жизни. Но мы должны сказать Толстому, что помазуя вступающихъ на царство лицъ Св. муромъ, Православная Церковь освящаетъ не дѣла ихъ, а власть, которую они принимаютъ. Толстой легко могъ бы убѣдиться въ этомъ, если бы потрудился только прочесть чинъ коронованія.

Опуская кощунственныя выраженія Толстого о властяхъ, мы остановимъ свое вниманіе на его разсужденіяхъ о войнѣ. По его мнѣнію, всѣ войны происходятъ потому, что у царствующихъ лицъ является иногда желаніе побить чужой и свой народъ. Захочетъ, такъ выходитъ изъ его словъ, стоящее во главѣ управленія лицо пролить кровь человѣческую и идти войною на какойнибудь народъ. Пастыри же христіанскіе, вмѣсто того, чтобы осуждать такіе поступки правителей, покровительствуютъ имъ.

Прежде всего замѣтимъ, что Толстой, объясняя войны исключительно одною только волею верховныхъ правителей, забываетъ, что раньше онъ самъ смѣялся надъ историками, дающими такое объясненіе войнамъ.

Послушайте, что онъ говоритъ въ своей статьѣ «О кампаніи 12 года»: «Въ 1789 году поднимается броженіе въ Парижѣ; оно растетъ, разливается и выражается движеніемъ народовъ съ Запада на Востокъ. Нѣсколько разъ движеніе это направляется на Востокъ, приходитъ въ столкновеніе съ противодвиженіемъ съ Востока на Западъ; въ 12 году оно доходитъ до своего крайняго предѣла—Москвы, и, съ замѣчательной симметрией, совершается противодвиженіе съ Востока на Западъ, точно такъ же, какъ и въ первомъ движеніи, увлекающая за собою срединные народы....»

«Въ этотъ 20-лѣтній періодъ времени огромное количество полей не паханы, дома сожжены; торговля перемѣняетъ направленіе; милліоны людей бѣднѣютъ, богатѣютъ, переселяются и милліоны людей-христіанъ, исповѣдающихъ законъ любви ближняго, убиваютъ другъ друга.

«Что такое все это значить? отчего произошло это? что заставляло этихъ людей сжигать дома и убивать себѣ подобныхъ? Какія были причины этихъ событій? Какая сила заставила людей поступать такимъ образомъ? Вотъ невольные, простодушные и самые законные вопросы, которые предлагаетъ себѣ человѣкъ, натыкаясь на памятники и преданія прошедшаго періода движенія.

«Новая наука исторіи, отвѣчая на эти вопросы, говоритъ: вы хотите знать, что значить это движеніе; отчего оно произошло и какая сила произвела эти событія! Слушайте.

«Людовикъ XIV былъ очень гордый и самонадѣянный человѣкъ; у него были такія то любовницы и такіе то министры, и онъ дурно управлялъ Франціей. Наслѣдники Людовика тоже были слабые люди и тоже дурно управляли Франціей. И у нихъ были такіе то любимцы и такія то любовницы. Притомъ, нѣкоторые люди писали въ это время книжки. Въ концѣ XVIII столѣтія, въ Парижѣ, собралось десятка два людей, которые стали говорить о томъ, что всѣ люди равны и свободны. Отъ этого во всей Франціи люди стали рѣзать и топить другъ друга. Люди эти убили короля и еще многихъ. Въ это же время во Франціи былъ геніальный человѣкъ—Наполеонъ. Онъ вездѣ всѣхъ побѣждалъ, т. е. убивалъ много людей, потому—что онъ былъ очень геніаленъ. И онъ поѣхалъ убивать для чего-то африканцевъ и такъ хорошо ихъ убивалъ и былъ такой хитрый и умный, что, пріѣхавъ во Францію, велѣлъ всѣмъ себѣ повиноваться. И всѣ повиновались ему. Сдѣлавшись императоромъ, онъ опять пошелъ убивать народъ въ Италиі, Австріи и Пруссіи. И тамъ много убилъ. Въ Россіи же былъ императоръ Александръ, который рѣшился возстановить порядокъ въ Европѣ и потому воевалъ съ Наполеономъ....

«Напрасно подумали бы, что это есть насмѣшка, карриатура историческихъ описаній. Напротивъ это есть самое мяг-

кое выраженіе тѣхъ противорѣчивыхъ и не отвѣчающихъ на вопросы отвѣтовъ, которые даетъ вся исторія, отъ составителей мемуаровъ и исторій отдѣльныхъ государствъ до общихъ исторій и новаго рода исторій культуры того времени».

Разобравъ далѣе отвѣты, даваемые на этотъ вопросъ историками нѣкоторыхъ другихъ направлений, М. Толстой приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Разсматривая только тѣ выраженія воли историческихъ лицъ, которыя могли быть отнесены къ событіямъ какъ приказанія, историки полагали, что событія находятся въ зависимости отъ приказаній. Разсматривая же самыя событія и ту связь съ массами, въ которой находятся историческія лица, мы нашли, что историческія лица и ихъ приказанія находятся въ зависимости отъ событія. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого вывода служитъ то, что сколько бы ни было приказаній, событіе не совершится, если на это нѣтъ другихъ причинъ; но какъ скоро совершится событіе,—каково бы то ни было,—то изъ числа всѣхъ непрерывно выражаемыхъ волей различныхъ лицъ найдутся такія, которыя по смыслу и по времени можно отнести къ событію какъ приказанія.

«Прійдя къ этому заключенію, мы можемъ прямо и положительно отвѣтить на тѣ два существенные вопроса исторіи:

1) Что есть власть?

2) Какая сила производитъ движеніе народовъ?

1) Власть есть такое отношеніе извѣстнаго лица къ другимъ лицамъ, въ которомъ лицо это тѣмъ менѣе принимаетъ участія въ дѣйствіи, чѣмъ болѣе оно выражаетъ мнѣній, предположеній и оправданій совершающагося совокупнаго дѣйствія.

2) Движеніе народовъ производятъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ-то думали историки, но дѣятельность всѣхъ людей принимающихъ участіе въ событіи и соединяющихся всегда такъ, что тѣ, которые принимаютъ наибольшее прямое участіе въ событіи, приписываютъ на себя наименьшую отвѣтственность; и наоборотъ.

«Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи,—тѣ, которые под-

чиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность немислима безъ физической, то причина событія не находится ни въ той, ни въ другой, а находится только въ соединеніи обѣихъ.

«Или, другими словами, къ явленію, которое мы разсматриваемъ, понятіе причины неприменимо.

«Въ послѣднемъ анализѣ мы приходимъ къ кругу вѣчности, къ той крайней грани, къ которой во всякой области мышленія приходитъ умъ человѣческій, если не играетъ своимъ предметомъ. Электричество производитъ тепло, тепло производитъ электричество. Атомы притягиваются, атомы отталкиваются.

«Говоря о простѣйшихъ дѣйствіяхъ тепла, электричества или атомовъ, мы не можемъ сказать, почему происходятъ эти дѣйствія и говоримъ, что такова природа этихъ явленій, что это ихъ законъ. Тоже самое относится и до историческихъ явленій. Почему происходитъ война или революція? Мы не знаемъ; мы знаемъ только, что для совершенія того или другаго дѣйствія, люди складываются въ извѣстное соединеніе, и участвуютъ всѣ и мы говоримъ, что такова природа людей, что это законъ (стр. 160—161)».

Насколько эти сужденія Толстого объ историческихъ событіяхъ основательны, мы предоставляемъ судить специалистамъ исторіи ¹⁾. Мы съ своей стороны указали на нихъ съ тою цѣлію, чтобы лучше раскрыть читателямъ ненависть Толстого къ Православной Церкви. Въ порывѣ этой ненависти Толстой не стѣсняется противорѣчить даже себѣ и повторять мнѣнія такихъ историковъ, надъ которыми самъ прежде смѣялся.

Какимъ же образомъ ненависть къ Православной Церкви привела Толстого къ поверхностному и злостному сужденію о царствующиыхъ лицахъ? Рѣшить это очень просто. Толстому хотѣлось доказать ту мысль, что Православная Церковь считаетъ поставленными отъ Бога такихъ лицъ, которыя въ

1) Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1887 г. помѣщена довольно обстоятельная статья проф. Карѣва объ историч. возрѣніяхъ Л. Толстого.

«Историческій Вѣстникъ» 1888 г. за мѣсяцъ іюль знакомитъ насъ съ содержаніемъ статьи Альберта Сореля, помѣщенной въ «Revue politique et litteraire» подъ заглавіемъ «Tolstoi historien».

сущности суть не болѣе ни менѣе, какъ дурные люди. Чѣмъ же подтвердить такой взглядъ на представителей власти? Лучшее средство къ этому—сдѣлать ихъ главными виновниками тѣхъ возмутительныхъ для нравственнаго чувства человека общественныхъ явленій, которыя такъ часто бросаются человѣку въ глаза ¹⁾. Эти явленія—войны.

Насколько въ войнахъ выражается участіе монарховъ, объ этомъ мы, какъ сказали уже выше, говорить не будемъ. Это—дѣло историка. Для насъ съ богословской точки зрѣнія болѣе важна другая сторона дѣла, именно: какъ нужно смотрѣть на то обстоятельство, что войны, эти по-истинѣ печальныя и противныя духу Евангельскаго ученія явленія, не прекращаются въ государствахъ и тогда, когда послѣднія дѣлаются христіанскими. Намъ приходится такимъ образомъ разсматривать войну съ чисто нравственной стороны, а не съ социальна-экономической. Говоря яснѣе, намъ нужно рѣшить не тотъ вопросъ, что сталкиваетъ различныя націи другъ съ другомъ, а тотъ, почему эти столкновенія не разрѣшаются инымъ путемъ, а влекутъ за собою войны, или, что тоже, кровопролитія.

Когда фарисеи спросили Иисуса Христа: почему Моисей разрѣшилъ іудеямъ разводиться съ женами по всякой винѣ, то Онъ отвѣтилъ имъ: «Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими». (Мѡ. 19, 7- 8). Всегда существовавшія и не прекратившія своего существованія и въ настоящее время войны это—результатъ того же жестокосердія людей. Если бы люди были всѣ проникнуты духомъ Евангельскаго ученія и были бы свободны отъ страстей, то, нѣтъ сомнѣнія, войны были бы невысказанными. Тѣ столкновенія, которыя являются у различныхъ націй вслѣдствіе какихъ нибудь недоразумѣній, стали бы рѣшаться не кровью людей, а какими нибудь мирными средствами. Эрнестъ Навиль въ своемъ сочиненіи «Христосъ» выражаетъ надежду, что человѣколюбивыя отношенія между различными

¹⁾ Въ частной жизни людей происходятъ часто явленія, которыя въ нравственномъ отношеніи—возмутительнѣе войнъ.

націями со временемъ установятся. «Можно законно надѣяться, говорить онъ, что отъ дальнѣйшаго распространенія христіанскаго духа, лучшая дипломатія будетъ болѣе заниматься предотвращеніемъ войны, нежели извлеченіемъ изъ нея пользы. Можно надѣяться, что съ полнѣйшимъ сохраненіемъ всѣхъ естественныхъ симпатій, образуется сильный потокъ мнѣнія, который выскажется прежде всего не за Францію и Германію, не за Русскихъ или Турокъ, но за миръ, за Христа, за человѣчество»¹⁾. Доживетъ ли человѣчество до этого благодатнаго времени, рѣшить, конечно, трудно. Намъ пока достовѣрно извѣстно только то, что въ настоящее время всѣ христіанскіе народы, хотя и вышли изъ средне-вѣковаго варварства, когда Церкви приходилось умолять людей не убивать другъ друга въ теченіи четырехъ дней недѣли²⁾, однако далеко еще не воплотили въ себѣ духъ исповѣдуемой ими религіи на столько, чтобы могли обойтись безъ войнъ. «Нужно быть», говоритъ тотъ же Эрнестъ Навиль, «очень близорукимъ оптимистомъ, чтобы въ настоящемъ положеніи че-

1) Христось учитель. Чтеніе второе.

2) Для большей ясности мы считаемъ не лишнимъ изложить историческія свидѣтельства объ этомъ событіи нѣсколько подробнѣе. Въ 989 году въ Пуату, въ монастырѣ Шарру былъ созванъ соборъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Гомбора, на которомъ, въ присутствіи христіанъ обоаго пола, было постановлено: «Если кто завладѣетъ овцой, быкомъ, осломъ, коровой, возломъ, поросенкомъ земледѣльца или другаго бѣдняка, безъ всякой вины съ его стороны, и если не вознаградитъ за убытокъ, то да будетъ проклятъ». Когда это постановленіе было обнародовано, то бароны, гордые грубой силой, возводимой ими въ принципъ, не только не сочли нужнымъ исполнить его, но даже еще болѣе начали злоупотреблять своей силой. Выгнѣтъ съ бѣдняками они стали преслѣдовать и духовныхъ лицъ. Тогда Церковь, чтобы хотя сколько нибудь защитить гражданъ отъ наслія, рѣшилась отставать своимъ духовнымъ мечемъ, по крайней мѣрѣ извѣстныя дни, въ которые бы каждый могъ быть увѣренъ въ спокойствіи отъ грабителей. И вотъ въ половинѣ XI вѣка во Франціи, Бургундіи, Германіи и Италиіи было выработано такое постановленіе: «Съ вечера среды до утра понедѣльника никто не долженъ умерщвлять, бить, увѣчить крестьянина, раба или жену его, ни брать, ни уводить ихъ, если эти люди не совершали преступленія. Не должно отнимать одежду у крестьянина. Никто не долженъ сожигать крестьянскіе плуги, ломать оливковыя роши». Но и это постановленіе было не всегда исполняемо. Съ теченіемъ же времени оно совершенно потеряло свою силу. — «Исторія среднихъ вѣковъ» Н. А. Осокина. 1888 г. Стр. 425—426.

ловѣческихъ условій признать возможность полнѣйшаго уничтоженія столкновеній, бросающихъ народы другъ на друга» ¹⁾. И дѣйствительно, кто слѣдитъ за нравственнымъ состояніемъ современныхъ христіанскихъ народовъ, тотъ безъ сомнѣнія нисколько не удивляется тому, что войны не прекращаются. Между христіанами, какъ извѣстно, господствуютъ многіе такіе пороки, которые несравненно возмутительнѣе войнъ.

Отсюда ясно уже, что нападки Толстого на Церковь за то, что она не запрещаетъ войнъ, крайне несправедливы. Современная христіанская Церковь не въ состояніи это сдѣлать, точно также какъ средневѣковая Церковь не въ состояніи была уничтожить совсѣмъ междоусобныя войны.

Далѣе Толстой старается доказать ту мысль, что болѣе всего искаженію христіанской религіи способствовало соединеніе христіанской Церкви съ государствомъ.

Не станемъ доказывать Толстому, что союзъ Церкви съ государствомъ былъ всегда полезенъ для христіанской религіи. Изъ исторіи Церкви намъ извѣстно, что вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церковныя приводило часто къ очень печальнымъ результатамъ. Не говоримъ уже про Византійскихъ императоровъ, относившихся къ Церкви не дружелюбно. Даже императоры, ревнующіе о благѣ Церкви, часто дѣлали своимъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла зло ей. Извѣстный мыслитель богословъ А. Винѣ († 1847 г.) говоритъ на примѣръ, что Θεодосій I своимъ покровительствомъ Церкви нанесъ ей болѣе зла, чѣмъ гонитель Юліанъ, такъ какъ онъ предоставилъ свой мечъ въ распоряженіе духовенства, обладавшаго, какъ и всѣ люди, слабостями, а духовенство съ своей стороны легализировало насилія Θεодосія ²⁾. Это конечно сильное преувеличеніе. Однако нельзя не согласиться, что въ дѣйствіяхъ Θεодосія, Юстиніана и нѣкоторыхъ другихъ многое, что выходило изъ намѣренія благодѣтельствовать Церкви, приносило толь-

1) «Христосъ». Чтеніе второе.

2) *Essai sur la manifestation de convictions religieuses et sur la separation de l'église et de l'Etat, envisagée comme consequence necessaire et comme garantie du principe.* Paris. 1842 г. p. 516.

ко вредъ именно потому, что соединялось часто съ помощью бича, а иногда и меча.

Но признавая, что свѣтская власть дѣлала часто зло Церкви, мы не имѣемъ права сказать, что она исказила ученіе христіанской религіи. Правда нѣкоторые императоры дѣлали попытки замѣнить Православную вѣру вѣрой еретической, но ихъ претензіи всегда кончались неудачей. Истинные христіанскіе пастыри всегда одерживали верхъ; и ученіе христіанской религіи продолжало оставаться однимъ и тѣмъ же. «На немъ» скажемъ извѣстными уже намъ словами Пирогова, «цѣлыя вѣка тьмы, страстей и неистовствъ не оставили ни единого пятна; кровь и грязь, которыми міръ не разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ на осквернителей»¹⁾. Что Пироговъ говоритъ относительно вѣроученія христіанской религіи, то Кавелинъ говоритъ и относительно христіанской этики: «Христіанская этика стоитъ неизмѣримо выше всего, что о ней когда либо было говорено и писано. По своей поразительной глубинѣ и въ то же время простотѣ, она—образецъ совершенства, послѣднее слово этической мудрости, которой яснаго смысла и убѣдительности не могли затемнить ни вольныя, ни невольныя ошибки людей, ни измѣнившіяся обстоятельства, ни расколы и вражды исповѣданій, ни предрасудки и вѣрованія народовъ, принявшихъ христіанство и перенесшихъ на него отчасти свои прежнія міровоззрѣнія. Какъ неприступная скала стоитъ христіанская этика непоколебимо и недосягаемо, высоко посреди всѣхъ волненій и бурь историческаго развитія, и къ ней люди въ концѣ концовъ возвращаются изъ своихъ душевныхъ скитаній, какъ къ единственному средству утоленія скорби и мукъ истерзанной души»²⁾.

Утвержденіе Толстого, что всякая ересь лучше Православной вѣры,—противно здравому смыслу. Нелѣпость и безнрав-

1) «Русск. Стар.» 1884 г., № 12. «Посмертныя записки», стр. 467.

2) «Задача этики», стр. 38.

Примѣчаніе. Слова Пирогова и Кавелина важны для насъ тѣмъ, что эти ученые не принадлежали къ числу богослововъ, и ихъ никакъ нельзя уже заложить въ пристрастія къ Христіанской Церкви. Авторъ.

ственность ученія нѣкоторыхъ ересей настолько очевидна ¹⁾, что открывать въ нихъ истину можетъ развѣ только Толстой, не стѣсняющійся называть «черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ».

Равнымъ образомъ, не менѣе ложно и категорическое заявленіе Толстого, будто еретики и раскольники не прибѣгаютъ къ насилію надъ человѣческой совѣстію. Мы не станемъ ссылаться на древнихъ еретиковъ, а укажемъ на нашихъ отечественныхъ раскольниковъ и сектантовъ (Толстой, по всѣмъ признакамъ, намекаетъ на нихъ). «Кто живалъ среди раскольниковъ», говоритъ Иркутскій преосвященный, «тотъ знаетъ, какъ тяжело жить между ними православному, особенно обратившемуся изъ раскола. Составляя сплоченныя общины, они силою держатъ другъ друга въ расколѣ, и горе тому, кто рѣшится измѣнить ему» ²⁾. Распространеніе раскола въ Романовской станицѣ въ прошломъ столѣтіи обязано между прочимъ угрозамъ. Въ 1797 году казаки этой станицы—до 60 домовъ и даже болѣе—«записались въ раскольническіе обряды, чтобы не имѣть при церкви Божіей своего священника, а исправляться во всякихъ мірскихъ требохъ у наѣзжихъ со Иргиза поповъ», потому что приверженцевъ Церкви Божіей «стращаютъ тѣмъ, что кто не будетъ записываться въ старообрядство, тѣхъ писать будемъ въ семейные» (вѣроятно съ переселеніемъ на Кавказъ въ составъ такъ называемыхъ семейныхъ казаковъ) ³⁾.

Присоединившаяся къ Православію въ 1873 году якутская скопчиха Марія С—ва рассказывала, что она сначала не соглашалась на предложеніе оскотиться, и даже гоняла своего совратителя «ухватомъ», а потомъ, когда мужъ началъ угрожать ей, что если она не оскотится, онъ броситъ ее (она была бѣдная сирота), она не стала чуждаться совратителя, и

¹⁾ См. опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи въ 4 т. за 1867 г. и во 2 т. за 1868 г. «Трудовъ Кіевской Дух. Акад.».

Довольно интересна также статья М. А. Куллетскаго «Къ вопросу о русскомъ сектанствѣ, помѣщенная въ «Правосл. Обозр.», 1883 г. Мартъ.

²⁾ «Правосл. Обозр.», 1883 г. Мартъ. «Къ вопросу о русскомъ сектанствѣ». Стр. 580.

³⁾ Ibidem., 563.

послѣ настойчивыхъ преслѣдованій со стороны мужа согласилась на оскотленіе. Тотъ же оскотитель увлеченнымъ имъ жертвамъ о священникахъ Православной Церкви говорилъ, что «ихъ въ Россіи давно стали брить въ солдаты и немного ихъ уже осталось, а вотъ скоро будутъ брить и въ Сибири»¹⁾. Въ 1845 году тульская крестьянка Ильина была обращена въ молоканство посредствомъ истязаній со стороны мужа²⁾. Прославляемые свѣтскою печатью штундисты совершаютъ также самыя дерзкія и фантастическія дѣйствія противъ Православія и православныхъ³⁾.

Этихъ примѣровъ, намъ думается, вполне достаточно, чтобы убѣдиться въ несправедливости похвалъ, которыя Толстой возсылаетъ всѣмъ безъ исключенія ересямъ и расколамъ.

А. Рождественъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Штундисты В. А. Моврицкаго. «Правосл. Обозр.», 1881 г., Февраль.

ВѢРА И ЗНАНІЕ.

Происхождение вопроса о знаніи и вѣрѣ. Знаніе какъ высшая степень вѣры. Платоновское понятіе о знаніи и послѣдствія его прихъненія въ христіанскому нѣроученію. Діалектика какъ орудіе христіанской науки. Аристотелевское понятіе о знаніи и его послѣдствія въ приложеніи къ христіанскому ученію. Декартовское понятіе о знаніи. Характеристическія черты этого понятія въ новой философіи (французской и нѣмецкой). Какъ относится идеализмъ и реализмъ новой философіи къ вѣрѣ и откровенію.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что желаніе добра свойственно болѣе или менѣе всѣмъ людямъ и что большинство людей, по основнымъ свойствамъ натуры, слѣдуетъ признать добрыми, а не злыми. Не смотря на то, сколько бы ни говорили о смягченіи и усовершеніи нравовъ съ теченіемъ времени, несомнѣнно, что зло нравственное только измѣняетъ формы своего проявленія, становится болѣе утонченнымъ и скрытымъ, не уменьшаясь и не ослабѣвая въ своей сущности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ господство пессимизма въ настоящее время: ибо только пороки дѣлаютъ жизнь бѣдственной и мало утѣшительною. Въ чемъ же слѣдуетъ полагать корень зла? На этотъ вопросъ уже давно мы имѣемъ два различныхъ отвѣта. Вѣра учитъ, что въ самой природѣ человѣка есть расположеніе ко злу. Философія (древняя, которой въ этомъ случаѣ слѣдуетъ и новая) напротивъ источникъ зла усматриваетъ не въ испорченности природы человѣка, а лишь въ невѣдѣніи, въ недостаткѣ умственного образованія. Такъ, по ученію Сократа и Платона, только по невѣдѣнію человѣкъ можетъ предпочесть дурное доброду, потому именно, что худшее онъ принимаетъ за лучшее. Напротивъ, по выраженію Апостола Павла,

и зная лучшее, мы дѣлаемъ худшее, и не только зная, но и желая добра, мы однако избираемъ и дѣлаемъ злое, котораго не желаемъ. Отсюда очевидно, что, по ученію христіанскому, основною причиною зла нравственнаго между людьми слѣдуетъ признать несовершенство воли, состоящее въ безсиліи, въ недостаткѣ энергіи необходимой къ совершенію добра. Немоощь воли есть болѣзнь, которая могла произойти только отъ самой же воли,—по ея вицѣ, ибо иначе необходимо было бы допустить, что Богъ создалъ человѣка немощнымъ и лишеннымъ силы къ совершенію добра. Но освободиться отъ своего безсилія воля, подвергшаяся этой болѣзни, очевидно не могла сама собою, ибо тогда воля не была бы на самомъ дѣлѣ безсилна: какого же еще большаго проявленія силы можно было бы ожидать и требовать какъ освобожденіе отъ коренной своей слабости? Воля не можетъ быть вмѣстѣ и слабою и сильною. Поэтому исцѣленіе слабой человѣческой воли могло совершиться только чрезъ высшую божественную волю: не сама собою, а только при содѣйствіи воли Божіей человѣческая воля можетъ вновь обрѣсти свою силу, ибо сила Божія въ немощи человѣческой открывается. Другое ученіе главною виною всякихъ иныхъ несовершенствъ человѣческихъ, какъ сказано, признаетъ несовершенство умственнаго состоянія. Несовершенство это состоитъ съ одной стороны въ недостаточности знанія, а съ другой въ ограниченности самой способности къ знанію. Человѣку не дано все знать; даже въ области ближайшей къ человѣку, именно въ собственной его практической дѣятельности, далеко не все доступно познанію, а потому и невозможно основать такую дѣятельность всецѣло на знаніи. На этомъ основаніи даже языческая философія въ лицѣ Сократа признавала необходимымъ восполненіемъ недостаточности знанія религіозную вѣру. Сократъ совѣтовалъ обращаться къ богамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствія предпринятаго нами дѣла не могутъ быть напередъ рассчитаны и опредѣлены. Что касается способности къ познанію, то ограниченность ея становится очевидною, когда испытана самимъ дѣломъ, т. е. когда опытомъ дознана невозможность въ пріобрѣтеніи познанія перешагнуть извѣстную границу, для чего

очевидно сначала нужно еще почувствовать живѣйшимъ образомъ потребность знанія. Потребность же знанія, проявляющаяся какъ дѣятельное стремленіе къ приобрѣтенію его, сама по себѣ не только не есть несовершенство, напротивъ, составляетъ преимущество, служащее признакомъ высшаго происхождения и назначенія души человѣческой. Стремленіе къ знанію есть преимущество въ томъ смыслѣ, что такое стремленіе направляетъ человѣка къ совершенству, но условіемъ самого этого стремленія можетъ быть только сознаваемое человѣкомъ несовершенство, такъ что настоящая жизнь имѣетъ двойственный характеръ, вслѣдствіе двоякаго ея отношенія съ одной стороны къ искомому совершенству, которое должно наступить только въ будущемъ, а съ другой—къ испытываемому въ настоящемъ несовершенству. Причина этой двойственности заключается въ соединеніи души съ тѣломъ. По философіи Платона всѣ души обитаютъ сначала въ надзвѣздномъ мірѣ и тамъ въ общеніи съ богами наслаждаются созерцаніемъ всѣхъ совершенствъ бытія, но непонятная какая то необходимость увлекаетъ ихъ на землю, гдѣ, соединяясь съ тѣлами, онѣ вдругъ забываютъ все видѣнное ими прежде; только зрѣлище красоты, которая яснѣе всѣхъ другихъ совершенствъ (идей) отпечатлѣлась въ здѣшнемъ мірѣ, пробуждаетъ въ душѣ зачатокъ прежней божественной жизни; является воспоминаніе того, что было забыто въ началѣ земной жизни; такое то воспоминаніе и есть то, что называется познаніемъ. Оно рождаетъ въ душѣ недовольство настоящимъ своимъ умственнымъ состояніемъ; послѣдствіемъ же недовольства является всецѣлое обращеніе души къ искомой цѣли, каковая цѣль заключается въ приобрѣтеніи вновь всего того знанія, какимъ нѣкогда душа обладала и соединеннаго съ нимъ небеснаго блаженства. Причиною потери знанія и блаженства было соединеніе съ тѣломъ, слѣдовательно, наоборотъ, отрѣшеніе души отъ тѣла должно возвратитъ ей и то и другое; а въ настоящей жизни это отрѣшеніе возможно лишь въ видѣ умственной философской дѣятельности, которая требуетъ отвлекать вниманіе отъ всего чувственнаго и обращать его во внутреннюю жизнь души. Вотъ какимъ образомъ по философіи Платона стремле-

ніе къ знанію способствуетъ *очищенію* человѣка отъ всего низменнаго и поднятію его на болѣе высокую степень духовнаго бытія.

Нельзя сказать, чтобы христіанское ученіе ни въ чемъ не соприкасалось съ этимъ ученіемъ Платона. По крайней мѣрѣ это не подлежало сомнѣнію для многихъ христіанскихъ писателей первыхъ временъ христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, исцѣленіе человѣка отъ прирожденнаго ему зла, совершенное самимъ Богомъ, состояло отчасти въ сообщеніи новаго вѣдѣнія о Богѣ и объ отношеніи Бога къ человѣку. Само собою понятно, что усвоеніе этого откровеннаго ученія было признано наиболѣе совершеннымъ удовлетвореніемъ той потребности знанія, которую такъ высоко цѣнили философы, полагая именно въ приобрѣтеніи знанія спасеніе отъ зла. Съ этой точки зрѣнія древней философіи усвоилось то значеніе, что нѣкоторымъ образомъ она приготавливала язычниковъ къ принятію христіанства, которое поэтому, сравнительно съ древнею философіею, рассматривалось какъ единая истинная философія.

Итакъ открывалась возможность нѣкотораго сближенія и какъ бы примиренія двухъ названныхъ ученій объ источникѣ зла и о способахъ избавленія отъ него. Коренное различіе ихъ тѣмъ не менѣе оставалось, и это побуждало многихъ ревнителей чистоты христіанства возставать противъ всякихъ попытокъ къ сближенію и соглашенію ихъ. Здѣсь начало вопроса о вѣрѣ и знаніи возникшаго уже въ первыя времена христіанства. Сущность философіи, какъ ее опредѣляли сами философы, заключается въ исканіи *знанія*, христіанство, напротивъ, требовало прежде всего *вѣры*. Исканіе знаній есть свойство *разума*, — *ограниченнаго* и потому *несовершеннаго*, но стремящагося къ *совершенству*, проявляющаго это свое стремленіе въ *философіи*. Христіанство требовало *вѣры*, — потому, что оно сообщало ученіе не изобрѣтенное кѣмъ либо изъ людей, но *открытое* самимъ Богомъ: и отсюда систематическое изложеніе этого ученія получило названіе *Богословія*.

Вопросъ о вѣрѣ и знаніи состоялъ поэтому въ слѣдующемъ: какъ согласить между собою *вѣру* и *знаніе*, *разумъ* и *откровеніе*,

философію, и ученіе данное черезъ откровеніе или иначе *Богословіе*? Пренебречь совершенно философіей, какъ нѣкоторые требовали, было невозможно, ибо это значило пренебречь во все образованіемъ и признать справедливымъ упрекъ языческихъ философовъ, что христіанство есть религія годная только для людей простыхъ, невѣжественныхъ.

Соглашеніе и примиреніе тогда лишь можетъ быть прочнымъ и соотвѣтственнымъ истинѣ, когда основывается на точномъ разграниченіи предметовъ подлежащихъ соглашенію и объединенію; безъ такого разграниченія соглашеніе обыкновенно оказывается *смѣшеніемъ*, послѣдствіемъ котораго бываетъ еще большее раздѣленіе интересовъ требующихъ соглашенія.

Главное различіе указанныхъ выше ученій объ источникѣ зла заключается въ слѣдующемъ. Полагая корень зла въ умственномъ состояніи невѣдѣнія, философія признавала освобожденіе отъ такого состоянія дѣломъ самого человѣка. Очищеніе отъ зла нравственнаго (*κάθαρσις*) представлялось въ видѣ постепеннаго восхожденія человѣка отъ одной формы знанія къ другой, отъ низшей къ высшей ¹⁾. По ученію же христіанскому спасеніе человѣка отъ зла уже потому не можетъ быть собственнымъ дѣломъ его воли, что и самое зло, какъ сказано, именно заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ безсиліи, слабости воли. Спасеніе человѣка отъ прирожденнаго зла могло быть совершено лишь чрезъ сверхъестественную помощь Божию, а потому и самыя истины, стоящія въ необходимой связи съ совершеніемъ этого дѣла и чрезъ него открытыя, не могли быть добыты чрезъ самостоятельную дѣятельность разума, а

¹⁾ Есть, говоритъ Платонъ, два вида очищенія,—одно относится къ тѣлу, а другое къ душѣ. Послѣднее состоитъ частію въ судѣ и наказаніи, частію въ обученіи. Важнѣйшій родъ обученія есть тотъ, который производится посредствомъ діалектическаго искусства, прежде всего освобождающаго (посредствомъ критики) отъ ложной увѣренности въ обладаніи знаніемъ, котораго на самомъ дѣлѣ не имѣется... *Soph.* 227 d—231. «Не состоитъ ли очищеніе души въ томъ, что она по возможности отрѣшается отъ тѣла и приучается постепенно собирать свои силы и сосредоточиваться въ самой себѣ?» А это именно и есть и въ философіи и главное ея дѣло. *Phaedo* 67 с.

могутъ сдѣлаться нашимъ достояніемъ только чрезъ вѣру, т. е. чрезъ искреннее принятіе ихъ по вѣрѣ въ истинность того, къмъ дарованы эти истины. Добываніе истинъ спасительныхъ для человѣка собственною дѣятельностію разума и по ученію философовъ не для каждаго возможно, а есть удѣлъ только избранныхъ. Напротивъ, усвоеніе откровенныхъ истинъ чрезъ вѣру всѣмъ предназначено и для всѣхъ достижимо, какъ это и должно быть, потому что спасеніе отъ зла есть нравственная потребность каждаго. Но признавая необходимою общедоступность вѣры, не слѣдовало ли допустить разныя *степени* въ усвоеніи спасительныхъ истинъ вѣры; конечно, истины эти воспринимаются чрезъ вѣру, но будучи восприняты вѣрою, и онѣ не могутъ и не должны оставаться безъ всякаго дѣйствія на нашъ разумъ: усвоеніе истинъ вѣры необходимо относить ко всему нашему духовному существу, изъ котораго разумъ не можетъ быть исключенъ; усвоеніе же разумомъ истинъ вѣры возможно лишь чрезъ дѣятельность свойственную ему, которая достаточно была разъяснена и раскрыта языческими философами. Такимъ образомъ необходимо было допустить дѣятельность разума *въ области самой вѣры*, т. е. признать въ разумѣ силу способствующую дальнѣйшему и болѣе совершенному усвоенію истинъ вѣры: для людей простыхъ, менѣе одаренныхъ, достаточно вѣра простая, безотчетная; но въ комъ развита долгимъ ученіемъ и размышленіемъ потребность разумѣнія, тотъ не можетъ довольствоваться простодушною вѣрою; и для него вѣра необходима, но вѣра просвѣщенная, такъ сказать познанная: инициій разумѣнія истинъ вѣры, переходя отъ вѣры безотчетной къ вѣрѣ сознательной и отчетливой, становится такимъ образомъ *знающимъ* истины вѣры, а не просто вѣрующимъ; но нельзя однако сказать, что вѣра у такого человѣка уступаетъ мѣсто знанію, ибо само это знаніе утверждается на вѣрѣ, оно есть особый видъ вѣры. Такимъ образомъ и для вѣрующаго человѣка не исключена возможность восхожденія отъ одной степени вѣры къ другой, отъ низшей къ высшей: знаніе, *искомое* вѣрующимъ человѣкомъ, не есть отрѣшеніе отъ вѣры, а есть только болѣе совершенное усвоеніе ея, или иначе, есть болѣе высокая, не всѣмъ конечно

доступная, степень той же вѣры. Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія въ необходимости знанія *въ области вѣры*. Но слѣдуетъ далѣе уяснить правильное отношеніе между вѣрою и знаніемъ въ означенной области.

У Платона вѣрою называется самая низшая степень познаванія, именно—чувственное воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній, которое дѣйствительно не происходитъ безъ довѣрія къ чувствамъ, т. е. безъ увѣренности въ томъ, что ощущаемое нами дѣйствительно такъ есть, какъ ощущается ¹⁾. Отъ чувственной вѣры, по Платону, душа переходитъ къ познанію сверхчувственного, когда обращается къ себѣ самой и, вмѣсто того, чтобы заниматься чувственными образами, начинаетъ размышлять, какъ бы бесѣдовать съ собой. Знаніе, слѣдоват., состоитъ въ постиженіи сверхчувственного. Такъ какъ тяготѣніе къ чувственному, по Платону, было причиною паденія души, то главное значеніе познанія именно и состоитъ въ освобожденіи души отъ чувственной вѣры,—въ томъ, чтобы сдѣлать эту вѣру для души ненужною, излишнею: душа, познавшая сверхчувственный міръ сущаго, отвращается отъ чувственного. Это платоновское раздѣленіе вѣры и знанія, бывъ принято и въ отношеніи къ содержанію христіанской вѣры, нѣкоторыми христіанскими платониками было доведено до крайности, отдаленнымъ послѣдствіемъ которой является отрицаніе самой вѣры. Такъ какъ главный и основной источникъ христіанскаго вѣроученія заключается въ св. Писаніи, то и раздѣленіе вѣры и знанія въ указанномъ смыслѣ было

1) Tim. 29 с. *ὅτι περὶ πρὸς γένεσιν οὐσία, τοῦτο πρὸς πίστιν ἀλήθεια*. Т. е. какъ относится сущее къ явленному, такъ истина относится къ вѣрѣ. Въ томъ же діалогѣ (27 d.) Платонъ различаетъ двоякій родъ бытія: всегда сущее, которому происхожденіе (слѣд, вообще измѣненіе) не свойственно (*τὸ ὄν ἀεὶ γένεσιν, δὲ οὐκ ἔχον*),—это одинъ родъ бытія, а другой родъ есть всегда только происходящее, которому несвойственно быть просто сущимъ, т. е. неизмѣнно пребывающимъ (*τὸ γινόμενον μὲν ἀεὶ, ὄν δὲ οὐδέποτε*). Первый родъ бытія постигается умомъ, чувствамъ же недоступенъ и потому называется сверхчувственнымъ, умопостигаемымъ (*ἀναίσθητον, νοούμενον μόνον*); послѣдній же воспринимается чрезъ чувства (*διὰ τοῦ σώματος αἰσθανόμενον*) и есть предметъ мнѣнія (*δόξα*), и незнаніи, а потому и называется явленнымъ, представляющимся, а не истинно сущимъ (*φανόμενον, δόξαστόν*). Ibid. 51 d. Срав. Resp. VII, 588.

установлено главнымъ образомъ въ отношеніи къ св. Писанію и выразилось въ различномъ способѣ пониманія и толкованія его. Различали двоякій смыслъ въ св. Писаніи: буквальный, или иначе чувственный и духовный, т. е. сверхчувственный; вѣра состоитъ въ принятіи того, что сообщается въ Писаніи по буквальному смыслу, но вѣра смѣняется знаніемъ, какъ скоро мы уразумѣваемъ скрытую подъ буквальнымъ смысломъ духовную сущность. Какъ по Платону чувственное имѣетъ для насъ единственно лишь то значеніе, что служитъ напоминаніемъ духовнаго, сверхчувственнаго, такъ, по теоріи аллегорическаго толкованія слова Божія, буквальный смыслъ имѣетъ значеніе не самъ по себѣ, а только какъ нѣкоторое подобіе, или отображеніе духовнаго, таинственнаго смысла. И какъ по Платону, восходя на высшую ступень знанія, мы дѣлаемся чрезъ то участниками божественной совершенной жизни,—душа снова овладѣваетъ утраченнымъ ею блаженствомъ: такъ и у нѣкоторыхъ христіанскихъ его послѣдователей мы видимъ увѣренность въ томъ, что восходя на высшую ступень духовнаго созерцанія, мы достигаемъ чрезъ то, правда, таинственнаго, но блаженнаго и потому возделѣннаго, непосредственнаго общенія съ Богомъ, причемъ конечно вѣра уже больше не нужна,—и не только вѣра, но и всѣ средства, предлагаемая Церковью, для руководства душъ вѣрующихъ, весь строй церковной жизни исключается. Такимъ образомъ христіанское знаніе (γνώσις) оказывалось уже не высшею ступенью вѣры, а упраздненіемъ вѣры,—такимъ совершеннымъ вѣдѣніемъ, какое дается чрезъ непосредственное, ближайшее общеніе съ предметомъ вѣдѣнія, въ настоящемъ случаѣ съ самимъ Богомъ. Нужно ли говорить, что самое разграниченіе въ св. Писаніи двоякаго смысла могло быть и дѣйствительно было лишь дѣломъ произвольнаго толкованія слова Божія. Произволь всегда является орудіемъ какихъ либо скрытыхъ побужденій и намѣреній. Произволь въ истолкованіи св. книгъ сначала былъ орудіемъ мистицизма, затѣмъ уже въ новое время раціонализмъ воспользовался тѣмъ же средствомъ для отрицанія всей исторической стороны христіанства, ибо событія Евангельской исто-

ріи стали разсматривать какъ символическіе образы, не имѣющіе фактическаго значенія.

Что по Платону знаніе имѣетъ своимъ назначеніемъ замѣнить собою чувственную вѣру и освободить отъ нея душу человѣка, ищущую блаженства вѣчнаго, непреходящаго—это понятно. Ибо вѣра платоновская совершенно противоположна знанію: она имѣетъ природу чувственную, тогда какъ знаніе сверхчувственно. Но такова ли вѣра требуемая христіанствомъ? Уже то одно, что эта вѣра *требуется*, служить показателемъ ея отличительнаго характера: она есть актъ духовный, выраженіе нравственнаго духа, слѣдов. и самая простая вѣра въ смыслѣ христіанскомъ имѣетъ характеръ сверхчувственный даже въ большей степени, чѣмъ само знаніе, понимаемое въ общепринятомъ значеніи этого слова. Вѣра и знаніе, насколько послѣднее также относится къ области вѣры, различаются и должны различаться, будучи понимаемы въ смыслѣ истинно христіанскомъ,—не по роду своему и не по источнику своего происхожденія, а лишь по своимъ проявленіямъ: свидѣтельствомъ вѣры служатъ дѣла,—изъ дѣлъ познается вѣра; признакомъ же или проявленіемъ знанія (какъ это признавалось уже Платономъ) служить даръ учительства.—Отличительною чертою христіанской религіи, сравнительно съ древними, въ особенности языческими религіями, служить то, что она есть *ученіе*. Ученіе и жизнь въ христіанствѣ слиты въ единое нераздѣльное цѣлое, такъ что и люди просто вѣрующіе въ нѣкоторой мѣрѣ обладаютъ знаніемъ христіанскимъ, т. е. знаніемъ истинъ вѣры, и наоборотъ—люди знающіе только тогда въ состояніи исполнять свой долгъ учительства, если ихъ знаніе не бездушно, но оживляется искреннею и твердою вѣрою, ставшею убѣжденіемъ, такъ что знаніе истинно христіанское не освобождаетъ отъ вѣры, напротивъ утверждаетъ въ вѣрѣ.

Какъ дѣйствіе нравственное чисто духовнаго характера, а не плотское (ибо имѣя глаза можно не видѣть и имѣя уши не слышать), вѣра должна имѣть такое значеніе въ отношеніи къ духовной жизни человѣка, какое Платонъ усвоилъ только разуму, именно—значеніе состоящее въ *очищеніи*, въ

освобожденіи отъ зла. Но есть при этомъ и важное различіе: разумъ—даръ природы, а потому и усовершеніе, достигаемое чрезъ него, въ нѣкоторомъ смыслѣ есть счастливая случайность: вѣра, напротивъ, есть *даръ благодати*, а благодать даруется *всякому желающему*. Человѣкъ безсиленъ самъ спасти себя; его воля слишкомъ немощна для этого; но желать спасенія, искать его и домогаться,—это возможно для каждаго, и въ этомъ смыслѣ вѣра, какъ даръ благодати, всякому доступна; однако не каждый желаетъ спасенія, а потому и вѣра не дается всѣмъ. Но что служить видимымъ знакомъ и средствомъ воспріятія благодатнаго дара вѣры? Вѣра происходитъ отъ *слушанія* Слова Божія и получаемого при этомъ назиданія; этою чертою вѣра различается отъ знанія, однороднаго съ нею по единству источника и содержанія, ибо знаніе получается путемъ *изученія* того-же Слова Божія. Слѣдовательно источникъ вѣры и знанія одинъ—откровеніе и все различіе ихъ состоитъ лишь въ неодинаковомъ отношеніи къ откровенію. Потребность изученія, т. е. пріобрѣтенія знанія собственнымъ трудомъ есть свойство разума (испытайте писаніе). Но разумъ человѣка несовершенъ и какъ несовершенный также нуждается въ помощи, подобно немощной волѣ человѣка. Помощь эта заключается въ руководственномъ значеніи для него *преданія* вообще, хранимаго Церковью, а въ частности тѣхъ опредѣленій вѣры (догматы), которыя установлены и утверждены авторитетомъ Церкви. Разумъ даръ природы; какъ даръ природы разумъ отъ нашей воли независимъ, но употребленіе разума есть дѣло свободной воли. Вѣра обязываетъ человѣка всѣ свои дары или способности обращать въ средство къ собственному спасенію, а также ко спасенію другихъ, т. е. употребленіе ихъ должно имѣть нравственную цѣль. Слѣдуетъ это признать и относительно разума. Разумъ человѣка ограниченъ по природѣ. Но имѣя свободную волю, человѣкъ по этому самому призванъ къ тому, чтобы и это природное свойство разума сдѣлать *свободно* обладаемымъ качествомъ, или иначе—обратить въ добродѣтель: ограниченность разума должна быть обращена въ *самоограниченіе*. Свободное дѣйствіе не то же, что произвольное: дѣйствіе свободно, а не произ-

вольно. когда совершается по извѣстному ясно сознаваемому и признаваемому *правилу*, сообразно съ извѣстною установленною для него *нормою*. Таково значеніе для разума опредѣленій вѣры.

Итакъ изученіе слова Божія есть, конечно, дѣло разума, но истолкованіе и разумѣніе его, чтобы не было произвольнымъ, должно согласоваться съ основными опредѣленіями вѣры, установленными Церковью и съ авторитетнымъ голосомъ преданія вообще также хранимаго Церковью. Но такое ограниченіе дѣятельности разума не должно ли повести къ усыпленію разума, къ прекращенію дѣятельности его, слѣдовательно къ упадку самой вѣры, ибо при бездѣйствіи разума возможна лишь слѣпая вѣра? Свобода въ дѣлѣ изученія и толкованія Слова Божія привела къ упраздненію его буквального смысла, дальнѣйшимъ послѣдствіемъ чего было отрицаніе самаго христіанства. Но также и отсутствіе всякой свободы въ изученіи и толкованіи Писанія не можетъ быть безвреднымъ для самой вѣры, такъ какъ послѣдствіемъ такого рабскаго отношенія къ слову Божію является слѣпая приверженность къ буквѣ, угашеніе духа. Пренебреженіе буквальнымъ смысломъ есть крайность; но и слѣпая приверженность къ буквѣ также есть крайность.

Чтобы дѣятельность разума могла быть закономѣрною, свободною отъ крайностей, въ отношеніи къ истинамъ вѣры, для этого прежде всего она должна быть закономѣрною въ самой себѣ, въ своей собственной сферѣ, въ сферѣ *самосознанія*, а такою она можетъ сдѣлаться только чрезъ изученіе самой себя, т. е. присущихъ ей законовъ, чрезъ обращеніе себя въ предметъ своего изслѣдованія. Главныя основанія этого дѣла были положены уже древнею философіею, которая постепенно выработала цѣлую науку о дѣятельности разума, такъ называемую *диалектику*, которая вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ значеніе руководства къ правильному употребленію разума (диалектика, какъ искусство мыслить).

Дѣятельность разума существенно состоитъ въ сообщеніи опредѣленной мѣры, стройности, порядка всему, что только можетъ подлежать этой дѣятельности. По ученію древнихъ

философовъ міръ есть произведеніе разума, ибо повсюду замѣчается въ немъ господство мѣры, стройности, порядка (космосъ); и самое образованіе міра, по представленію Платона, могло состоять лишь въ приведеніи матеріи изъ *беспорядочнаго состоянія въ порядокъ*. Но ближайшія къ уму, такъ сказать непосредственныя произведенія его составляютъ понятія, иначе—представленія, или идеи. Будучи приведены въ стройный порядокъ, понятія образуютъ *систему* знанія, науку. Аристотель установилъ при этомъ и другой важнѣйшій признакъ научнаго познанія, именно *доказательность*, или основательность. Знаніе научное по Аристотелю есть *доказанное* (аподиктическое), а доказаннымъ оно является тогда, когда *изъ формы силлогистической* выведено изъ твердаго неподлежащаго сомнѣнію основанія.

Итакъ для дѣятельности разума въ отношеніи къ истинамъ вѣры предстояло рѣшить двѣ задачи: а) установить систему вѣроученія и б) доказать, или иначе—обосновать надлежащимъ образомъ истины вѣры; необходимымъ орудіемъ къ выполненію той и другой задачи для разума должна была послужить *диалектика*, какъ наука упорядочивающая прежде всего дѣятельность самого разума. О томъ, какъ выполнялась и была выполнена первая задача,—не мѣсто говорить здѣсь; вопросъ этотъ касается исторіи догматовъ и Богословія, какъ науки о догматахъ, слѣдовательно имѣетъ характеръ спеціальній. Для насъ важно указать здѣсь судьбу второй задачи.

Основной и первоначальный предметъ вѣры есть бытіе Бога. Поэтому прежде всего должны были явиться попытки *доказать бытіе Бога*,—т. е. опредѣленіе вѣры, что *есть Богъ*,—существо высочайшее и совершеннѣйшее—вывести силлогистически изъ различныхъ основаній, каковыми могутъ быть только положенія болѣе очевидныя и несомнѣнныя. Для вѣры истина бытія Бога есть первая, и потому независимая ни отъ какихъ иныхъ истинъ; напротивъ, сама она есть основаніе и начало всѣхъ другихъ истинъ, такъ какъ безъ вѣры въ бытіе Бога не можетъ быть вовсе вѣры въ смыслѣ религіознаго акта, которымъ человѣкъ очищается и дѣлается способнымъ для жизни духовной. Но съ точки зрѣнія знанія истина бы-

тія Бога не столько очевидна, и такъ сказать непреодолима, какъ нѣкоторыя иныя положенія, напримѣръ, что существуетъ міръ, что мы сами въ немъ существуемъ, что міръ устроенъ извѣстнымъ образомъ, что у насъ есть идея о первой причинѣ вещей. Если бы истина бытія Бога, какъ существа высочайшаго, была очевидна не менѣе, чѣмъ то, что міръ существуетъ, тогда доказательства бытія Бога были бы не нужны; но въ такомъ случаѣ истина бытія Бога не была бы и предметомъ вѣры.

Каковы же были послѣдствія доказыванія истинъ вѣры? Доказать значитъ показать необходимую связь доказываемаго съ тѣмъ, изъ чего оно выводится, а отсюда и само доказываемое представляется какъ необходимое. Основаніемъ для доказыванія бытія Бога можетъ служить или самое понятіе о Богѣ (онтологическое доказательство бытія Бога), или разсмотрѣніе міра, какъ произведенія всемогущества и мудрости Божіей: въ первомъ случаѣ самое бытіе Бога выводится какъ необходимое, а въ послѣднемъ — дѣлается заключеніе о творческой дѣятельности Божества, чѣмъ и доказывается Его бытіе. Но если по своему бытію Богъ есть существо необходимое (что утверждается онтологическимъ доказательствомъ), то легко пройти отсюда къ заключенію, что и самая дѣятельность Божества *необходима* и что міръ есть *необходимое* проявленіе дѣятельности Божества: свободная дѣятельность, при необходимости бытія, предполагала бы раздвоеніе не согласное съ понятіемъ о единствѣ Божескаго существа. Допустить же, что дѣятельность Божества такъ же необходима, какъ необходимо бытіе Его, значитъ отринуть личную жизнь въ Богѣ, которая безъ свободы немыслима, къ чему дѣйствительно и пришелъ уже средневѣковый *реализмъ*, а еще болѣе послѣдующій *пантеизмъ*. Дальнѣйшимъ неминуемымъ послѣдствіемъ понятія о Богѣ, какъ существѣ необходимомъ, является отрицаніе промысла, что въ свою очередь религіозную идею о Богѣ превращаетъ въ абстрактную категорію первопричины, сколь ни важную въ организаціи человѣческаго мышленія, но далеко не достаточную для обоснованія религіозной идеи о Богѣ. Рационализмъ, или такъ называемый—деизмъ, можетъ доволь-

ствоваться столь скуднымъ понятіемъ о Богѣ, но рационализмъ въ сущности есть отрицаніе религіи, такъ какъ для него откровеніе не существуетъ. а безъ вѣры въ откровеніе никакая религія невозможна. Бытіе Бога, который ничѣмъ никогда не проявляетъ своей воли, есть только номинальное, а не реальное; иными словами деизмъ не по духу, не по сущности, а только словестно различается отъ атеизма.

Такимъ образомъ, какъ платоновское понятіе о знаніи (въ смыслѣ умозрѣнія, которое отъ чувственнаго направляется къ сверхчувственному), будучи примѣнено къ содержанію вѣры, само по себѣ могло лишь привести къ *мистицизму*, подобно тому аристотелевское понятіе о знаніи приводило къ *рационализму*. А потому какъ для умозрительной дѣятельности разума въ духѣ Платона требовалось въ области вѣры ограниченіе посредствомъ твердо и неизмѣнно установленныхъ опредѣленій вѣры; такъ рациональные доводы въ духѣ Аристотеля могли быть допущены только какъ вспомогательное средство въ дѣлѣ усвоенія предметовъ вѣры, и въ этомъ именно заключается смыслъ извѣстнаго схоластическаго положенія, что философія есть служанка Богословія.

Но кромѣ платоновскаго и аристотелевскаго есть еще иное понятіе о знаніи, установленное уже въ новое время Декартомъ. Понятіе это таково: что ясно и раздѣльно мыслится, то истинно. Декартъ самъ далъ поводъ думать, что эти указанные имъ признаки истинности или достовѣрности познанія наиболѣе свойственны тѣмъ представленіямъ и мнѣніямъ, которыя согласны со здравымъ смысломъ. Схоластика, противъ которой была направлена философія Декарта, слишкомъ уже пренебрегала здравымъ смысломъ. Но что такое здравый смыслъ? При отсутствіи въ этомъ случаѣ точной и опредѣленной мѣры, не трудно впасть въ ошибку отождествленія общаго понятія о здоровомъ смыслѣ со своимъ личнымъ смысломъ: согласно со здравымъ смысломъ то, что оправдывается и внушается мнѣ моимъ собственнымъ смысломъ, а такъ какъ признаки всего здравомысленнаго—ясность и раздѣльность, то истинно для меня лишь то, что я могу ясно и раздѣльно, т. е. легко и безъ всякаго труда представить себѣ:

лишь то истинно для меня, что по моему разумѣнію представляется мнѣ истиннымъ. Вся французская философія XVIII в. очевидно запечатлѣна этими чертами поверхностнаго и самоувѣреннаго индивидуализма. Увѣренность во всемогуществѣ своего личнаго смысла была причиною той охоты и той легкости, съ какими тогда принимались разсуждать о чемъ угодно и рѣшать какіе угодно вопросы; энциклопедизмъ былъ въ духѣ того времени. Свергнувъ иго схоластики, почувствовали себя легко и свободно и захотѣли воспользоваться этою свободою, не желая болѣе терпѣть уже никакихъ стѣсненій: всякое ограниченіе прежде всего въ умственной области казалось невыносимымъ.

Но если такъ дурно пользовались тѣмъ правиломъ для обсужденія вещей, которое было указано Декартомъ, то это не значитъ, что и самое правило дурно. Иначе это правило было понято нѣмецкими философами. Ясно и раздѣльно не то, что согласно со здравымъ смысломъ, (о которомъ ни у кого нѣтъ яснаго и раздѣльнаго представленія), а то, что выведено строго *методически*, къ чему мы приходимъ постепенно, отправляясь отъ извѣстнаго твердаго пункта, и подвигаясь къ намѣченной цѣли медленнымъ, но твердымъ шагомъ. Если я хочу ясно увидѣть отдаленный предметъ, то я долженъ къ нему приблизиться, а этого вдругъ сдѣлать нельзя; нужно сначала осмотрѣться и намѣтить для себя вѣрный путь. Въ наукахъ спеціальныхъ издавна впрочемъ дѣло велось методически. Ужели одна философія должна быть исключеніемъ изъ общаго правила и не слѣдуетъ ли признать это злоупотребленіемъ слова, когда подъ именемъ философіи разумѣютъ неограниченную свободу разсуждать, какъ случится по первому впечатлѣнію и личному расположенію, а философомъ называютъ всякаго громко и самоувѣренно разсуждающаго чловѣка? Такъ называемая популярная философія, или философія здраваго смысла, философія просвѣщенія—это лжефилософія (*afterphilosophie*).

Важность и плодотворность того требованія, чтобы философія была методическою, не подлежитъ сомнѣнію. Всѣ великіе философы не иначе мыслили, какъ строго методически, и самъ

Декартъ въ своей философіи первымъ дѣломъ считалъ установленіе метода. Мышленіе безъ метода есть беспорядочное мышленіе, хаотическое, а такое мышленіе можетъ привести лишь къ отрицательнымъ, или слишкомъ узкимъ и поверхностнымъ заключеніямъ. Важное значеніе метода заключается между прочимъ въ томъ, что при методическомъ развитіи мысли всякія неровности сглаживаются, попеременно выдвигаются разныя стороны предмета, а это даетъ возможность избѣгать крайнихъ и узкихъ односторонностей, особенно же важно то, что обеспечивается такимъ образомъ свобода отъ пристрастій и увлеченій, такъ какъ по намѣченному пути мысль сама собою движется, не нуждаясь ни въ какихъ толчкахъ и возбуждителяхъ постороннихъ, но руководимая собственнымъ интересомъ *развясненія* истины и повинуваясь единственно внутренней логической необходимости;—такой именно ходъ мысли яснѣйшимъ образомъ открывается въ методѣ *дедуктивномъ*, первый образецъ котораго былъ данъ Декартомъ.

Еще Спиноза, предпринявъ построеніе философіи по строго выдержанному методу (математическому), замѣтилъ, что онъ не хочетъ ни осуждать, ни оправдывать человѣческія страсти, а только лишь изслѣдовать ихъ природу. Конечно Спиноза это такъ понималъ, что страсти и не должны быть оправдываемы или осуждаемы, будучи по его мнѣнію стольже необходимы въ природѣ человѣка, какъ всякія явленія природы физической. Это было заблужденіе, которое составляетъ примѣсъ къ сказанному выше замѣчанію Спинозы, имѣющему смыслъ независимый отъ такого заблужденія. Истинный смыслъ означеннаго положенія тотъ, что необходимо изслѣдовать и понять, прежде нежели оправдывать или осуждать что либо. Это ближайшій выводъ изъ того положенія, что мышленіе должно быть методическимъ. Методомъ называется вообще порядокъ. Порядокъ въ дѣлѣ философіи состоитъ въ томъ, чтобы никакого вопроса послѣдно не рѣшать ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ, прежде нежели этотъ вопросъ не изслѣдованъ всесторонне и самымъ тщательнымъ образомъ. Методъ требуетъ воздержанія отъ всякихъ послѣднихъ и легкомысленныхъ сужденій. Съ полною рѣшительностію су-

дѣль о данномъ предметѣ мы приобретаемъ право лишь тогда, когда этотъ предметъ изслѣдованъ нами и усвоенъ, слѣдовательно, когда онъ понятъ нами надлежащимъ образомъ и сдѣлался для насъ совершенно яснымъ. Поэтому первая задача всякаго изслѣдованія сдѣлать предметъ яснымъ и понятнымъ. Чѣмъ сложнѣе предметъ, тѣмъ очевидно большаго *труда* требуетъ достиженіе таковой цѣли, а это показываетъ, что сдѣлать предметъ яснымъ и понятнымъ не значитъ сдѣлать его *общедоступнымъ*, а значитъ только—сдѣлать его удобовосприимлемымъ для тѣхъ, кто въ состояніи преодолѣть трудъ *постепеннаго овладѣнія* имъ. Въ сознаніи невозможности сдѣлать все и для всѣхъ доступнымъ нѣмецкіе философы, да и никакіе серьезные мыслители никогда объ этомъ не заботились; это было возможно и достижимо лишь для французскихъ философовъ, но въ ущербъ серьезности и содержательности ихъ философствованія.

Итакъ, нѣмецкая философія удерживаетъ то положеніе Декарта, что ясность и раздѣльность—признаки истинности, но присоединивъ къ этому положенію требованіе метода, она указала тѣмъ средство, устраняющее произволь и индивидуализмъ въ употребленіи означеннаго руководящаго правила Декарта. Требованіе Аристотеля—признавать за истинное знаніе лишь то, что *доказано*, не было достаточнымъ средствомъ противъ произвола, такъ какъ аристотелевское понятіе о доказательствѣ слишкомъ узко и ограничено: доказательствомъ онъ называетъ силлогистическую форму вывода одного положенія изъ другаго. Послѣдствіемъ такого понятія о доказательствѣ было то, что каждое положеніе разсматривалось и было предметомъ разсужденія отдѣльно отъ иныхъ положеній. Чѣмъ нарушалась естественная связь между положеніями и давалась возможность одни положенія (напр. о бытіи Бога, о безсмертіи души) принимать какъ доказуемыя, а другія (напр. положеніе о бытіи Промысла, о свободѣ воли) положенія отвергать какъ такія, которыя не могутъ быть доказаны. Примѣръ такого произвольнаго принятія однихъ положеній и непринятія другихъ изъ системы вѣроученія представляетъ собою (какъ выше показано) раціонализмъ.

Методъ имѣеть то значеніе, какое Аристотель усвоилъ доказательству, ибо положеніе, обоснованное методически, есть положеніе оправданное или доказанное: но методъ преимуществуетъ предъ доказательствомъ въ томъ, что не только не нарушаетъ естественной связи отдѣльныхъ положеній,— напротивъ требуетъ устанавливать связь и между такими положеніями, которыя доселѣ оставались раздѣленными,— находить единство тамъ, гдѣ обычно видятъ только противоположность и несогласіе.

Требуя связывать и объединять не только близко соприкасающіяся, но и отдаленныя положенія и понятія, методъ тѣмъ самымъ побуждаетъ восходить мыслию отъ частныхъ и разрозненныхъ явленій и представленій къ ихъ общимъ, глубже лежащимъ основаніямъ и принципамъ. А такимъ образомъ оправдывается и то понятіе о знаніи, которое установлено Платономъ, и которое состоитъ въ требованіи—отъ чувственного, т. е. ближайшаго и непосредственно даннаго, восходить къ сверхчувственному, т. е. отдаленному и наиболѣе общему.

Здѣсь мы достигли такого пункта въ идеалистической нѣмецкой философіи, который по важности его требуетъ особенно внимательнаго разсмотрѣнія. Непреложный законъ человѣческихъ изысканій таковъ, что частица истины всегда добывается съ примѣсью заблужденій, слѣды которыхъ не легко изглаживаются и даже имѣють иногда роковое вліяніе. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Выше указано на преимущество новой философіи предъ раціонализмомъ вслѣдствіе методологическихъ ея требованій. Но стремленіе къ объединенію и систематической связности понятій сдѣлалось наконецъ столь преобладающимъ, что не только уже сглаживались неровности и примирялись близко стояція противоположности, но и вообще всѣ различія, и самыя существенныя, и небо и земля, такъ сказать, потонули въ неудержимомъ потокѣ всеобъемлющаго мышленія; все сдѣлалось моментомъ, мимо текущимъ, преходящимъ явленіемъ не какого либо твердаго и устойчиваго, начала, а непрерывно движущагося потока. Поэтому и столь важное для религіознаго сознанія раздѣленіе плотскаго отъ духовнаго, чувственного отъ сверхчувственного въ нѣмецкомъ

идеализмъ оказывается не болѣе не менѣе, какъ только послѣдствіемъ двойственности присущей человѣческому сознанию. И не только противоположность духовнаго и тѣлеснаго превращается въ смѣну текущихъ явленій, происходящихъ отъ того, что сознание человѣка, его мысль, въ развитіи своемъ, проходитъ разныя состоянія; самая религія разсматривается какъ временно переживаемая человѣкомъ и человѣчествомъ форма сознанія. Опрежденія вѣры, уже потому самому, что были методически выводимы въ качествѣ представленій, образуемыхъ по внутреннимъ законамъ мысли человѣческой, оказывались такимъ образомъ произведеніемъ самого человѣка. Въ такомъ взглядѣ идеализма на религіозныя вѣрованія слѣдуетъ признать вѣрнымъ лишь то, что когда человѣкъ духовно проникается положеніями или определеніями вѣры, глубоко усвоаетъ ихъ своимъ существомъ и ими живетъ, то этимъ самымъ онъ обращаетъ ихъ въ свою собственность; они становятся его личнымъ убѣжденіемъ, духовно претворяются и какъ бы производятся имъ изъ себя; особенно это должно сказать объ истинахъ вѣры, т. е. что при усвоеніи ихъ, чѣмъ глубже это усвоеніе, тѣмъ болѣе не можетъ не отпечатлѣваться личность человѣка и не воздѣйствовать на самыя эти истины. Но какъ далеко отсюда до заключенія, что человѣкъ самъ создаетъ усвоаемыя имъ истины. Впрочемъ заключеніе это стоитъ въ необходимой связи съ тѣмъ общимъ основнымъ положеніемъ идеализма, что всѣ вообще представленія, даже о чувственномъ физическомъ мірѣ, а не только о духовномъ, производятся человѣческою мыслию по законамъ присущимъ ей. Такой взглядъ на человѣческія представленія нельзя не признать крайнимъ, но къ нему привело стремленіе построить въ духѣ дедуктивнаго метода стройную систему понятій и образовать изъ представленій, присущихъ общечеловѣческому сознанию, какъ бы духовный, идеальный организмъ. Идеалисты не могутъ допустить, чтобы правильно организованный, стройный мысленный міръ былъ произведеніемъ случайной встрѣчи съ разнообразными предметами дѣйствительности и воспріятія безпорядочнаго множества внѣшнихъ впечатлѣній.

Иначе смотреть на это дѣло реалисты. Реалисты указываютъ на то, что, при идеалистическомъ взглядѣ на происхожденіе человѣческихъ представленій, остается непонятнымъ постоянно и неизмѣнно присущее нашему уму стремленіе сообразовать всѣ свои представленія съ дѣйствительностію данною чрезъ опытъ, стремленіе, проявляющееся и въ томъ, что всѣ умственные операціи мы обыкновенно направляемъ на дѣло познанія этой дѣйствительности. Съ этимъ стремленіемъ нашего ума слѣдуетъ сообразовать и самый методъ познавательной дѣятельности. Такимъ методомъ, дѣйствительно обезпечивающимъ познаніе дѣйствительности, слѣдуетъ признать *индукцію*. Дедуктивный методъ, состоящій въ томъ, что мы одну мысль выводимъ изъ другой, и такимъ образомъ слагаемъ длинную цѣпь понятій, съ тѣмъ, чтобы по возможности объять мыслию всю дѣйствительность,—этотъ методъ увлекаетъ пустою надеждою сдѣлать за одинъ разъ и силами единоличнаго ума то, что мало по-малу создается трудомъ многихъ поколѣній и въ теченіи вѣковъ,—разумѣемъ образованіе научнаго міросозерцанія. Преимущество индуктивнаго метода—въ томъ и состоитъ, что онъ не дозволяетъ оставлять почву фактовъ и уноситься въ заоблачныя сферы умозрѣнія. Онъ требуетъ раздѣленія труда, и вмѣсто одной науки съ всеобъемлющимъ знаніемъ, каковымъ мечтала сдѣлаться идеалистическая философія, индуктивный методъ далъ множество наукъ, за то дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ. Философія такъ же должна быть отдѣльною наукою, именно наукою о познаніи, или иначе о *наукѣ*. Совокупность фактовъ, съ которыми философія должна имѣть дѣло, представляютъ собою самыя науки, по отношенію къ которымъ задача философіи—установить между ними порядокъ, построить классификацію знаній. Но какимъ образомъ индуктивный методъ можетъ оказать въ этомъ случаѣ какую либо помощь—совершенно непонятно. Какова бы ни была классификація наукъ, основанія для нея могутъ бѣть даны только теоріею знанія. Теорія же знанія можетъ быть выработана чрезъ анализъ самосознанія, въ область котораго входитъ познавательная дѣятельность. Такой анализъ мы находимъ у Кан-

та подъ названіемъ *Критики* чистаго разума. Поэтому другіе полагають, что философія должна быть *критическою*. Задача ея въ томъ, чтобы посредствомъ критики противодѣйствовать идеалистическимъ посползновеніямъ, какъ будто критика не можетъ быть также обращена и противъ реализма. Но и для критики нужны руководящія начала. Слѣдовательно не нужна ли теорія критики, а теорія эта входитъ въ составъ логики. Поэтому иные, опредѣляя философію, какъ науку о познаніи, подъ этимъ названіемъ разумѣють собственно логику. Все это показываетъ, что точныхъ понятій о знаніи, о наукѣ не имѣется. Но хотя реалисты и не могутъ въ точности разъяснить, что такое знаніе, наука; однако они убѣждены, что богословіе ни коимъ образомъ нельзя признать наукою. Ужъ если положеніе философіи въ ряду другихъ наукъ, по ихъ понятіямъ о философіи, оказывается шаткимъ и сомнительнымъ, то что ужъ и говорить о богословіи? Одно только очевидно: въ своихъ понятіяхъ о знаніи, хотя неясныхъ и неопредѣленныхъ, реалисты выступаютъ какъ рѣшительные противники идеалистовъ, но въ своихъ понятіяхъ о томъ, что такое вѣра, они примыкають къ идеалистамъ. и только, къ большей конечно невыгодѣ для интересовъ вѣры, они упрощають взглядъ идеалистовъ на этотъ предметъ. По ученію идеалистическому религіозная вѣра есть произведеніе человѣческаго сознанія, но въ этомъ произведеніи открывається необходимый законъ духа, слѣдовательно, въ самомъ существѣ духа лежитъ основаніе для возникновенія религіозной вѣры. И реалисты полагають, что религіозная вѣра—продуктъ человѣческаго сознанія, но они думаютъ при этомъ, что можно признать лишь неизбежность этого продукта при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ, необходимаго же, въ смыслѣ законсообразности и соотвѣтствія съ природою духа, въ религіозной вѣрѣ они не усматривають ничего. По ихъ мнѣнію религіозная вѣра—плодъ невѣжества, незнанія причинъ, отъ которыхъ происходятъ явленія какъ внѣшней, такъ и нашей внутренней природы. Въ нѣкоторомъ смыслѣ признають идеалисты и откровеніе, только подъ откровеніемъ они разумѣють обнаруженіе сокровенныхъ свойствъ и законовъ духа человѣческаго.

частію на протяженіи всей исторіи человѣчества (исторія человѣчества по Шеллингу есть непрерывно продолжающееся откровеніе абсолютнаго), частію же въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ. И въ этомъ отношеніи реалисты проще. Они отвергаютъ всякую мысль объ откровеніи, да и самое слово—духъ для нихъ лишено всякаго значенія. По мнѣнію реалистовъ сущность религіозной вѣры достаточно опредѣляется тѣмъ, что она есть противоположность знанія, или иначе *выраженіе незнанія*.

Итакъ стремленіе къ знанію, насколько оно проявлялось, не выходя изъ области вѣры, т. е. имѣя содержаніемъ своимъ предметы вѣры, выразилось въ двоякомъ видѣ: какъ стремленіе къ построенію системы вѣроученія на твердомъ основаніи откровенія и какъ стремленіе къ рациональному доказыванію положеній вѣры. Первое привело къ созданію богословской науки, а послѣднее—къ раздѣленію философіи отъ богословія. По отдѣленіи философіи отъ богословія, мы видимъ сначала враждебное отношеніе (особенно во французской философіи XVIII в.) ея къ богословію и самой вѣрѣ, затѣмъ наступаетъ отношеніе примирительное (въ нѣмецкой философіи); но такъ какъ истинное единство вѣры и знанія, богословія и философіи, не было достигнуто, то въ новое время, смотря на вѣру и знаніе исключительно съ точки зрѣнія ихъ противоположности, требуютъ совершеннаго ихъ раздѣленія (позитивизмъ).

Главное значеніе въ исторіи вопроса о вѣрѣ и знаніи безспорно принадлежитъ понятію о знаніи.

По философіи Платона знаніе есть *обладаніе* познаннымъ; философія по Платону—совершеннѣйшее выраженіе любви къ прекрасному (эросъ). Ибо какъ любовь приводитъ къ *обладанію* любимымъ предметомъ и имѣетъ цѣлью такое обладаніе, подобно тому и назначеніе философіи—привести человѣка къ обладанію верховнымъ благомъ, достигаемое чрезъ постепенное восхожденіе отъ чувственнаго къ сверхчувственному. Понятіе это было допущено съ нѣкоторымъ ограниченіемъ въ приложеніи къ вѣроученію, ибо чрезъ вѣроученіе, по мѣрѣ того какъ оно усвоится, т. е. чрезъ правильную вѣру

(по руководству церкви) человекъ приходитъ къ общенію съ Богомъ и достигаетъ вѣчнаго спасенія.

По аристотелевскому понятію о знаніи познание есть доказанное. Признакомъ знанія по этому понятію служитъ убѣжденіе, т. е. *твердость признанія*. Такъ какъ доказываніе есть процессъ логическій, или иначе раціоналистическій, то осуществленіе такого понятія о знаніи представляетъ собою философія въ смыслѣ систематическаго, обоснованнаго ученія. Отсюда исходя изъ аристотелевскаго понятія о знаніи, философію раздѣляли отъ богословія, какъ ученія вѣры или вѣроченія (т. е. ученія не доказываемаго, а принимаемаго по вѣрѣ); но раздѣляя, вмѣстѣ съ тѣмъ сначала философію поставили въ подчиненное отношеніе къ богословію, когда задачу философіи полагали въ томъ, чтобы служить пособіемъ для богословія, способствовать утвержденію вѣры посредствомъ раціональныхъ доводовъ; впоследствии же времени на философію стали смотрѣть какъ на самостоятельную науку. Самостоятельность эта является обоснованною въ новой философіи чрезъ понятіе о знаніи, какъ процессъ методическаго, т. е. по собственнымъ своимъ законамъ и правиламъ развивающагося изслѣдованія. Раздѣленіе знанія отъ вѣры признается необходимымъ для обезпеченія свободы и самостоятельности изслѣдованія, въ которомъ новая философія видитъ существенный признакъ знанія.

П. Липицкій.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

вѣ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *)

2. *Наименованіе и существо* Божества. Между тѣмъ какъ архаическіе философы рѣдко были устойчивы въ наименованіи Божества Богомъ ($\delta\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$), чаще всего пользуясь готово данными въ народномъ политеизмѣ названіями Божества и божествъ, Сократъ, напротивъ, употребляя, правда, и столь привычныя для его слушателей политеистическія наименованія: *боги* ($\omicron\iota\ \theta\epsilon\omicron\iota$), *Зевсъ* и др., по большей части употребляетъ наименованіе $\delta\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ или просто $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ —*Богъ* ¹⁾. Какъ бы въ тѣхъ видахъ, чтобы какъ можно меньше оставалось мѣста сомнѣнію въ его стремленіи къ монотеизму, Сократъ рѣдко употребляетъ даже безличныя названія: $\tau\acute{o}\ \theta\epsilon\acute{i}\omicron\nu$ ²⁾ или $\tau\acute{o}\ \delta\alpha\iota\mu\acute{o}\nu\omicron\nu$ ³⁾—*Божество*. Кромѣ же монотеистическаго наименованія: *Богъ*, Сократъ въ томъ же смыслѣ иногда употребляетъ описательныя выраженія въ родѣ слѣдующихъ: $\delta\ \epsilon\acute{\xi}\ \acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$

*) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 23.

¹⁾ Метогр. I, 4, 13, 17; IV, 7, 6;—8, 6 и др. Срав. также Apolog. V, 7, 12. Осепом. VII, 12, 22 sqq. и др.

²⁾ Метогр. I, 4, 18; conf. Сурор. V, 4, 31; VIII, 7, 22; Symp. 4, 48.

³⁾ Метогр. I, 4, 2, 10; IV, 3, 14, 15 и др. Conf. Apolog. § 4, 13.

ποιῶν ἀνθρώπους, — отъ начала творящій людей ¹⁾, или: σοφὸς δημιουργός — премудрый Зажидитель ²⁾, также ὁ τὸν ὅλον κόσμον συντάττων καὶ συνέχων — приводящій въ порядокъ и содержащій весь міръ ³⁾, — ἡ ἐν παντὶ φρόνησις, ἡ τοῦ θεοῦ φρόνησις — разумъ во всемъ являющійся, разумъ Божій ⁴⁾ и под. Такимъ образомъ уже изъ этихъ наименованій Божества у Сократа видно не только стремленіе послѣдняго къ монотеистическому воззрѣнію лучшихъ изъ прежнихъ мыслителей, но и усиліе дать болѣе ясное и правильное понятіе о самомъ *существо* Божіемъ, нежели какое давалось его предшественниками, хотя онъ и сознавалъ невозможность для человѣка вполнѣ постигнуть существо Божественное ⁵⁾. Изъ предшественниковъ его болѣе возвышенное представленіе о существѣ Божіемъ мы находимъ у Анаксагора, но и въ его представленіи мы не могли не видѣть и недостатковъ; особенно же замѣтенъ былъ недостатокъ представленія о Божествѣ, какъ личности, личномъ Духѣ. Гораздо выше, полнѣе и опредѣленнѣе Сократово понятіе о существѣ Божіемъ. Сократъ прямо представлялъ Бога существомъ личнымъ, духовно-разумнымъ. Классическимъ, въ подтвержденіе этого, мѣстомъ можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ вышеупомянутой бесѣды Сократа съ Еввѣдимомъ. Въ этой бесѣдѣ, доказывая со всѣхъ сторонъ истину промысла Божія и вытекающую отсюда необходимость богопочтенія, Сократъ между прочимъ говоритъ Еввѣдиму: «что я говорю истину, ты самъ узнаешь, если, не дожидаясь того времени, когда можешь увидѣть боговъ въ лицо (τὰς μορφὰς τῶν θεῶν ἰδῆς), а довольствуясь тѣмъ, что видишь дѣла ихъ, будешь поклоняться имъ и чтить ихъ. Сверхъ того боги открываютъ себя намъ такимъ образомъ: многіе боги дѣлаютъ намъ добро не для того, чтобъ тѣмъ выказать себя, особливо. Тотъ изъ боговъ, который создалъ и держитъ сей міръ (ὁ τὸν ὅλον κόσ-

1) Метог. I, 4, 5. Это названіе мы уже указывали выше.

2) Метог. I, 4, 7.

3) Метог. IV, 3, 13.

4) Метог. I, 4, 17.

5) «Человѣку невозможно постигнуть предметовъ божественныхъ», говорилъ онъ. См. Метогав. I, 1, 13.

μον συντάττων τε καὶ συνέχων), въ которомъ все, что ни есть, прекрасно и совершенно; и мiръ, не смотря на всегдашнее потребленiе его многоразличными способами, не чувствуетъ никакого умаленiя, но всегда цѣль и не ветшаетъ, этотъ мiръ держится волею высочайшаго Бога и повинуется Ему такъ исправно, что человѣческiй разумъ не можетъ понять этого; этотъ высочайшiй Богъ, видимый въ своихъ великихъ творенiяхъ, и промышляя о мiрѣ, видимо не является намъ (ἀόρατος ἡμῖν ἐστίν). Возьми въ соображенiе и то, что солнце, освѣщая всѣхъ, не позволяетъ людямъ пристально смотрѣть на себя, и тотъ, кто съ напряженiемъ смотритъ прямо ему въ лицо, портитъ зрѣнiе. Мы также не видимъ предметовъ, употребляемыхъ богами въ орудiя для выполненiя своей воли. Ибо извѣстно, что громовая стрѣла летитъ сверху внизъ, на что ни попадетъ, все разбиваетъ, но нельзя видѣть ее, когда она летитъ внизъ, когда разбиваетъ и когда исчезаетъ. Не можемъ видѣть и вѣтровъ, хотя видимъ дѣйствiя ихъ и ощущаемъ появленiе ихъ. И человѣческая душа, которая отъ Божества (τοῦ Θεοῦ) заимствована больше всего, очевиднымъ образомъ царствуетъ въ насъ, но не бываетъ видима нами (ὁραταὶ δὲ οὐδ' αὐτῇ). Принимая въ соображенiе и это, ты не долженъ презирать невидимаго (τῶν ἀοράτων), но изъ дѣйствiй усматривая силу его, ты долженъ почитать Божество, (τό δαιμόνιον)»¹⁾. Изъ этого, подлинно замѣчательнаго по высотѣ мысли (имѣя въ виду языческiй образъ мыслей автора) мѣста, по сличенiю его какъ съ другими подобными²⁾, такъ и съ вышеуказанными наименованiями Божества, ясно видно понятiе Сократа о Божествѣ, какъ существѣ личномъ, такъ какъ Оно дѣлаетъ добро, совершаетъ и другiя дѣла въ мiрѣ и людяхъ, обладаетъ волею и разумомъ (ἡ ἐν παντὶ φρόνησις) къ управленiю мiромъ, являясь такимъ образомъ уже не безличнымъ, не извѣстнымъ *ничто*, а прямо личнымъ ὁ τὸν ὄλον κόσμον συντάττων τε καὶ συνέχων, — ὁ ἐξ ἀρχῆς ποιῶν ἀνθρώπους,

1) Мемогав. IV, 8, 13, 14. Переводъ Спайскаго, только въ концѣ нѣсколько измѣненный нами въ болѣе точное соотвѣтствiе подлиннику.

2) Срав. Сугор. VIII, 7, 22, Мемог. I, 4, 9, 17;—6, 10; Sympos. VI, 6, 7 и др.

еще ближе σοφὸς δημιουργός и короче ὁ θεός—Богомъ. Поэтому-то съ представленіемъ о Немъ связывается и прямо представленіе о лицѣ, видѣ, даже какъ будто доступномъ созерцанію человѣческому (τὰς μορφὰς τοῦ θεοῦ ἰδεῖν) ¹⁾. Однако это существо личное, по понятію Сократа, не во всемъ подобно личному существу человѣческому, такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, а Богъ есть только чистый Духъ, невидимый въ своемъ существѣ (ἀόρατος), подобно тому какъ и душа человѣческая въ тѣлѣ, хотя, подобно сей послѣдней, и обнаруживается въ своихъ дѣйствіяхъ. *Невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима сущъ, и приносящая сила Его и Божество*, какъ сказалъ великій Апостолъ язычниковъ въ отношеніи именно къ язычникамъ (Рим. 1, 20). *Зане разумное Божіе явль есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ* (ст. 19); *не не свидѣтельствована Себе остави, благотворя, съ небесе намъ дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселиемъ сердца наша* (Дѣян. 14, 17) ²⁾. Въ-стѣ съ тѣмъ и въ связи съ тѣмъ уже изъ приведеннаго отрывка нельзя не видѣть столь знакомаго намъ по прежнимъ изслѣдованіямъ соприкосновенія понятія Сократа о Существоѣ Высочайшемъ съ древнимъ представленіемъ съ одной стороны о солнцѣ ³⁾, а съ другой—о распорядителѣ громовыми стрѣлами (молніей) и другими метеорологическими и небесными явленіями Зевсѣ, какъ личныхъ же существахъ.

3. *Свойства* существа Божія и ближе всего *онтологическія*, существенныя. Если, какъ мы видѣли изъ приведеннаго отрывка, въ мірѣ «все, что ни есть, прекрасно и совершенно (πάντα καλὰ καὶ ἀγαθὰ ἐστὶ), то Богъ, создавшій и содержащій сей міръ, долженъ быть всесовершенъ по своимъ свойствамъ. Таковымъ Онъ и дѣйствительно представляется у Сократа, какъ увидимъ далѣе. Но таковымъ, прежде всего, можетъ быть только одинъ Богъ; слѣдовательно изъ свойствъ существа Божія

1) Срав. ὅς ἐν μορφῇ θεοῦ ὁπαρχων въ Филип. 2, 6.

2) Срав. Метонаб. IV, 3, 6, 5 и др.

3) Срав. для сего также Метонаб. IV, 7, 7;—3, 4. Подробнѣе же въ Платоновомъ Федонѣ стр. 97—98 изд. Стеф.

онтологическихъ первѣе всего обращаетъ на себя вниманіе а) *единство* этого существа. При томъ уваженіи, какое Сократъ питалъ самъ и другимъ внушалъ питать къ богамъ народной религіи, трудно было бы, повидимому, ожидать отъ него ученія о единомъ Богѣ. Его обвиняли даже въ томъ, что онъ измыслилъ новыхъ боговъ. И однако, глубже вникнувъ въ ученіе его, мы должны признать, что онъ былъ строгій монотеистъ. Ибо, во-первыхъ, иначе Сократу не было бы нужды въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать къ аллегорическому толкованію религіозныхъ мѣтовъ ¹⁾; во-вторыхъ, иначе не объяснимы были бы вышепоказанныя наименованія Божества, свидѣтельствующія о монотеизмѣ Сократа; въ третьихъ, необъяснимо было бы также и выше приведенное сравненіе міра съ тѣломъ, а Бога съ духомъ, такъ какъ и духъ въ тѣлѣ одинъ, собою именно составляя личность человѣка, его *я* ²⁾. Въ связи съ тѣмъ не лишено значенія также и то обстоятельство, что гдѣ Сократъ ведетъ рѣчь о Богѣ, какъ Творцѣ и Устроителѣ міра, тамъ онъ по преимуществу употребляетъ наиболѣе приличествующее единому Божеству имя *θεός* ³⁾. Особенную же важность въ настоящемъ случаѣ приобретаетъ вышеприведенное мѣсто изъ IV книги «Воспоминаній» Ксенофонта «о Сократѣ», гдѣ послѣдній дѣлаетъ различіе между богами (*οἱ θεοί*) и тѣмъ единымъ, который приводитъ въ порядокъ, устрояетъ и содержитъ цѣлый міръ (*ὁ τὸν ὅλον κόσμον συντάττων τε καὶ συνέχων*) ⁴⁾. Этотъ единый высочайшій Богъ среди другихъ, подчиненныхъ ему боговъ, по изъясненію, данному въ Платоновомъ Тимеѣ, есть не кто иной, какъ тотъ же Зевсъ ⁵⁾. И не даромъ отмѣчали и отмѣчаютъ ту особенность Сократова ученія о Божествѣ, что среди обычнаго, зауряднаго общества слушателей и въ случаяхъ, прямо касающихся народной религіи, Сократъ именуешь боговъ, а въ тѣс-

1) См. Мемораб. I, 3, 7, 13; II, 6, 11, 13, 31 и др.

2) Кромѣ вышеприведеннаго мѣста срав. также Мемораб. I, 4, 17.

3) См. *Himmel* p. 9.

4) Мемораб. IV, 3, 13.

5) *Himmel*, p. 10—11 annot. 19, гдѣ указывается и самое мѣсто изъ Тимея (Срав. Евонфр. стр. 5).

нѣйшемъ кругу довѣренныхъ учениковъ и въ случаяхъ, когда онъ излагаетъ собственное ученіе свое о Божествѣ, онъ говоритъ о Богѣ, какъ единомъ ¹⁾, что мы отчасти могли видѣть уже и на вышеприведенномъ. За тѣмъ б) *самобытность* и в) *вѣчность* въ смыслѣ безначальности указывается Сократомъ въ вышеприведенномъ знаменательномъ обозначеніи Бога, какъ $\acute{o} \acute{\epsilon}\xi \acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma \pi\omicron\iota\omega\nu \acute{\alpha}\nu\theta\rho\acute{\omega}\pi\omicron\upsilon\varsigma$ (Метонав. I, 4, 5), такъ какъ очевидно, что творящій «изъ начала ($\acute{\epsilon}\xi \acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$)» человѣковъ самъ существовать или лучше существуетъ до этого начала или иначе—отъ вѣчности и ни отъ кого не зависимъ въ своемъ бытіи, слѣдовательно самобытенъ. На вѣчность же въ смыслѣ безконечности Сократъ указываетъ, когда называетъ «боговъ» вообще «безсмертными». «Сократъ думалъ,—говоритъ о немъ Ксенофонтъ,—что боги болѣе благоволятъ къ жертвамъ людей благочестивыхъ; поэтому онъ и хвалилъ слѣдующій стихъ: $\kappa\alpha\delta' \delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\nu \delta'\acute{\epsilon}\rho\delta\epsilon\iota\nu \acute{\iota}\epsilon\rho' \acute{\alpha}\delta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\sigma\iota \theta\epsilon\omicron\iota\sigma\iota$. т. е. по силамъ приносили жертвы безсмертнымъ богамъ» ²⁾. Но особенно ясно и точно указываетъ Сократъ на г) *вездѣсущіе* или вездѣприсутствіе Божіе. Ксенофонтъ, характеризуя религіозное ученіе Сократа вообще, говоритъ о немъ, что онъ «думалъ о богахъ, какъ вездѣ присутствующихъ ($\pi\alpha\nu\tau\alpha\chi\omicron\upsilon \delta\grave{\epsilon} \pi\alpha\rho\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$)» ³⁾. За тѣмъ въ другомъ мѣстѣ Ксенофонтъ представляетъ уже самого Сократа высказывающимъ въ бесѣдѣ съ Аристодимомъ ту же самую мысль, но при томъ не въ политеистическомъ тонѣ «о богахъ», какъ въ сейчасъ приведенномъ мѣстѣ, а въ смыслѣ отвлеченномъ о «Божествѣ» ($\tau\acute{o} \theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$), что оно, «вездѣ присутствуя ($\pi\alpha\nu\tau\alpha\chi\omicron\upsilon \pi\alpha\rho\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$), вмѣстѣ съ тѣмъ и промышляетъ обо всѣхъ» ⁴⁾. Вообще же у Сократа понятіе о вездѣсущіи Божіемъ во всѣхъ случаяхъ упоминанія о немъ стоитъ въ тѣсной связи съ понятіемъ о Божественномъ всевѣдѣніи, о которомъ у насъ скоро также будетъ рѣчь. Хотя Божество, по

¹⁾ Ibid. p. 10.

²⁾ Метонав. I, 3, 3. Стихъ этотъ есть 336-й ст. творенія *Гезиода*: Труды и дни (*Ἔργα καὶ Ἡμέραι*). Срав. также. Метонав. II, 1, 20. Въ Федонѣ Платона безсмертіе души является условливающимъ безсмертіемъ Бога.

³⁾ Метонав. I, 1, 19.

⁴⁾ Ibid. I, 4, 18. Conf. Сурор. I, 6, 46.

этому понятію, присутствуетъ вездѣ, но особенными мѣстами присутствія боговъ или Божества Сократъ считалъ, какъ и нужно было полагать, храмы. Говоря напр. о томъ, гдѣ и какъ устроить обыкновенныя жилища, онъ въ заключеніе преподаетъ совѣтъ: «для храмовъ же и жертвенниковъ самыми приличными мѣстами могутъ быть совершенно открытыя и не придорожныя (*ἀσπίβεστατά*). Ибо пріятно богамъ, когда люди, и издали увидѣвъ храмъ, могли бы молиться имъ, и когда будутъ приближаться къ нимъ только чистые, а не все безъ разбора» ¹⁾. Таково ученіе Сократа объ онтологическихъ, существенныхъ свойствахъ Божества. Но само собою разумѣется, что какъ философъ, главное вниманіе котораго было обращено на человѣка съ его познавательною способностію и съ нравственными требованіями его природы, онъ и въ Божествѣ особенное вниманіе обращалъ на *личныя, духовныя, нравственныя, идеальныя* свойства Его. Поэтому болѣе пространнымъ является и его ученіе объ этихъ именно свойствахъ. Въ этомъ отношеніи мы, по прежнему, обратимъ вниманіе на

4. Свойства *Ума* Божія. Первымъ изъ такихъ свойствъ является *всеобщіе*. Это свойство ума Божія ясно исповѣдуется, широко раскрывается и вѣско доказывается Сократомъ. Во многихъ мѣстахъ оно ставится въ тѣсную связь съ вездѣсущіемъ Божіемъ, какъ мы замѣчали недавно. И именно, какъ въ отношеніи къ вездѣсущію, такъ и въ отношеніи къ всевѣдѣнію прежде всего Ксенофонтъ говоритъ о Сократѣ, что «между тѣмъ какъ многіе думали, будто боги одно знаютъ, а другое не знаютъ, Сократъ полагалъ, что боги все знаютъ (*πάντα εἰδέναι*), не только то, что говорится и дѣлается, но и что въ тайнѣ замышляется кѣмъ либо, и открываютъ людямъ касающееся человѣческихъ обстоятельствъ» ²⁾. Затѣмъ, опять такъ же какъ и въ отношеніи къ вездѣсущію, самъ Сократъ у Ксенофонта, въ бесѣдѣ съ Аристоклимомъ, говоритъ о всевѣдѣніи Божіемъ, при томъ опять именуя уже не «боговъ», а «Божество» (*τὸ θεῖον*). Вотъ са-

¹⁾ Мемораб. III, 8, 10. Срав. также *Платона* Федонъ. стр. 111 изд. Стеф.

²⁾ Мемораб. I, 1 19.

мыя слова Сократа: «Божество въ одно и тоже время все видитъ и все слышитъ (*ἄμα πάντα ὄραν καὶ πάντα ἀκούειν*)» ¹⁾. Эти слова живо напоминаютъ уже извѣстныя намъ изреченія поэтовъ о солнцѣ и Зевсѣ, равно какъ и ученіе Ксенофана о Богѣ, какъ все видящемъ и слышащемъ. Наконецъ мы встрѣчаемъ у Сократа, въ той же бесѣдѣ его съ Аристоклимомъ и еще болѣе возвышенное ученіе о томъ же свойствѣ ума Божія, относимомъ теперь уже прямо къ Богу, какъ единому (въ монотеистическомъ смыслѣ *ὁ θεός*). Вотъ самое разсужденіе Сократа объ этомъ въ рѣчи, обращенной къ Аристоклиму: «если твой глазъ можетъ видѣть на нѣсколько стадій, то око Божіе (*τὸν τοῦ θεοῦ ὀφθαλμόν*) не можетъ ли видѣть всего въ одно и тоже время? Если твоя душа въ одно и тоже время можетъ мыслить о томъ, что совершается и здѣсь, и въ Египтѣ, и въ Сициліи: то умъ Божій (*τὴν τοῦ θεοῦ φρόνησιν*) неужели не можетъ въ одно и тоже время обо всемъ промыслить?» ²⁾ Въ виду такого ученія Сократа, Ксенофонтъ, приведши первое изъ означенныхъ здѣсь нами мѣстъ, добавляетъ отъ себя: «поэтому, кажется мнѣ, Сократъ училъ и своихъ слушателей воздерживаться отъ печестивыхъ, неправедныхъ и постыдныхъ дѣлъ, не только при людяхъ, но и въ уединеніи; потому что они должны были думать, что ничто никогда не укроется отъ боговъ изъ того, чтобы люди ни сдѣлали» ³⁾. Какъ живо слова эти напоминаютъ такія изреченія слова Божія: *Той зритель есть дѣла челоуѣческихъ, утаитъ же отъ Него ничто же отъ тѣхъ, яже творятъ: ниже будетъ мѣсто укрытія творящимъ беззаконная* (Пов. 34, 21, 22); или: *вся нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. 4, 13) и под.

Божественное всевѣдѣніе, по Сократу, простирается и на будущее. Такъ въ заключеніе своей защитительной пред-

¹⁾ Ibid. I, 4, 18.

²⁾ Ibid. I, 4, 17. (Срав. такъ же *φρόνησις θεός* въ Федонѣ Платона, стр. 80, изд. Стеф.)

³⁾ Ibid. I, 4, 19. Срав. раньше приведенныя изреченія поэтовъ и мудрецовъ объ этомъ свойствѣ ума Божія.

смертной рѣчи (Апологiи) Сократъ говоритъ къ осудившимъ его Аѳинскимъ гражданамъ слѣдующее: «но время уже прѣшло—мнѣ на смерть, вамъ на жизнь; а кто изъ пасъ придетъ къ лучшему, это никому неизвѣстно кромѣ Бога (ἄθλων παντὶ πλὴν ἢ τῷ θεῷ)» ¹⁾. Всевѣдѣнiе Божiе особенно наглядно выражается въ изреченiяхъ оракуловъ. И Сократъ не только самъ искренно довѣрялъ изреченiямъ оракуловъ, какъ именно откровенiю Божественному, но и другимъ внушалъ эту довѣренность и даже ученикамъ своимъ совѣтовалъ въ нужныхъ случаяхъ обращаться къ нимъ, какъ напр. то было въ отношенiи къ Ксенофону предъ отправленiемъ послѣдняго въ азиатскую экспедицію ²⁾.—Само будучи всевѣдущимъ, Божество, по Сократу, не только чрезъ оракулы, но и вообще служить источникомъ вѣдѣнiя и разума и для людей. «Боги,—говоритъ Сократъ въ бесѣдѣ съ Еввѣдимомъ,—дали людямъ чувства, способныя къ восприниманiю каждаго предмета; при помощи этихъ чувствъ мы наслаждаемся всѣми видимыми благами. Боги вложили въ насъ разумъ (λογισμὸν ἡμῶν ἐμφῶσαι); при помощи его мы разсуждаемъ о всѣхъ воспринимаемыхъ чувствами предметахъ, представленiя о нихъ впечатлѣваемъ въ памяти, нужные стараемся удерживать; избрѣтая многое, стремимся къ тому, что полезно намъ, отвращаемся того, что вредно. Боги дали намъ слово (ἑρμηνείαν), посредствомъ котораго мы сообщаемъ другъ другу всѣ полезныя мысли, посредствомъ котораго цари издаютъ законы и правятъ государствами. Но поелику мы не можемъ предвидѣть, что впередъ будетъ намъ полезно, то они, когда мы вопрошаемъ ихъ о будущемъ, помогаютъ намъ предвѣщанiями и научаютъ насъ, какъ что лучше сдѣлать» ³⁾.

Другое свойство ума Божiя есть *премудрость*. Объ этомъ свойствѣ Сократъ учитъ не менѣе ясно, какъ и о всевѣдѣнiи. И прежде всего онъ вообще признаетъ по-истинѣ мудрымъ

¹⁾ Platonis, Apolog. Sokr. p. 42 ed. Steph.

²⁾ Anab. III, 1, 5 sq. Подробнѣе о довѣрiи Сократа къ оракуламъ см. у Hummel, p. 20 sq.

³⁾ Memorab. IV, 3, 11, 12.

(σοφός) только Бога. Такъ на судѣ, оправдываясь отъ обвиненій, взведенныхъ на него зложелательствовавшими ему людьми, онъ между прочимъ отрицается и отъ имени мудреца, которое давали ему Аѳиняне; «ибо, говоритъ онъ, присутствующіе всякій разъ думаютъ, что въ чемъ я обличаю другихъ, въ томъ мудрецъ самъ. А на дѣлѣ, должно быть, Аѳиняне, мудръ-то Богъ (κινδυνεύει τῷ ὄντι ὁ θεὸς σοφὸς εἶναι); и Его изреченіемъ выражается, что мудрость человѣческая маловажна, даже ничтожна»¹⁾. Съ особенною же обстоятельностью и наглядностію Сократъ изображаетъ премудрость Божию въ міроустройствѣ, особенно въ устройствѣ человѣка, за тѣмъ въ міроуправленіи и въ промышленіи о мірѣ и человѣкѣ. Примѣръ такого изображенія мы видѣли выше, при изложеніи Сократовыхъ доказательствъ бытія Божія²⁾. Подобный же примѣръ представляется и въ бесѣдѣ Сократа съ Еввѣдимомъ, о которой мы тогда лишь упоминали. Вотъ главныя черты этой бесѣды: «скажи мнѣ, Еввѣдимъ,—такъ начинается свою философскую бесѣду Сократъ,—случалось ли тебѣ разсуждать самому съ собой, какъ боги попечительно устроили все, что нужно для человѣка? *Еввѣдимъ* отвѣчаетъ: нѣтъ. *Сократъ*: Ты, вѣрно, знаешь, что первѣе всего мы имѣемъ нужду въ свѣтѣ, который даютъ намъ боги? *Еввѣдимъ*: Да; понимаю. Если бы не имѣли свѣта, то и съ глазами нашими были бы подобны слѣпымъ. *Сократъ*: Мы имѣемъ нужду въ отдыхѣ; и боги дали намъ ночь, это удобнѣйшее для отдохновенія время. *Еввѣдимъ*: Точно; и за это должно благодарить ихъ. *Сократъ*: Безъ сомнѣнія ты знаешь, что солнце свѣтло свѣтитъ во время дня, и освѣщаетъ для насъ вещественные предметы, а ночь темнотою своею скрываетъ отъ насъ все; для этого боги велѣли ночью являться звѣздамъ, коя свѣтятъ въ часы ночи, и мы, при ихъ свѣтѣ, можемъ заниматься многими нужными дѣлами. *Еввѣдимъ*: Конечно такъ. *Сократъ*: А луна

1) *Platonis Apolog. Sokr.* p. 23. Переводъ проф. Карпова. Срав. также Федось, стр. 63.

2) Разумѣемъ бесѣду Сократа съ Аристоклѣмомъ въ 4-й гл. 1-й книги Ксенофоновыхъ «Воспоминаній о Сократѣ».

не только свѣтитъ ночью, но и показываетъ намъ свои смѣны и дни мѣсяцевъ. *Еввидимъ*: Да. *Сократъ*: Мы имѣемъ нужду въ пищѣ, и боги изъ земли производятъ ее для насъ; для этого даютъ намъ благовременныя перемѣны времени года, которыя изготавляютъ для насъ не только очень многое и все нужное, но даже и предметы, доставляющіе намъ радости и удовольствія. Вѣрно, знаешь это? *Еввидимъ*: И въ этомъ видна особенная любовь Божія къ человѣкамъ (ταῦτα φιλόφρονα). *Сократъ*: Я думаю, знаешь, что боги даруютъ намъ и воду, это многоцѣнное вещество. Она вмѣстѣ съ землею въ извѣстныя времена года произращаетъ и умножаетъ для насъ все полезное, питаетъ насъ самихъ и, будучи въ потребномъ количествѣ примѣниваема къ питательнымъ веществамъ, способствуетъ тому, чтобъ пища приготавлялась легче и доставляла намъ больше пользы и пріятности; и поелику вода нужна для насъ въ большомъ количествѣ, то боги и даютъ ее намъ въ чрезвычайномъ изобиліи. *Еввидимъ*: И это дѣло промысла Божія (Καὶ τοῦτο προνοητικόν). *Сократъ*: Что еще скажешь объ огнѣ, который дали намъ боги? Онъ защищаетъ насъ отъ холода, прогоняетъ темноту, помогаетъ всѣмъ искусствамъ и ремесламъ и вообще всему, чѣмъ люди занимаются для своихъ нуждъ и выгодъ. словомъ, безъ огня люди не приготавляютъ ничего значительнаго, ни нужнаго, ни полезнаго для жизни. *Евв*. Дѣйствительно, и въ этомъ видна особенная любовь Божія къ человѣкамъ (ὑπερβάλλει, ἔφρη, καὶ τοῦτο φιλόφρονα). *Сократъ*: Знаешь ли, что значить для насъ солнце? Оно, послѣ зимняго поворота, возвращается къ намъ, и изъ растеній однимъ помогаетъ созрѣвать, а другія засушаетъ, это тѣ, время коихъ уже прошло; и сдѣлавъ это, ближе не подходитъ къ намъ, опять дѣлаетъ поворотъ, и идетъ отъ насъ, какъ бы остерегаясь, чтобы, дѣйствуя на насъ своею теплотою сверхъ мѣры, не причинить намъ вреда; а если-бы, идя отъ насъ, ушло очень далеко, далѣе обыкновеннаго, мы всѣ отъ стужи превратились бы въ ледъ; поэтому опять дѣлаетъ поворотъ и идетъ до той части неба, откуда лучше всего можетъ имѣть на насъ благотѣльное вліяніе. *Евв*. Конечно, и это все бываетъ для

пользы человѣка. *Сократъ*: А еще извѣстно и то, что мы не вынесли бы ни жару, ни стужи, если бы они наступали нечаянно, вдругъ; поэтому солнце мало по-малу и подходитъ къ намъ, и отходитъ отъ насъ такъ же мало по-малу, такъ что мы не чувствительнымъ для насъ образомъ являемся уже готовыми къ встрѣчѣ и жаровъ и стужи. *Евв.* Я уже и не знаю, есть ли у боговъ другое дѣло, кромѣ того, чтобы помогать только людямъ. Допустить это мѣшаетъ мнѣ одно то, что въ Божіемъ провидѣніи равно участвуютъ и прочія животныя. *Сократъ*: Или ты не знаешь, что и прочія животныя рождаются и живутъ для человѣка? Ибо какое другое животное столько получаетъ выгоды отъ козъ, свиней, лошадей, коровъ, быковъ, ословъ и другихъ животныхъ, сколько человѣкъ? Мнѣ кажется многимъ больше, чѣмъ отъ растений: ибо бѣльшая часть людей не употребляютъ растений и въ пищу, а питаются молокомъ, сыромъ и мясомъ животныхъ. Сверхъ того, укрощая и усмиряя болѣе полезныхъ изъ животныхъ, употребляютъ ихъ для войны и въ другихъ потребныхъ случаяхъ ¹⁾. Затѣмъ Сократъ говоритъ о дарованіи богами разума и познанія людямъ въ выраженіяхъ ²⁾, недавно приведенныхъ нами и наконецъ—о высочайшемъ Устроителѣ и Промыслителѣ столь прекраснаго и совершеннаго міра въ словахъ, раньше такъ же приведенныхъ нами ³⁾ (именно при разсужденіи о существѣ Божіемъ). Въ этомъ то смыслѣ и отношеніи онъ въ другомъ мѣстѣ и называетъ Бога «премудрымъ Зидителемъ» (*σοφὸς δημιουργός*) ⁴⁾. Хотя въ вышеприведенныхъ словахъ Сократа главнымъ образомъ представляется промыслительная дѣятельность Божества на пользу человѣка, но, во-первыхъ, и по христіанскому міровоззрѣнію, промыслъ Божій есть дѣйствіе не только всемогущества и благодати Божіей, а и премудрости Божественной; во-вторыхъ, по тому же міро-

1) Memorab. IV, 3, 3—10.

2) Ibid. IV, 3, 11. 12.

3) Ibid. IV, 3, 13. 14.

4) Ibid. I, 4, 7. Срав. такъ же наименованіе *ὁ ἐξ ἀρχῆς ποιῶν ἀνθρώπους ἐπὶ ὠφελείᾳ* κτλ. въ I, 4, 5, уже извѣстное намъ; а равно «Богъ—попечитель нашъ» (*θεὸν εἶναι τὸν ἐπιμελούμενον ἡμῶν*) въ Платоновомъ Федонѣ, стр. 62.

воззрѣнію, человѣкъ есть вѣнецъ всего міротворенія, для котораго все создано такъ премудро Богомъ. И въ этомъ отношеніи цѣлесообразность міроустройства, градація міробытія, предназначеннаго служить цѣлямъ бытія человѣческаго въ ученіи Сократа невольно напоминаетъ порядокъ міротворенія по библейскому сказанію, начинающагося, какъ извѣстно, такъ же явленіемъ свѣта (Быт. 1, 3). Ибо не даромъ Псалмопѣвецъ, исчисляя дѣла творенія, именно то, какъ Богъ сотворилъ есть луну во времена: *солнце позна западъ свой. Положилъ есть тьму, и бысть ночь* и т. д. взываетъ: *яко возвеличишися дѣла твоя Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 19. 20. 24). О той же премудрости свидѣлствуютъ и дары боговъ, исчисляемые Сократомъ въ приведенномъ отрывкѣ его бесѣды съ Евѣидимомъ.

5. Свойства *воли* Божіей. а) *Свобода* воли Божіей ясно указывается Сократомъ при изображеніи міроустройства и міроуправленія. Ибо здѣсь, какъ мы припомнимъ изъ раньше приведенной выдержки ученія Сократова, нашъ философъ старается выставить на видъ то обстоятельство, что все въ мірѣ и человѣкѣ, столь премудро устроенное, не есть дѣло случая или слѣпой необходимости, а скорѣе преднамѣренности и свободы ¹⁾. Именно мы разумѣемъ то мѣсто бесѣды Сократа съ Аристодимомъ, гдѣ первый, изобразивъ таковое устройство, говоритъ послѣднему: «можешь ли сомнѣваться, что все это, такъ прозорливо сдѣланное, есть дѣло слѣпаго случая (τύχης), а не свободной преднамѣренности (γνώμης).» ²⁾.

б) *Всемогущество* воли Божественной. Въ одномъ случаѣ Сократъ вообще выражается: «Божество всемогуще (τὸ θεῖον κράτιστον); поэтому ближайшее къ свойствамъ Божіимъ всего ближе къ всемогуществу» ³⁾. Вчастности всемогущество Божіе Сократъ изображаетъ опять въ міроустройствѣ и міроуправленіи, именно когда говоритъ, съ одной стороны, о единомъ, величайшемъ изъ боговъ, «Который создалъ и держитъ сей

¹⁾ Hoffm s. 17. III. v

²⁾ Memorab. I, 4, 6; conf. I, 4, 4. 5.

³⁾ Ibid. I, 6, 10.

міръ (ὁ τὸν ὅλον κόσμον συντάττων τε καὶ συνέχων), безпрекословно повинующійся Его волѣ» ¹⁾, а съ другой, — о проявленіи силы (δύναμις) Божества (τὸ δαμόμιον) въ метеорологическихъ (громовыя стрѣлы, вѣтеръ и т. д.) и другихъ космическихъ дѣйствіяхъ, побуждающихъ къ Его почитанію ²⁾.

6) *Благость и любовь* Божію мы уже видѣли достаточно изображенными при изображеніи промыслительной дѣятельности Божества у Сократа. Особенно же въ отношеніи къ человѣку обнаружались и обнаруживаются, по Сократу, эти Божественныя свойства. И между тѣмъ какъ у поэтовъ благость и любовь Божія нерѣдко, даже и по большей части, изображаются въ отношеніи лишь къ отдѣльнымъ людямъ (Танталъ, Ираклъ, Персей и др.), такъ что эти свойства у нихъ граничатъ съ нѣкотораго рода пристрастіемъ, предпочтеніемъ однихъ людей другимъ, Сократъ первый выставляетъ на видъ всеобщую любовь и благость Божію къ людямъ и даже ко всему міру, въ свою очередь побуждающую людей къ Богопочтанію. «Не должно, — внушаетъ Сократъ Еввидиму, — пренебрегать ни чѣмъ, что можно дѣлать въ честь боговъ. Пренебрегающій этимъ явно презираетъ боговъ. А ни чѣмъ не пренебрегающій въ богопочтеніи смѣло можетъ ожидать отъ нихъ величайшихъ благъ (τὰ μέγιστα ἀγαθὰ). Ибо здравомыслящій можетъ ли надѣяться получить большія блага отъ когонибудь другого, кромѣ того, кто имѣетъ силу благодѣтельствовать больше всѣхъ (παρὰ τῶν τὰ μέγιστα ὠφελεῖν δυναμένων), а этого достигнуть нельзя иначе, какъ благоугождая имѣющему такую силу; благоугождать же богамъ можемъ только чрезъ выполненіе ихъ повелѣній» ³⁾. Равно также въ бесѣдѣ съ Аристиппомъ Сократъ, въ доказательство высоты и плодотворности добродѣтели, приводитъ слѣдующій стихъ изъ Кипхарма: «За труды боги даютъ намъ всѣ блага» (πάντα τ' ἀγαθὰ) ⁴⁾.

1) Ibid. IV, 3, 13.

2) Ibid. IV, 3, 14.

3) Ibid. IV, 3, 17.

4) Ibid. II, 1, 20. Срав. такъ же въ Платоновомъ Федонѣ названіе боговъ «благими владыками» (стр. 63 изд. Стеф.) и Бога (θεός) «благимъ» (ἀγαθός) стр. 80.

Люди могутъ и обращаться съ молитвою къ богамъ о дарованіи имъ благъ, но только должны имъ самимъ предоставлять выборъ того, что даровать или не даровать изъ благъ. Поэтому и самъ Сократъ «молилъ боговъ просто даровать ему блага (ἀπλῶς τ' ἀγαθὰ δίδοναι), такъ какъ боги лучше всего знаютъ, что есть истинное благо (ὅποῖα ἀγαθὰ ἐστὶ), а просившихъ у боговъ или золота, или серебра, или высочайшей власти, или чего нибудь подобнаго, уподоблялъ тѣмъ, которые молятъ боговъ, чтобы посчастливилось имъ въ игрѣ въ кости или въ начинаніи войны, или въ другихъ предпріятіяхъ, коихъ исходъ вовсе неизвѣстенъ» ¹⁾.

г) *Святость* воли Божіей. Божество, по ученію Сократа, будучи само свято, радуется только добродѣтели въ людяхъ и только ее одну пріемлетъ отъ нихъ, какъ нѣкоторое воздаяніе за свое попеченіе о нихъ; порокъ же ненавидитъ, какъ не сродный Ею природѣ ²⁾. Нагляднѣе всего Сократъ изобразилъ это свойство Божіе въ бесѣдѣ съ Аристиппомъ, гдѣ онъ приводитъ, какъ согласныя съ своимъ образомъ мыслей, слова софиста Продика, въ которыхъ добродѣтель и чувственное удовольствіе представляются подъ видомъ двухъ женщинъ, явившихся во снѣ Ираклу. Первая изъ этихъ женщинъ (Добродѣтель) говоритъ второй (Чувственному удовольствію) между прочимъ слѣдующее: «хотя ты называешь себя бессмертною, но богами отвержена (ἐκ θεῶν μὲν ἀπέρριψαι) и добрые люди не почитаютъ тебя» ³⁾; о себѣ же говоритъ: «а я живу съ богами, живу съ людьми добрыми (ἐγὼ δὲ σύνεσι μὲν θεοῖς σύνεσι δὲ ἀνθρώποις τοῖς ἀγαθοῖς); безъ меня не совершается ни одного добраго дѣла ни божественнаго (θεῖον), ни человѣческаго. Меня больше всего чествуютъ и боги и люди» ⁴⁾. И далѣе: «чрезъ меня люди бываютъ любезны богамъ» ⁵⁾.

д) *Истинность* воли Божіей. «Богъ (ὁ θεός) не лжетъ

¹⁾ Xenophon. Memorab. I, 3, 2.

²⁾ Платонъ, Еввифр. стр. 6 и дал. (изд. Стеф.).

³⁾ Xenophon. Memorab. II, 1, 31.

⁴⁾ Ibid. II, 1, 32.

⁵⁾ Ibid. II, 1, 33.

(οὐ ψεύδεται); потому что это Ему не свойственно (οὐ γὰρ θέμις αὐτῷ)», — говорить Сократъ въ своей предсмертной защитительной рѣчи ¹⁾, утверждая такимъ образомъ о Богѣ тоже самое, что и въ Св. Писаніи о Немъ говорится, именно, что Онъ есть *Богъ неложный* (ὁ ἀψευδὴς θεός, Тит. 1, 2) и что Ему даже *невозможно солгати* (ἀδύνατον ψεύσασθαι, Евр. 6, 18).

е) *Правосудіе* Божіе. Это свойство воли Божественной Сократъ изображаетъ такъ обстоятельно, какъ нельзя больше. При этомъ онъ учитъ о правосудіи Божіемъ какъ самомъ въ себѣ, такъ и въ его примѣненіи къ тѣмъ или другимъ нравственнымъ дѣйствіямъ человѣческимъ. Ученіе о правосудіи Божіемъ самомъ въ себѣ Сократъ развиваетъ особенно въ бесѣдѣ своей съ Иппіемъ, изложенной въ четвертой главѣ IV книги Ксенофоновыхъ «Воспоминаній о Сократѣ», которая вся посвящена ученію о правосудіи или справедливомъ (τὸ δίκαιον). Все разсужденіе о справедливомъ и законномъ въ концѣ концовъ приводится здѣсь къ тому, чтобы доказать, что справедливое и законосообразное, писанные и неписанные законы, имѣющіе въ виду справедливость, происходятъ отъ боговъ и что боги предписываютъ только справедливое, а несправедливое — отнюдь нѣтъ. Несправедливое исходитъ отъ произвола человѣческаго ²⁾. И какъ бы для того, чтобы видно было, что не политеистическіе боги, по его собственному понятію, служатъ выразителями этого свойства (правосудія) Божественнаго въ его абсолютномъ смыслѣ, а единый истинный Богъ, Сократъ въ заключеніе бесѣды, хотя и отъ имени своего собесѣдника, но проводящаго его мысли, говоритъ: «едва ли кто другой кромѣ Бога (εἰ μὴ θεός) можетъ дать столь справедливые законы» ³⁾. Равно также въ своей Апологіи Сократъ противопоставляетъ судьямъ земнымъ, осудившимъ его на смерть безвинно и несправедливо, судей истинныхъ (τοὺς ἀληθῶς δικάστας) божественныхъ въ загроб-

1) *Platonis Apol. Sokr.* p. 21 ed. Steph.

2) *Memorab.* IV, 4, 24. 19—21.

3) *Ibid.* IV, 4, 25.

ной жизни, именно, согласно мифологіи, Мипоса, Радаманеа и др., умѣющихъ судить по строгой справедливости ¹⁾. Вопреки обвиненіямъ его въ безбожіи, онъ въ той же Апологіи говорилъ: «Дѣло вовсе не таково: я признаю боговъ, Аѳиняне,—признаю болѣе, чѣмъ кто либо изъ моихъ обвинителей, и поручаю вамъ и Богу (τῷ θεῷ) судить (κρῖναι) о мнѣ такъ, какъ будетъ лучше и для меня и для васъ» ²⁾. Въ отношеніи къ нравственнымъ дѣйствіямъ человѣческимъ, смотря по роду этихъ дѣйствій, правосудіе божественное выражается, какъ извѣстно, въ наградѣ за доброе и въ наказаніи за зло. Тотъ и другой видъ возмездія Сократъ представляетъ выражающимся какъ въ естественныхъ послѣдствіяхъ добродѣтели и порока, такъ и въ особенномъ, сверхъестественномъ воздаяніи за добро—наградой, за зло—наказаніемъ. О естественныхъ послѣдствіяхъ добродѣтели и порока Сократъ подробно говоритъ въ извѣстной уже намъ отчасти бесѣдѣ своей съ Аристиппомъ, особенно же въ той части ея, гдѣ, отъ имени Продика ведетъ рѣчь о явленіи Геркулесу добродѣтели и чувственнаго удовольствія подъ видомъ двухъ женщинъ. Здѣсь Добродѣтель между прочимъ говоритъ Чувственному удовольствію: «поклонники твои, молодые люди, преждевременно разслабѣваютъ тѣломъ, старики доходятъ до безумія; беззаботно проводя молодость, щеголяютъ, а въ старости постигаютъ ихъ труды и бѣдность; старики стыдятся прежнихъ своихъ дѣлъ; въ ихъ возрастѣ уже тяжело, даже соединено съ болѣзнями исполненіе твоихъ желаній; въ молодости наперерывъ другъ передъ другомъ переиспытываютъ всѣ удовольствія, а на старость оставляютъ себѣ одну скуку». И наоборотъ относительно себя говорятъ: «Меня чествуютъ больше всего и боги, и люди чествуютъ, какъ слѣдуетъ: художникамъ я любимая помощница, для господъ—вѣрный стражъ ихъ домовъ, благосклонная заступница рабовъ, добрая помощница въ мирныхъ трудахъ, вѣрная союз-

¹⁾ *Platonis, Apol. Sokr.* p. 41 ed. Steph. Conf. s. *Iustini Apol.* 1, cap. 8. Conf. item *Platonis Phaedon* p. 113 sq.

²⁾ *Platon. Apol. Sokr.* p. 36 ed. Steph.

ница въ военныхъ дѣйствіяхъ, самая лучшая общительница друзей. Для друзей моихъ служатъ наслажденіемъ не изысканныя и пища и питье; они вкушаютъ ихъ, пока чувствуютъ необходимую потребность. Сонъ для нихъ пріятнѣе, чѣмъ для не трудившихся; встаютъ весело и для сна не забываютъ своихъ обязанностей. Молодые люди интересуются похвальными о себѣ отзывами старшихъ; старшіе, заслуженнѣйшіе, восхищаются почестями, какія воздаютъ имъ младшіе; старшіе съ пріятностію вспоминаютъ о прежнихъ своихъ дѣлахъ, и чувствуютъ удовольствіе, по надлежащему занимаясь исполненіемъ настоящихъ обязанностей; чрезъ меня люди бывають пріятны богамъ, милы друзьямъ и почтенны въ глазахъ соотчичей. Когда прійдетъ назначенная судьбою кончина, они не бывають предаваемы забвенію и не остаются безъ должныхъ почестей, но вѣчно цвѣтутъ, прославляемые въ памяти потомковъ»¹⁾. Таковы естественныя послѣдствія порока и добродѣтели. Но люди и особеннымъ образомъ за то и другое получаютъ отъ Бога должное возмездіе, по ученію Сократа. Въ той же бесѣдѣ съ Аристиппомъ Сократъ приводитъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ словъ Эпихарма:

«За труды боги даютъ намъ всѣ блага».

Еще слѣдующія слова Гезіода: «Легко и сразу въ большомъ числѣ приходитъ къ намъ зло; дорога къ нему гладкая; живетъ оно очень близко; а передъ дверями добродѣтели безсмертные боги поставили потъ и труды; путь къ ней длиненъ; хотя и прямой, но шероховатый, особенно при началѣ; когда дойдешь до конца его, онъ покажется легокъ, не смотря на всѣ его трудности»²⁾. Или въ бесѣдѣ съ Иппіемъ Сократъ говоритъ о наказаніи за зло вообще: «Преступающіе законы, положенные богами, подвергаются наказанію (*δίκη δειβάσει*), котораго человѣкъ никакимъ способомъ не можетъ избѣжать, подобно тому, какъ нѣкоторые, преступая законы, изданные людьми, избѣгаютъ слѣдующаго за то наказанія:

1) *Xenophon*, *Memorab.* II, 1, 31—33.

2) *Ibid.* II, 1, 20. Срав. перев. *Синайскаго*, стр. 104. Срав. *Гезіода*, *Труды и Дни* ст. 284 и дал. *Conf. Memorab.* I, 3, 3.

иные скрываются куда нибудь, а другіе употребляютъ въ этомъ случаѣ силу¹⁾. Вчастности о наказаніи за непочтеніе къ родителямъ Сократъ говоритъ въ бесѣдѣ съ сыномъ своимъ Лампрокломъ²⁾; о наказаніи за кровосмѣшеніе — въ бесѣдѣ съ Иппіемъ³⁾ и т. д.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

---

1) Memorab. IV, 4, 21; conf. 24.

2) Ibid. II, 2, 13. 14.

3) Ibid. IV, 4, 22 seq.

ЛИСТОКЪ

дѣя

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31-го Марта № 6. 1889 года.

Содержаніе. Копія съ Циркулярнаго отношенія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 27 января 1889 г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.

Копія съ Циркулярнаго отношенія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 27 января 1889 года за № 1333.

По распоряженію Святѣйшаго Синода, въ С.-Петербургской Синодальной типографіи печатаются «Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія», а также «описаніе документовъ и дѣлъ Синодальнаго Архива», составляемая комиссіею, Высочайше учрежденною для разбора дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Синода.

Изданія эти, имѣя весьма важное значеніе для отечественной исторіи вообще и для каноническаго права въ частности, представляютъ особенный интересъ для всего духовенства потому, что въ нихъ содержатся многія постановленія, которыми руководствуется наша церковь и въ настоящее время.

Препровождая при семъ къ Вашему Преосвященству списокъ вышедшихъ по настоящее время томовъ какъ полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія, такъ и описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Синода, долгомъ считаю покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь и Архиепископъ, не признаете ли возможнымъ обратить вниманіе духовенства вѣреннѣйшей Вамъ епархіи на эти изданія и рекомендовать ихъ для приобрѣтенія въ бібліотеки наиболѣе достаточныхъ церквей, при чемъ всѣ сии книги для церковныхъ бібліотекъ могутъ быть отпущены съ уступкою 15% и бесплатною пересылкою ихъ по назначенію.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи, гражд. печ. въ 8 д. листа.

I томъ (за 1721 годъ)	на велен. бум. въ печатн. оберткѣ	. . . . .	1 р. 40 к.
	» бѣлой » » » »	. . . . .	1 » — »
II томъ (за 1722 годъ)	» велен. » » » »	. . . . .	2 » 40 »
	» бѣлой » » » »	. . . . .	2 » — »
III томъ (за 1723 годъ)	» велен. » » » »	. . . . .	1 » — »
	» бѣлой » » » »	. . . . .	— » 75 »
IV томъ (за 1724—1725)	» велен. » » » »	. . . . .	1 » 60 »
	» бѣлой » » » »	. . . . .	1 » 20 »
V томъ (за 1725—1727)	» велен. » » » »	. . . . .	2 » — »
	» бѣлой » » » »	. . . . .	1 » 50 »

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святейшаго Правительствующаго Синода, гражд. печ., въ 8 д. листа.

На бѣлой бумагѣ:

I томъ (за 1542—1721 г.)	въ печатной оберткѣ	. . . . .	4 р. — к.
II томъ, 1-я часть (за 1721 г.)	въ печатной оберткѣ	. . . . .	5 » — »
	2-я часть (за 1722 г.)	» » »	2 » 80 »
III томъ (за 1723 годъ)	» » »		4 » — »
IV томъ (за 1724 годъ)	» » »		2 » 80 »
VI томъ (за 1726 годъ)	» » »		3 » 50 »
VII томъ (за 1727 годъ)	» » »		2 » 30 »

Епархіальныя извѣщенія

Священникъ Предтеченской церкви слободы Пашковки, Изюмскаго уѣзда, Алексѣй *Поповъ*, за усердное исполненіе пастырской обязанности и ревностное проповѣданіе слова Божія, награжденъ Его Высокопреосвященствомъ набедренникомъ.

— Священникъ Василій *Николаевскій* утвержденъ законоучителемъ Деметѣевского начальнаго народнаго училища Харьковскаго уѣзда.

— При Трехсвятительской церкви слоб. Морозовки, Старобѣльскаго уѣзда, опредѣленіемъ епархіальнаго начальства, состоявшимся 8/25 февраля н. г., открыта вакансія штатнаго діакона, на которую 14 марта н. г. перемѣщенъ согласно прошенію штатный діаконъ Іоанно-Богословской церкви сл. Тетльги, Зміевскаго уѣзда, Іоаннъ *Грабовскій*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто въ село Сипиху, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ пономаря Стисонъ *Малишевскій*.

— Сынъ псаломщика Θεоктисть *Памтелеймоновъ* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика въ слоб. Ново-Александровку, Купянскаго уѣзда, къ Іоанно-Богословской церкви.

— На праздное мѣсто псаломщика при Дмитріевской церкви слоб. Булавиновки, Старобѣльскаго уѣзда, опредѣленъ согласно прошенію сынъ псаломщика Старобѣльскаго Покровскаго Собора Аптонинъ *Корнильевъ*.

— Волчанскаго уѣзда села Графскаго Андреевской церкви псаломщикъ Андрей *Протопоповъ* умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ діакона Иванъ *Поповъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ по Старобѣльскому уѣзду: Вознесенской церкви слоб. Зеликовки крестьянинъ Андрей *Землякъ*, на первое трехлѣтіе; Спасской церкви Стрѣлецкаго Кошнаго завода отставной нарядчикъ Яковъ *Бондаревъ* на второе трехлѣтіе; Богородичной церкви слоб. Римаревки крестьянинъ Иванъ *Захарченко* на второе трехлѣтіе; Троицкой церкви слоб. Бѣлослущкой крестьянинъ Тихонъ *Неумывакинъ* на второе трехлѣтіе; Мүроносицкой церкви слоб. Ново-Бѣлинской крестьян. Сергѣй *Чумаковъ*, на первое трехлѣтіе; слоб. Шульгиной, Николаевской церкви крест. Андрей *Романовъ* на четвертое трехлѣтіе; слоб. Боровеньки Николаевской церкви крест. Андрей *Колесниченко*, на четвертое трехлѣтіе; слоб. Калмыковки Николаевскаго молитвеннаго дома отставной рядовой Артемій *Несмаиный* на первое трехлѣтіе; крест. Захарій *Романенко*, Лебединской Воскресенской церкви; крест. Иванъ *Стриковъ* Александровской церкви сл. Тополей, Купянскаго уѣзда; крест. Иванъ *Куриловъ* Рождество-Богородичной ц. села Черкасскихъ Тишковъ, Харьковск. уѣзд., на четвертое трехлѣтіе; крест. Вакхъ *Бойко* Іоанно-Богословской церкви слоб. Шендрыголовой, Изюмскаго уѣзда, на третье трехлѣтіе.

— Награждены похвальными листами за усердную и полезную службу слѣдующіе церковные старосты, Старобѣльскаго уѣзда: слоб. Калмыковки Николаевской церкви крест. Василій *Соловьевъ*; сл. Ново-Боровой Вознесенской ц. крест. Исидоръ *Черкасовъ*; сл. Бѣлявки Архангело-Миханловской ц. крест. Платонъ *Козюберда*; слоб. Бахмутовки Троицкой церкви крест. Павелъ *Голубовъ*; Изюмскаго уѣзда: Николаевской слоб. Слѣваковки крест. Іоакимъ *Байій*; Іоанно-Предтечевской слоб. Ивановки крест. Онисимъ *Стенюра* и Всѣхсвятской села Залпмаья крест. Іосифъ *Гончаренко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Указаніе сочиненій о штундѣ. — Повѣрочное испытаніе лицъ, желающихъ быть учителями въ церковно-приходскихъ школахъ. — Недостатокъ хорошихъ учителей для этихъ школъ. — Успѣхи единовѣрія среди старообрядцевъ. — Богослуженіе на мѣстныхъ языкахъ. — Испытаніе исаломничковъ, не окончившихъ курсъ ученія въ семинаріи. — Свѣдѣнія о сектантахъ. — Къ вопросу о допущеніи свѣтскихъ лицъ къ преподаванію Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Новый проектъ увеличенія чуда 17 октября 1888 г. — Условія составленія проекта на постройку часовни на мѣстѣ катастрофы 17 октября, предложенныя Харьковскою думою. — Къ вопросу объ исправномъ веденіи приходскими священниками метрическихъ книгъ. — Пожертвованіе на плащаницу при Гробѣ Господнемъ въ Іерусалимѣ. — Миссіонерскія извѣстія изъ Америки. — Вопросъ о надѣленіи начальныхъ школъ землею. — Празднованіе памяти великаго князя Георгія Всеволодовича по поводу исполняющейся въ нынѣшнемъ году 700-лѣтней годовщины его рожденія. — Даръ церковно-историческому музею при С-Петербургской духовной академіи. — О вредѣ пьянства. — Ледъ какъ врачебное средство. — Некрологъ.

Въ виду появленія штунды въ предѣлахъ Харьковской епархіи, редакція рекомендуетъ пастырямъ церкви, обязаннымъ по долгу своего служенія противодѣйствовать распространенію этой злой ереси, слѣдующія сочиненія: 1) Вѣроученіе маторусскихъ штундистовъ, разобранное на основаніи Св. Писанія въ бесѣдахъ православнаго мірянина съ сектантами. Подъ руководствомъ Епископа Теофана составилъ А. Ушинскій. Кіевъ, 1886 г., изд. 3-е. Цѣна 1 руб. съ пересылкою отъ издателя, а для выписывающихъ отъ М. Н. Дроби (Кіевъ, Златоустовская улица, д. № 50) не менѣе 5 экз. и для сельскихъ школъ, выписывающихъ не менѣе 2 экз. 80 коп. за экземпляръ съ пересылкою; 2) Штунда. Подробный разборъ и опроверженіе ученія штундистовъ, протоіерея Дмитрія Склабовскаго. Москва, 1888 г., 30 к. за экз. Выписывающіе отъ автора (городъ Острогжскъ, Воропежской губ.) или отъ Ѳ. А. Куманна (Москва, Пречистенка, д. кн. Голицына) за пересылку не платятъ, а при выискѣ одновременно не менѣе 10 экз. получаютъ на каждыя 10 экз. одинъ экземпляръ безплатно; 3) Собесѣдованія православнаго съ штундистами, іеромонаха Евстратія. Кіевъ, 1876 г., цѣна 40 коп.; 4) Разборъ 10 правилъ вѣроученія штундистовъ, священника К. Ѳоменко. Кіевъ, 1873 г.; 5) Статьи въ духовныхъ журналахъ: а) въ 20 кн. журнала «Вѣра и Разумъ» за 1887 г.: Новѣйшая постановка въ печати вопроса о южно-русскомъ сектантствѣ; б) въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1884 годъ: №№ 1—5: О штундизмѣ, Петрушевскаго и его же дополнительная замѣтка «Къ исторіи Керданскаго штундизма» — тамъ же № 10; за 1886 г.: Свѣдѣнія о движеніи южно-русскаго сектантства; за 1888 г.: Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ, Д. Протасова; в) въ Христіанскомъ Чтеніи за 1872 годъ, т. 2 и 3: Секта штундистовъ;

г) въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей за 1876 г. т. 1: Замѣтки о происхожденіи и развитіи шундизма; д) въ Православномъ Обзорѣніи за 1881 г., кн. 2 и 3: Шундисты, В. Маврицкаго. Особенною обстоятельностью въ изслѣдованіи предмета отличаются статьи, помѣщенныя въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи. Есть также не мало статей противъ шундизма въ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ и разныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Кромѣ того всѣ сочиненія, напечатанныя противъ молоканъ, могутъ служить и къ обличенію шундистовъ по сходству основныхъ пунктовъ лжеученія тѣхъ и другихъ.

— Недостатки, которые замѣчены были въ дѣятельности учителей церковно-приходскихъ школъ и практическая неподготовленность многихъ изъ нихъ на поприщѣ народнаго образованія вызвали со стороны главнаго училищнаго совѣта по устройству церковно-приходскихъ школъ, состоящаго при святѣйшемъ синодѣ, распоряженіе, по которому правленіямъ духовныхъ семинарій, уѣздныхъ мужскихъ духовныхъ училищъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ предлагается подвергать повѣрочному испытанію всѣхъ лицъ, желающихъ быть учителями въ церковно-приходскихъ школахъ. Испытанія будутъ производиться съ мая мѣсяца. Предметы и объемъ знаній лицъ, явившихся на испытанія, будутъ согласоваться съ программами учительскихъ семинарій. Лица, успѣшно выдержавшія испытанія, будутъ пользоваться полными правами учителей и учительницъ народныхъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Въ виду недостатка хорошихъ учителей для церковно-приходскихъ школъ въ полтавской епархіи мѣстнымъ епископомъ въ прошломъ январѣ обращено вниманіе на способныхъ къ учительству воспитанницъ епархіальнаго училища, которыя, по личнымъ наблюденіямъ преосвященнаго, усердно и дѣльно занимаются въ школахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ благочиннымъ предоставлено право, по соглашенію съ священниками, назначать такимъ учительницамъ изъ церковной суммы въ жалованье по 40 руб. въ годъ, а гдѣ можно, и болѣе.

— Единовѣріе дѣлаетъ среди старообрядцевъ не малые успѣхи. Распространеніе единовѣрія среди донскихъ и екатеринославскихъ раскольниковъ вызвало даже тревогу среди мѣстныхъ ревнителей австрійскаго согласія. На раскольническомъ собраніи въ Новочеркасскѣ 7 февраля, для охраненія раскола отъ единовѣрія, признано было необходимымъ просить московскій духовный совѣтъ назна-

чить на Донъ раскольническаго архіерея, причеиъ большинство выставило кандидатомъ извѣстнаго Онисима Швецова. Православные въ Новочеркаскѣ думаютъ, что Швецовъ и въ новомъ своемъ званіи не будетъ уклоняться отъ бесѣдъ съ православными миссіонерами и не послѣдуетъ примѣру Силуана, который, прикрывая свое безсиліе въ защитѣ раскола, нерѣдко на предложенія миссіонеровъ о бесѣдѣ отвѣчалъ: «мнѣ низко съ тобою бесѣдовать, я архіерей; мнѣ можно бесѣдовать только съ архіереемъ вашимъ».

— Богослуженіе и проповѣдь на мѣстныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, гдѣ это особенно нужно, постепенно вводятся. Такъ, по извѣстіямъ съ Кавказа, новый настоятель карскаго военнаго собора о. протоіерей Д. А. Борицъ, съ первыхъ же дней своего служенія въ Карскѣ, началъ вводить въ церковное богослуженіе иѣвнѣе и произношеніе ектеній на грузинскомъ языкѣ попереиѣнно съ богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Нечего и говорить, съ какою радостію встрѣтило населеніе грузинъ это прекрасное нововведеніе. Грузины, живущіе въ Карскѣ и состоящіе большею частію изъ простолюдиныъ, доселѣ никогда не слышали въ мѣстномъ храмѣ богослуженія на родномъ языкѣ. Недавно въ тифлисскомъ кафедральномъ соборѣ открыты были также на грузинскомъ языкѣ протоіереемъ означеннаго собора о. Еліевымъ внѣбогослужебныя религиозно-нравственныя чтенія.

— Въ газетахъ сообщается извѣстіе, что по порученію преосвященнаго Виталія, епископа тамбовскаго и шацкаго, особая комисиія, состоящая изъ представителей епархіальнаго духовенства Тамбовской губерніи, выработала программы для испытанія лицъ, не окончившихъ курса въ духовныхъ семинаріяхъ, изъявившихъ желаніе быть псаломщиками. Мѣбра : та вызвана крайнею необходимостью назначать въ приходы, совращенные въ расколъ и сектанство, на псаломщицкія вакансіи умѣющихъ только читать и пѣть по церковному и основательно знающихъ церковный уставъ.

— Въ Екатеринославской епархіи продолжаются систематическія собесѣдованія мѣстныхъ миссіонерскихъ комитетовъ съ сектантами, при чемъ получаютъ цѣнныя указанія относительно нашего сектанства. Изъ появившихся въ печати послѣднихъ протоколовъ этихъ комитетовъ видно, наприиѣръ, что нѣкоторые штундисты «внутренно убѣждены въ своемъ заблужденіи, видятъ правоту вѣроученія православной церкви и святость обычаевъ ея, но гордость и нежеланіе подвергнуться посмѣянію предъ другими, чрезъ публичное сознаніе въ своемъ невѣжествѣ и заблужденіи, задерживаютъ ихъ», —

что у шалопутовъ несомнѣнно существуетъ такъ называемое духовное сожительство съ нѣсколькими духовными женами, которое есть ничто иное, какъ открытый развратъ и т. п. Въ одномъ изъ протоколовъ сказано, что нѣкоторые шалопутскіе вожди, на предложеніе православныхъ собесѣдниковъ, изъявили готовность дать подписку—быть послушными чадами православной церкви. Однако епархіальный епископъ распорядился «не требовать отъ нихъ подписки въ неуклонномъ пребываніи ихъ въ церкви православной». Въ подобнаго рода дѣлахъ, особенно въ случаѣ притворнаго раскаянія сектантовъ, всякія подписки дѣйствительно неумѣстны.

У насъ немало есть людей, склонныхъ къ идеализаціи сектантовъ. Между тѣмъ вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ отчетѣ одесскаго братства св. апостола Андрея за 1887—88 г.:

Изъ отчетовъ миссіонеровъ, какъ и изъ донесеній нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ, видно, что сектанты (по крайней мѣрѣ это хорошо извѣстно о штундистахъ) для успѣховъ пропаганды своего ученія не отступаютъ ни предъ какими мѣрами и средствами: для нихъ все хорошо и позволительно, если полезно и выгодно въ видахъ совращенія въ штундизмъ или утвержденія онаго. Они не стѣсняются совращать и принимать въ свою общину людей съ неодобрительнымъ поведеніемъ, если видятъ, что ихъ услугами можно пользоваться для своихъ выгодъ, на людей легкомысленныхъ стараются дѣйствовать соблазномъ, совершаютъ незаконныя дѣйствія и употребляютъ даже насліе.

— Вотъ что читаемъ въ «Рус. Вѣд.» по вопросу о допущеніи свѣтскихъ лицъ къ преподаванію закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ:

«Недавно было сообщено въ газетахъ, что въ подлѣжанскихъ сферахъ возникаетъ вопросъ о допущеніи свѣтскихъ людей съ высшимъ академическимъ образованіемъ къ преподаванію закона Божія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. За положительное рѣшеніе этого вопроса высказываются, будто бы, между прочимъ, потому, что лица духовнаго сана, обязанныя исправлять разныя требы и богослуженіе, часто опускаютъ уроки по закону Божію и не могутъ, какъ свѣтскія лица, отдаться всецѣло своимъ прямымъ педагогическимъ занятіямъ. За компетентность свѣтскихъ лицъ въ дѣлѣ преподаванія этого предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ говорятъ ихъ успѣшныя занятія въ духовныхъ семинаріяхъ по священному Писанію и богословскимъ предметамъ. Если при-

веденный выше слухъ справедливъ, то нельзя не признать, что указанное нововведеніе можетъ быть полезнымъ прежде всего въ томъ смыслѣ, что ослабитъ рутину въ дѣлѣ преподаванія закона Божія, внесетъ въ него болѣе жизни. Оно можетъ отозваться, правда, существеннымъ ущербомъ для духовныхъ лицъ, почерпающихъ въ преподаваніи часто значительную долю своего заработка, но слѣдуетъ замѣтить, что столичное и вообще городское духовенство и такъ достаточно обеспечено, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ духовенство сельское. Мы полагаемъ бы, что предоставленіе свѣтскимъ лицамъ преподаванія закона Божія могло бы быть допущено и въ низшихъ училищахъ, и въ этомъ случаѣ, конечно, не однимъ лицамъ съ высшимъ богословскимъ академическимъ образованіемъ, но и другимъ, при условіи только полученія на то права путемъ соотвѣтственнаго этому праву экзамена. Элементарное обученіе закону Божию, священной исторіи и катехизису—вовсе не такая сложная задача, разрѣшеніе которой было бы возможнымъ только для лицъ духовнаго сана, прошедшимъ полный семинарскій курсъ. Можно было бы выработать гораздо менѣе сложную программу экзаменовъ на званіе преподавателя закона Божія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такимъ образомъ священники-пастыри, замѣчаетъ по этому поводу «Црк. Вѣсти.», совершенно изгоняются почтенною газетою изъ учебныхъ заведеній и на ихъ долю оставляется только требованіе и священнослуженіе. Конечно, если смотрѣть на дѣло преподаванія вообще, а въ частности закона Божія лишь съ точки зрѣнія фактическаго изученія предмета, да матеріальной выгоды учителей, каковой взглядъ замѣтно и проскальзываетъ въ приведенномъ выше извлеченіи, то противъ сужденій газеты ничего, пожалуй, нельзя и возразить. Но если признать, продолжаетъ онъ, что каждый учебный предметъ долженъ имѣть нравственно-воспитательное, а законъ Божій кромѣ того и преимущественно еще религіозное значеніе для учащихся, то вопросъ о личности законоучителя, т. е. будетъ ли онъ священникъ или свѣтскій, становится далеко не безразличнымъ. Для всякаго ясно и очевидно, что законоучитель-священникъ можетъ быть гораздо болѣе авторитетнымъ учителемъ-воспитателемъ, чѣмъ законоучитель-сюртучникъ, и притомъ въ глазахъ не однихъ только учениковъ, но и всей учебной корпораціи, не исключая и начальства заведенія. А это обстоятельство слишкомъ важно и само по себѣ и особенно въ виду того, что весь учебно-воспитательный строй нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній

иногда бываетъ чужды воспитательныхъ церковныхъ идеаловъ. Сто-
вомъ, если еще возможно какое-либо религіозно-нравственное во-
спитательное вліяніе законоучителя въ теперешнихъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеніяхъ, то лишь тогда; когда онъ священникъ и слѣдо-
вательно по своему сану и внѣшнему положенію хоть сколько-ни-
будь выдѣляется и обособляется отъ остальныхъ преподавателей,
нерѣдко по рукамъ и ногамъ связанныхъ въ своей преподаватель-
ской дѣятельности разными циркулярами, правилами и частными
требованіями ближайшаго начальства. Указаніе на то, что въ на-
шихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ и законъ Божій, и
священное Писаніе, и вообще догматическіе предметы преподаются
учителями не священниками, не имѣетъ никакого значенія. Въ ду-
ховныхъ заведеніяхъ совсѣмъ другой строй, характеръ и направле-
ніе учебно-воспитательной жизни, чѣмъ въ свѣтскихъ средне-учеб-
ныхъ заведеніяхъ. Во главѣ нашихъ семинарій обязательно стоятъ
лица, имѣющія священническій санъ, тогда какъ директорами гимназій
и др. свѣтскихъ среднихъ училищъ нерѣдко бывають лютеране и
католики. Не можетъ также служить основаніемъ для замѣны свя-
щенниковъ-законоучителей свѣтскими учителями и то соображеніе,
что священники, отвлекаясь трудами и богослуженіемъ, не исправ-
но посѣщаютъ свои уроки. Большинство нашихъ учебныхъ заве-
деній, какъ въ столицахъ, такъ и въ городахъ, имѣють свои церкви
и своихъ отдѣльныхъ священниковъ-законоучителей, несвязанныхъ
никакими приходскими требованіями. Наконецъ, при обліи
кандидатовъ на священническія-законоучительскія мѣста изъ окон-
чившихъ курсы въ духовныхъ академіяхъ, не можетъ быть и рѣчи
о подобныхъ затрудненіяхъ.

— Не проходитъ почти ни одного дня, чтобы газеты не при-
несли извѣстія о желаніи то тамъ, то здѣсь увѣковѣчить въ на-
мяти потомства чудо 17 октября 1888 г. Составляются приговоры,
устраиваются иконы съ неугасимымъ лампадами, жертвуются круп-
ныя суммы на различныя благотворительныя дѣла и т. п. Интере-
сно въ этомъ отношеніи предложеніе одного православнаго, по-
мѣщенное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Авторъ письма пред-
лагаетъ для увѣковѣченія въ памяти народной чуда милости Бо-
жіей 17 октября установленіе 17 октября праздника именно въ
честь Нерукотвореннаго Образа, который остался невредимымъ во
время крушенія поѣзда.

«Для живаго и памятнаго увѣковѣченія въ памяти народной,
говоритъ онъ, событія 17 октября необходимо должно установить

въ память этого событія молитвенное празднованіе этого дня—закрѣпить не въ общей формѣ благодарственнаго Господу Богу молебствія о полученіи прощенія, а въ формѣ ясной, наглядной, такой, которая олицетворяла бы и такъ-сказать символизировала собою это празднованіе. Такою формою на мой взглядъ въ данномъ случаѣ лучше всего можетъ быть установленіе на 17 октября праздника въ честь Нерукотвореннаго Образа, того самого Образа, который былъ съ Семействомъ Государя Императора и 17 октября, какъ неотлучно бывалъ онъ при Нихъ всегда и прежде, и который Господу Богу угодно было оставить цѣлымъ и невредимымъ среди всеобщаго разрушенія, точно такъ же какъ и самое Семейство Государя Императора. Мы не смѣемъ проникать въ тайники вѣрующей души Помазанника Божія; но здѣсь дѣло говоритъ само за себя. Яснѣе дня видна здѣсь вѣра Царя, по которой Ему угодно было всегда имѣть этотъ св. Образъ при себѣ. Вмѣстѣ съ Богохранимымъ и смиренномудрымъ Царемъ нашимъ мы смиренно исповѣдуемъ, что 17 октября услышаны молитвы многомилліоннаго преданнаго Ему народа; но посмѣетъ ли кто отрицать, что вѣра Царева имѣла тутъ свое мѣсто въ очахъ Божіей правды? Если же такъ, то можно ли сомнѣваться и въ томъ, что бывший при этомъ Нерукотворенный Образъ Спасителя, служившій выраженіемъ вѣры Царевой, былъ орудіемъ той спасающей Божественной силы, которая по вѣрѣ Царя и молитвамъ народа спасла Его и Его Августѣйшее Семейство? Можно ли сомнѣваться православно вѣрующему человѣку въ чудотворномъ значеніи этого св. Образа, такъ чудесно спасеннаго при всеобщемъ разрушеніи? По крайней мѣрѣ одно несомнѣнно, что такую вѣру имѣлъ и имѣетъ самъ Богомъ спасенный нашъ Царь. Во имя этой то именно вѣры и благоугодно было Ему, чтобъ и у всѣхъ другихъ вмѣстѣ съ Нимъ спасенныхъ Господомъ отъ смерти въ благодарное воспоминаніе объ этомъ спасеніи были снимки того именно Образа, который, какъ символъ спасенія, остался цѣлъ, чтобъ и они, имѣя этотъ именно Образъ предъ собою, и впродъ всегда благодарили Господа за дарованное спасеніе..... Благочестивѣйшему Государю Императору, Супругу Его, Ихъ Августѣйшимъ Дѣтямъ Всеблагодѣлю и Всемогущій Господь спасъ жизнь; но эта жизнь принадлежитъ всей многомилліонной Россіи, и Господь, спасая эти драгоценныя жизни, всей Россіи явилъ спасеніе свое, избавивъ насъ отъ неописуемыхъ бѣдствій, даруя намъ въ этихъ спасенныхъ жизняхъ счастье, благоденствіе, славу и честь. Связь Царя нашего съ народомъ Его, по

вѣрованію православной церкви, неразрывна; Царскій Спасъ есть Русскій Спасъ, образъ Царскаго Спаса есть образъ Русскаго Спаса; праздникъ Царскаго Спаса есть праздникъ Русскаго Спаса. Вскорѣ послѣ 17 октября чуть ли не на всѣхъ окраинахъ Россіи появились всяческіе—и фотографическіе, и литографическіе, и раскрашенные и не раскрашенные рисунки, изображающіе моментъ крушенія Царскаго поѣзда и спасенія Государя; и снимки эти всюду раскупались нарасхватъ, но отчего же доселѣ нѣтъ снимковъ съ того чудотворнаго образа, который остался цѣль и невредимъ? Отчего никто не подумалъ объ этихъ снимкахъ, какъ подумалъ о нихъ самъ Государь?..

— Въ «Харьк. Вѣд.» напечатаны условія конкурса на составленіе проекта на постройку часовни на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 г., въ память чудеснаго спасенія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ грозившей опасности. Вотъ эти условія, составленные избранной Харьковской думою комиссіей. При составленіи проекта на постройку часовни должны быть приняты въ руководство нижеслѣдующія условія:

1. Часовня должна быть проектирована на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошло крушеніе поѣзда, т. е. на поверхности существующей насыпи у полотна желѣзной дороги. При чемъ должно имѣть въ виду, что насыпь въ этомъ мѣстѣ имѣетъ возвышеніе надъ поверхностью оврага или балки около 6 саж. по вертикальному измѣренію (т. е. 5,8 саж.). Поверхность оврага состоитъ изъ слоя чернозема, подъ которымъ глинистый материкъ, могущій служить подшвой основанія или фундамента.

2. Такъ какъ ширина полотна желѣзной дороги недостаточна для помѣщенія часовни съ окружающею ее мѣстностью, то поэтому необходимо проектировать расширеніе насыпи настолько, чтобы на ней могла помѣститься часовня съ проходомъ вокругъ нея, въ 10 сажень шириною.

3. Размѣры часовни, т. е. ея величина, должна соответствовать ассигнованной на ея устройство суммѣ, т. е. 30,000 руб. сер., при чемъ съ восточной стороны ея должна быть ниша для алтаря.

4. При составленіи проекта нужно имѣть въ виду, что постройка должна быть каменная, причемъ въ постройку могутъ быть употреблены нижеслѣдующіе матеріалы для каменныхъ работъ: кирпичъ, стоимость котораго 1 куб. саж. въ кладѣ по мѣстнымъ цѣнамъ 75 руб., сѣрый гранитъ, стоимость котораго съ обтеской 150 руб., за 1 куб. саж., и песчанникъ мѣстной породы, годный

для фундамента, стоимостью въ 65 р. куб. саж. Кромѣ каменныхъ матеріаловъ, всѣ другіе матеріалы, необходимыя при сооруженіи означенной часовни, можно рассчитывать приобрести на мѣстѣ.

5. Составителю проекта предоставляется свобода въ выборѣ стили для означенной часовни; причемъ желательно было бы (если составитель проекта признаетъ нужнымъ и возможнымъ) сгруппировать при часовнѣ металлическія части, оставшіяся отъ разбитыхъ вагоновъ во время крушенія, въ видѣ ли особаго памятника или орнаментовъ.

6. Фасады со всѣхъ сторонъ должны быть вполне обработаны.

7. По этой программѣ предлагается конкурсъ для представленія проектовъ часовни къ 15 числу мая настоящаго года, причемъ должны быть соблюдены слѣдующія условія: а) проекты должны представляться на бѣлой ватманской бумагѣ; б) масштабъ для фасадовъ и разрѣзовъ долженъ быть въ 2 дюйма на сажень, а для плана одинъ дюймъ на сажень; в) каждый проектъ долженъ быть представленъ съ девизомъ, а имя, фамилія и адресъ въ запечатанномъ конвертѣ, причемъ вскрыты будутъ конверты лишь только принятыхъ проектовъ, — двухъ лучшихъ, а имена составителей будутъ затѣмъ опубликованы въ мѣстныхъ и столичныхъ газетахъ.

8. Судьями будутъ назначены члены комиссіи по постройкѣ часовни и три лица изъ архитекторовъ по избранію городской Думы.

— Въ «Донск. Еп. Вѣд.» (№ 4) подѣ заглавіемъ «Безъ вины виноватые» помѣщена слѣдующая интересная замѣтка, касающаяся исправнаго веденія священниками метрическихъ книгъ.

Отъ приходскихъ священниковъ требуютъ, чтобы они какъ можно исправнѣе вели записи въ метрическихъ книгахъ. Требуютъ, чтобы священники при совершеніи таинства крещенія и при погребеніи спрашивали у иногородныхъ билеты или вообще виды на жительство. Священствуя въ самомъ, такъ сказать, иногородномъ приходѣ, въ которомъ въ лѣтнее рабочее время перебиваетъ до тысячи иногородныхъ, и стараясь въ точности исполнить предъявляемыя требованія при метрическихъ записяхъ, мы все-таки по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ не можемъ вполне выполнить требуемое. Вслѣдствіе чего у насъ въ первой и третьей частяхъ метрикъ, дѣйствительно, встрѣчаются не малыя погрѣшности. Были случаи, что «крестные» записывали младенца «подѣду», желая тѣмъ возстановить родовую фамилію, а не «зятевскую». Въ нѣкоторыхъ статьяхъ о родившихся пронущены имена и отчества родителей, а въ нѣкоторыхъ фамиліи и мѣсто житель-

ства родителей и воспріемницъ. Въ статьяхъ объ умершихъ—можно встрѣтить только одно имя и болѣе ничего. Происходятъ эти упущенія отъ того, что являющіеся «съ крестинами» обыкновенно не приносятъ билетовъ родителей, ибо этихъ—билетовъ нѣтъ и не бывало. А на вопросъ—какъ звать родителей? отвѣчаютъ, что или забыли, или вовсе не знаютъ. Тоже отсутствіе билетовъ и при погребеніи. Пробовалъ было одинъ молодой священникъ потребовать билетъ, да на вѣвъ и закачался. Принесли покойника, поставили на паперти, да и говорятъ: «небось отпоетъ; самъ вѣдь прпчачалъ!» Можетъ быть, кому покажется страннымъ,—почему воспріемница не знаетъ ни своего мѣстожителства, ни фамиліи; но это объясняется очень просто: она недавно вышла замужъ за человѣка (иностраннаго), о фамиліи и мѣстожителствѣ котораго не позаботилась справиться.

А случается, что хотя запись въ метрикахъ и полная, но собственныя имена такія прописаны, что ихъ не найдешь ни въ однихъ даже самыхъ полныхъ святцахъ. Спрашиваешь при крещеніи—какъ звать отца младенца?—«Андрей Трапониць!»¹⁾ Вамъ кажется, что вы или ослышались, или спрошенный шутитъ, а потому вновь переспрашиваете.—«Да, Андрей же Трапониць!»—отвѣчаютъ. Ищешь по памяти соответственныхъ настоящихъ именъ и, не находя, записываешь въ метрику «Андрея Трапоница». Или: какъ звать? отвѣчаютъ: «Правоторъ, Нотарей (25 Окт.), Кудинъ». Опять тѣже разспросы-допросы и въ концѣ концовъ въ метрикахъ появляются: «Правоторы, Кудины». Или еще: какъ звать мать? «Вертуха Асевна!» Сначала подивившись столь необычному имени, а потомъ, не добившись толку отъ разспросовъ, берешься за подробнѣйшія святцы. Послѣ долгихъ примѣриваній наконецъ находишь, что болѣе всего подходитъ «Фервуфа Евсева».

— Нѣтъ! возражаютъ воспріемники, у ней отецъ не Евсей, а Асей,

— А-а! ну, васъ! какой тамъ Асей!! И въ метрикахъ, ничто же сумняся, пишется «Фервуфа Евсева», тогда какъ на самомъ дѣлѣ отецъ этой женщины ни Евсей, ни Асей, а Осія.

Много и еще передѣланныхъ на народный выговоръ именъ²⁾, которыя встрѣчаются не только въ билетахъ, выдаваемыхъ волостными

1) Какъ эти имена, такъ и ниже приведенныя не выдуманы, а взяты съ природы.

2) Анкей—Іоаннѣй, Акинтей—Іакимъ, Аноха—Онуфрій, Видней—Венедикъ, Кирей—Киръ, Кирикъ, Драпъ—Андроній, Калай—Коноль, Карней—Корниій, Нистратъ—Евстратій, Калистратъ, Провоторъ—Провъ, Сялантий—Сила, Силапъ, и т. д.

старшинамъ, но даже и въ свидѣтельствахъ по воинской повинности. Неразъ приходилось при бракахъ встрѣчать въ этихъ свидѣтельствахъ имена: Кирей, Липать, Медоръ, Савелій и др. Нѣкоторые причты во избѣжаніе написанія такихъ народныхъ именъ пишутъ въ метрикахъ свои первыя попавшіяся имена. Вмѣсто Анипрей, Трапонъ, пишутъ—Андрей, Егоръ и т. п. Случалось намъ видѣть, что причетникъ записалъ свое выдуманное имя и тогда, когда воспріемникъ забыли настоящее имя отца крещеннаго младенца. На нашъ вопросъ—почему такъ записано, получился отвѣтъ, что «лучше какъ нибудь записать, чѣмъ никакъ, ибо тогда пойдутъ справки да допросы... почему не записано, а развѣ ты тому виноватъ!» Недавно мы видѣли бумагу, требующую объясненія отъ причта—почему такая-то умершая записана крестьянкой, а не мѣщанкой? Слѣдовательно, запишешь такъ,—какъ говорятъ,—ошибка, и по своему передѣлаешь имя, тоже ошибка, и нечего не напишешь вдвойнѣ ошибка, а ужъ если пропущенное имя своимъ замѣнить—преступленіе. По нашему крайнему разумѣнію, при народныхъ именахъ слѣдуетъ писать такъ, какъ говорятъ, и чтобы не ошибаться, слѣдуетъ добавлять эти имена въ переводѣ, такъ: Кирей—Киръ, Кирикъ; Савелій—Савва, Савель; Силантій—Сила, Силанъ; Нистратъ—Евстратій, Каллистратъ. Въ такихъ случаяхъ виноватъ будетъ не причтъ, а полиція, которая позволила иногороднымъ проживать безъ билетовъ и лишила возможности причтъ записать какъ слѣдуетъ, такъ какъ они значатся по гражданскимъ документамъ. Кромѣ того, что вслѣдствіе отсутствія билетовъ у иногородныхъ происходятъ упущенія и неправильныя записи въ метрикахъ, еще казна терпитъ значительный убытокъ по гербовому сбору. Настоятельно потребовать у иногороднаго билетъ имѣетъ право полиція, а не причтъ, на законныя требованія котораго иногородные и не обращаютъ вниманія.

Конечно, и причтъ можетъ вытребовать билетъ, только чрезъ полицію, но такой способъ полученія билетовъ совершенно разстроитъ и безъ того натянутыя отношенія причта съ прихожанами, хотя бы-то и временно проживающими. Самое лучшее средство заставить иногородныхъ имѣть билеты или какіе нибудь виды на жительство—слѣдуетъ только приписывать въ послѣдней графѣ о родившихся «билета нѣтъ, представители мѣстной полиціи такіе-то». Благочинный, повѣряя книги при полугодичной ревизіи, требуетъ отъ причта списокъ «безбилетныхъ» и при своей бумагѣ препровождаетъ его куда слѣдуетъ. Разъ—другой сдѣлаютъ выговоръ

полиціи и оштрафуютъ за неплатежъ гербовыхъ пошлинъ—и станутъ тогда всѣ иногородные съ билетами и приходскіе священники тогда получаютъ возможность правильно вести метрическія записи, т. е. согласно прописаннаго въ билетахъ и такимъ образомъ освободится отъ отвѣтственности за невольныя прегрѣшенія.

— Паломники, посѣщающіе въ Іерусалимѣ Свято-Гробскій храмъ Воскресенія Христова, жалуются, что до сего времени тамъ нѣтъ болѣе или менѣе цѣнной и достойной Святому мѣсту трехдневнаго покоя нашего Спасителя Св. Плащаницы, а нынѣ имѣющаяся до того обветшала, что вызываетъ истинную печаль въ каждомъ вѣрующемъ; православная служба у Св. Гроба остается безъ вниманія и богослуженіе совершается при бѣдной обстановкѣ, тогда какъ рядомъ, у католиковъ, всѣ принадлежности службы отличаются богатствомъ, а вслѣдствіе этого и самое богослуженіе—торжественностью. Нынѣ возникла благочестивая мысль объ установленіи ежегодной благодарственной молитвы у Св. Гроба Господня въ память чудеснаго спасенія Благочестивой Царской Семьи 17 октября 1888 года, и однимъ православнымъ, пожелавшимъ остаться въ неизвестности, пожертвовано 3,000 руб. для пріобрѣтенія Св. Плащаницы и пожертвованія ея Св. Гробу съ тѣмъ, чтобы тамъ совершались ежегодно 17 октября благодарственные молебны за благополучіе Царской Семьи и всей Россіи. Помянутое желаніе нынѣ исполнено и Св. Плащаница, отличающаяся замѣчательнымъ изяществомъ и богатствомъ отдѣлки золотомъ по бархату и признанная лучшимъ художественнымъ произведеніемъ на филладельфійскихъ, англійскихъ и другихъ выставкахъ, пріобрѣтена въ золотошвейной художника академіи Шадрина. Св. Плащаница помѣщена для поклоненія въ Казанскомъ соборѣ, въ которомъ и будетъ находиться весь великій постъ для того, чтобы первый выносъ ея былъ въ Петербургѣ. Въ пятницу, въ 12 час. послѣ обѣдни, Плащаница будетъ освящена и будетъ отслуженъ благодарственный молебенъ въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи отъ опасности 17 октября. Святая Плащаница обошлась въ 12.000 руб., изъ которыхъ уплачены пока только 3,000 р., а остальные деньги соберутся изъ пожертвованій въ кружку, помѣщенную у Св. Плащаницы съ благословенія высокопреосвященнаго митрополита Исидора. Такимъ образомъ скромное пожертвованіе въ кружку дастъ возможность каждому принять участіе въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ, которое и станетъ, благодаря этому, общимъ пожертвованіемъ къ Св. Гробу отъ жителей столицы.

— По извѣстіямъ, дошедшимъ отъ нашей православной миссіи въ Южной Америкѣ, настоятель церкви въ Буэносъ-Айресѣ священникъ М. П. Ивановъ подыскалъ мѣсто для будущаго православнаго храма въ одномъ изъ людныхъ кварталовъ города, населенномъ греками и славянами. Прибытіе православной миссіи въ Буэносъ-Айресъ вызвало движеніе среди мѣстнаго православнаго населенія: основана уже вспомогательная касса и устраивается нѣчто въ родѣ нашего церковнаго попечительства. 1-го января во временномъ помѣщеніи православной церкви на окраинахъ города въ присутствіи грековъ, славянъ и матросовъ съ русскаго судна въ первый разъ совершена была божественная литургія на церковно-славянскомъ языкѣ.

— Миссіонерское дѣло у насъ грозитъ усложненіями вслѣдствіе усиленія православною пропаганды. «Шведскій миссіонерскій союзъ» простираетъ свою дѣятельность и на Россію и на бывшія русскія владѣнія въ Америкѣ. Такъ, недавно сообщалось въ шведскихъ газетахъ, что въ Аляску будутъ въ самомъ ближайшемъ времени посланы миссіонеръ-ученикъ Югансонъ и проповѣдникъ Андерсонъ изъ Гетлунда. Раньше уже нѣсколько лѣтъ состояли тамъ миссіонеры Карлссонъ и Люделль. Миссіонеръ Сарве, поле дѣятельности котораго Уралъ, въ настоящее время прибылъ на нѣкоторое время домой, но вскорѣ снова возвращается въ Россію. Всѣхъ миссіонеровъ у шведскаго миссіонерскаго союза во внѣшней миссіи 41 человекъ.

— Вопросъ о надѣленіи начальныхъ школъ землею давно уже былъ поднятъ нѣкоторыми земствами; въ немногихъ мѣстахъ онъ получилъ даже осуществленіе. Въ настоящее время, судя по газетнымъ извѣстіямъ, вопросомъ этимъ заняты и правительственныя сферы. Такое или иное рѣшеніе этого вопроса не безынтересно и для духовенства, такъ какъ на ряду съ школами земскими и министерскими стоятъ школы церковно-приходскія, находящіяся въ завѣдываніи духовенства. Если вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ относительно первыхъ, то, можно надѣяться, онъ такъ же будетъ рѣшенъ и относительно послѣднихъ, потому что и тѣ и другія по положенію своему и значенію для народа одинаковы. Церковно-приходскія школы имѣютъ даже нѣкоторыя преимущества на особенное вниманіе къ нимъ. По курсу своему одинаковыя съ земскими, церковно-приходскія школы, во-первыхъ, менѣе обезпечены сравнительно съ первыми, а надѣленіе школъ землею имѣетъ, между прочимъ, эту цѣль: во-вторыхъ,

лица духовнаго званія, какъ постоянно находящіяся при своихъ приходахъ, могутъ болѣе принести пользы распространенію сельско-хозяйственной культуры, чѣмъ часто смѣняющіеся свѣтскіе учителя, а надѣленіе школъ землею имѣетъ въ виду и распространеніе въ народѣ путемъ школы сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній.

Департаментъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности предложилъ полтавскому сельско-хозяйственному обществу увѣдомить его, какую принесетъ пользу надѣленіе церковно-приходскихъ школъ земель въ отношеніи изученія и развитія сельско-хозяйственной культуры. Полтавское сельско-хозяйственное общество, желая дать на запросъ департамента возможно болѣе обстоятельный отвѣтъ, нашло полезнымъ разослать вопросные пункты нѣкоторымъ изъ наиболѣе опытныхъ учителей церковно-приходскихъ и народныхъ школъ, имѣя въ виду воспользоваться мнѣніями и взглядами лицъ, близко стоящихъ къ школьному дѣлу. Вопросы, предложенные имъ, дѣлятся по своему содержанію на пять отдѣловъ, именно: 1) насколько улучшится матеріальное положеніе учителей церковно-приходскихъ и народныхъ школъ отъ надѣленія школъ землею; 2) въ какой мѣрѣ можно ожидать распренія среди мѣстныхъ крестьянъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній; 3) какимъ образомъ удобнѣе всего поднять земледѣльческую культуру при надѣленіи школъ землею; 4) насколько благотѣльно отзовется надѣленіе земель на развитіи народнаго образованія и на увеличеніи числа церковно-приходскихъ и народныхъ школъ; 5) увеличится ли чрезъ это нравственное вліяніе учителей и укрѣпится довѣріе крестьянъ къ школамъ.

Нѣтъ надобности говорить, что полтавское сельско-хозяйственное общество въ рѣшеніи вопроса о надѣленіи школъ землею приблизилось къ мѣрѣ очень разумной. Отвѣты учителей будутъ имѣть большую цѣнность. Отвѣты эти пока неизвѣстны. Но въ періодической печати, какъ только проникъ слухъ объ этомъ вопросѣ, уже не мало высказано сужденій по нему. Такъ «Русскій Курьеръ» горячо ратуетъ за надѣленіе школъ землею. Газета указываетъ слѣдующія къ тому основанія.

1) Земля при школѣ обезпечиваетъ школу. Ребята, учась въ ней грамотѣ, не отрываются въ то же время отъ своего дѣла, не порываютъ связи съ тою землею, которая, по окончаніи ими школы, является для нихъ и предметомъ ихъ труда и заботы, и предметомъ ихъ матеріальнаго достатка.

2) Учась на этой землѣ, какъ рационально вести хозяйство, и

на опытѣ видя результаты этого рациональнаго хозяйства, эти ученики, дѣлаясь взрослыми, знаніе свое о томъ, какъ правильно хозяйничать, вносятъ въ жизнь и тѣмъ самымъ поднимаютъ благосостояніе сельскаго хозяйства, способствуютъ его прогрессу.

3) Окружающіе школу крестьяне окрестныхъ селъ и деревень, сначала изъ простаго любопытства, а послѣ и по убѣжденію, также станутъ заимствовать для себя полезныя указанія по той отрасли своей дѣятельности, которая составляетъ основу ихъ благосостоянія и которая находится въ упадкѣ, благодаря именно незнанію, благодаря тому, что дѣло ведется примитивными способами и опираясь не на научныя свѣдѣнія, а исключительно на то, что «такъ въ старину живали дѣды».

4) Надѣленіе школъ землею обезпечиваетъ учителя. Оно облегчаетъ его нужду, одиночество, поднимаетъ и бодритъ его духъ, дѣлаетъ его своимъ человѣкомъ среди земледѣльческаго класса деревни, устанавливаетъ связь между имъ и крестьянствомъ.

5) Страхъ за то, что учитель, занявшись хозяйствомъ, не будетъ учить—глупый страхъ, во-первыхъ, потому, что зимою онъ землею не занятъ и, слѣдовательно, освобожденъ для ученія, а лѣтомъ, занимаясь самъ, онъ практически занимается съ учениками тѣмъ дѣломъ, которое для нихъ та же наука и наука въ высшей степени важная... А во-вторыхъ, если бы оказался такой учитель, который бы пересталъ учить, то стоитъ его только удалить, и снова все станетъ на свою законную почву.

«Харьковскія Вѣдомости», посвятившія тому же предмету статью, замѣчаютъ: «Надѣленіе школъ землею послужитъ, такъ сказать, къ осѣдлости учителей. Многіе отчеты земствъ указываютъ, что учителя не дорожатъ своею службой, по причинѣ недостаточнаго содержанія, и при первомъ удобномъ случаѣ или переходятъ въ другія школы съ высшимъ окладомъ, или ищутъ другихъ занятій. Земля прикрѣпитъ учителя къ школѣ, онъ найдетъ въ ней подспорье для себя, и жалко ему будетъ бросать обработанный своими руками участокъ земли. А отъ этого, конечно, выиграетъ и школа,—она не будетъ пустовать за неимѣніемъ учителя».

Въ «Церковномъ Вѣстникѣ» (№ 6 за 1889 г.) помѣщена небольшая замѣтка по тому же вопросу. Авторъ замѣтки не ожидаетъ отъ надѣленія школъ землею тѣхъ результатовъ, какіе предвидитъ «Русскій Курьеръ».

1) Отъ надѣленія школъ землею не улучшится матеріальное положеніе учителя, если онъ самъ будетъ обрабатывать ее. Для об-

работки земли нужны скотъ, прислуга, земледѣльческія орудія, а для пріобрѣтенія всего этого требуется обладаніе извѣстнымъ капиталъцемъ. Учителя же наши—люди бѣдные.

2) За невозможностію самому обрабатывать землю, когда и было бы возможно приложеніе рациональныхъ способовъ ея обработки и пользованія, учитель сочтетъ за лучшее сдавать ее въ аренду, какъ дѣлаютъ многіе священники. А въ такомъ случаѣ отъ надѣленія школъ землею нельзя ожидать распространенія сельско-хозяйственной культуры.

3) Надѣленіе школъ землею будетъ помѣхою учителю въ занятіяхъ, подобно тому, какъ церковныя земли отвлекаютъ священниковъ отъ надлежащаго исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей. При надѣленіи школъ землею, по мнѣнію автора, продолжительность учебныхъ годичныхъ занятій сократится до трехъ только мѣсяцевъ въ годъ.

Оцѣнка доводовъ за и противъ надѣленія школъ землею представляется сужденію читателей (Пенз. Еп. Вѣд. № 5).

— Жители Нижняго-Новгорода и отчасти Владиміра 3, 4 и 5 марта праздновали память великаго князя Георгія Всеволодовича, по поводу исполняющейся въ нынѣшнемъ году 700-лѣтней годовщины его рожденія (1189—1889). По доставленной намъ программѣ, предполагалось:

3 марта: утромъ—чтенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Нижняго о великомъ князѣ, вечеромъ—торжественныя всенощныя бдѣнія въ кафедральныхъ соборахъ нижегородскомъ и владимірскомъ; въ бдѣніи во владимірскомъ соборѣ имѣлъ участвовать епископъ нижегородскій Модестъ, долженствовавшій отпривиться въ г. Владиміръ, во главѣ нижегородцевъ, утромъ 3 марта, съ даромъ нижегородцевъ—сребро-позлащенной кованой шапкой на главу свямощей великаго князя Георгія Всеволодовича, почивающаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. 4 марта: утромъ—въ Нижнемъ торжественная встрѣча отправленнаго изъ Владиміра дара владимірскаго успенскаго собора нижегородскому Спасо-Преображенскому—св. шапки съ главы мощей св. великаго князя и торжественная литургія въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ при участіи высокопреосвященнаго архіепископа владимірскаго Θεогноста и преосвященныхъ Модеста и Агаѳодора; въ 3 часу дня—хлѣбъ-соль нижегородцевъ въ честь прибывшихъ въ городъ владимірскихъ гостей высокопреосвященнаго архіепископа и депутатовъ отъ владимірскихъ—дворянства, земства и городской думы, а вечеромъ—тор-

жественное засѣданіе нижегородской губ. ученой архивной комиссіи, въ которомъ назначено было, между прочимъ, сообщить историческую справку о 1189—1238 годахъ и предложить чтеніе о мѣстѣ битвы 4 марта 1238 г. Въ воскресенье, 5 марта: народное съ туманными картинами чтеніе о жизни и дѣятельности великаго князя Георгія Всеволодовича и гимнъ великому князю.

Это торжество, нужно думать, значительно оживило въ сознаніи нижегородцевъ и владимірцевъ память объ одномъ изъ видныхъ историческихъ русскихъ дѣятелей, нѣкоторымъ же дало о немъ хотя какое-нибудь понятіе.

— Въ даръ церковно-историческому музею при С.-Петербургской Духовной Академіи кандидатъ богословія г. Лукашевичъ принесъ древнее изображеніе Амвросія Медиоланскаго. Оно перешло во владѣніе къ г. Лукашевичу въ 40-хъ годахъ изъ бібліотеки униатскаго училища, бывшаго въ городѣ Крожахъ, Впленской губерніи (теперь мѣстечка Ковенской губ.). Школой этой завѣдывали іезуиты, потомъ кармелиты и, по свидѣтельству в. Лукашевича, очень дорожили этимъ изображеніемъ и скрывали его, какъ отличающее нѣкоторыя обрядовыя разности римско-католической церкви. Св. Амвросій изображенъ въ римской тиарѣ, но съ длинными волосами и съ бородой. Правая рука его благословляетъ, и перстосложеніе благословляющей руки—православное. На груди изображено пылающее сердце, пронзенное двумя стрѣлами и освѣщаемое лучемъ, ниспадающимъ съ неба. Музей при академіи, куда будетъ передано это изображеніе, открытъ и для постороннихъ.

— Въ 4-мъ номерѣ «Екатеринбургскихъ Еп. Вѣдомостей» помѣщена очень обстоятельная статья священника Гагинскаго о вредѣ пьянства, въ которой авторъ представляетъ хорошій и полный сводъ дурныхъ послѣдствій этого порока и для самаго страдающаго имъ и для окружающихъ его лицъ и для всего общества. Статья запечатлѣна истиннымъ чувствомъ и какъ бы воскрешаетъ вновь ту славную страницу изъ дѣятельности духовенства, когда оно въ 60-хъ и 70-хъ годахъ горячо боролось съ распространявшимся пьянствомъ и своимъ убѣжденнымъ словомъ вызывало многочисленныя крестьянскіе приговоры о закрытіи кабаковъ. Свою статью о. Гагинскій заканчиваетъ такими выводами: «Несчастны пьяницы, но блаженны ли трезвые, если они не употребляютъ никакихъ средствъ къ ограниченію пьянства и ко спасенію десятковъ тысячъ несчастныхъ? Мѣры, которыя мы имѣемъ въ виду слѣдующія: 1) развитіе общества трезвости изъ всѣхъ сословій;

2) развитіе церковной грамотности и христіанскаго воспитанія преимущественно посредствомъ ц.-прих. школь и церк. проповѣди; 3) запрещеніе торговли водкою въ воскресные и праздничные дни, въ которые не только пьяница, но и живущій трудомъ, но слабый волею человѣкъ, часто пропиваетъ недѣльный заработокъ... Если городское общ. управленіе ограничиваетъ торговлю въ магазинахъ и лавкахъ въ воскресные и праздничные дни двумя часами, то почему же оно не можетъ сдѣлать такого же постановленія и относительно кабаковъ, которые до сихъ поръ пользуются, къ соблазну многихъ, особенною незаслуженною льготою. Меньше будетъ соблазна, меньше грѣха. 4) Но лучшая предыдущей мѣра,—это совершенно закрытіе мірскими приговорами питейныхъ заведеній или, по крайней мѣрѣ, открытіе питейныхъ общинныхъ домовъ. Такіе общинные питейные дома заведены у нѣмецкихъ колонистовъ Саратовской губерніи, и благоденствіе колонистовъ поразительно».

— Къ числу важнѣйшихъ лечебныхъ средствъ несомнѣнно слѣдуетъ отнести ледъ. Лечебное дѣйствіе льда основано на уменьшающемъ жаръ и вяжущемъ дѣйствіи холода на воспаленныя мѣста тѣла, гнѣздится ли воспаленіе въ какомъ-нибудь внутреннемъ органѣ или же имѣетъ мѣсто только на поверхности кожи. Характерными признаками воспаленія обыкновенно считаются: боли въ данномъ мѣстѣ, краснота кожи или слизистыхъ оболочекъ, припухлость и жаръ (повышеніе температуры даннаго мѣста). Ледъ, будучи приложенъ къ такому болящему мѣсту, оказываетъ прекрасное дѣйствіе: во 1-хъ боли стихаютъ или совсѣмъ проходятъ, во 2-хъ краснота и припухлость, зависящія всегда отъ усиленнаго притока крови къ болящему мѣсту, ослабѣваютъ или же преобразуются вовсе, смѣняясь иногда блѣдностью или синевой, въ 3-хъ одновременно жаръ значительно уменьшается или совсѣмъ исчезаетъ. Вотъ на этомъ-то свойствѣ льда и основано разнообразное примѣненіе его при сильныхъ ушибахъ, переломахъ, растяженіяхъ жилъ, рожѣ и различныхъ воспаленіяхъ внутреннихъ органовъ, какъ-то: мозга, брюшины и т. п. Но, помимо такого, главнымъ образомъ жаропонижающаго и болеутоляющаго дѣйствія, ледъ обладаетъ и еще однимъ драгоценнымъ свойствомъ, весьма близко стоящимъ съ его жаропонижающимъ дѣйствіемъ, а именно: онъ обладаетъ свойствомъ стягивать, сжимать ткани, особенно онъ заставляетъ сокращаться, сжиматься, а также суживать и свои просвѣты кровеносные сосуды, какъ мелкіе, такъ и крупныя. Благо-

даря этому обстоятельству, прилившая усиленно къ воспаленному мѣсту кровь, въ силу сѣуженія кровеносныхъ сосудовъ, отливаетъ отъ этого мѣста, а это ведетъ къ тому, что краснота дѣлается слабѣе или пропадаетъ вовсе; давленіе, которое оказывала прилившая кровь, и тотъ болѣзненный выпотъ, который обыкновенно сопутствуетъ воспаленію, исчезаютъ мало по-малу, съ этимъ уменьшаются и боли, которыя именно и зависятъ отъ давленія крови и выпота на близъ лежащіе нервы. На такомъ свойствѣ льда основано употребленіе его, какъ кровоостанавливающаго средства при кровотеченіяхъ изъ наружныхъ ранъ и кровотеченіяхъ изъ внутреннихъ органовъ.

Кромѣ того ледъ употребляютъ при всѣхъ острыхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ повышеніемъ температуры тѣла (жарь), какъ-то: горячкахъ, воспаленіи мозга и другихъ органовъ.

Тутъ онъ является жаропонижающимъ (мѣстно) и болеутоляющимъ средствомъ, посредствомъ прикладыванія его въ пузырь или ветошкахъ на голову и др. мѣста.

При потерѣ сознанія и бредѣ у такихъ больныхъ, подъ вліяніемъ льда, сознаніе проявляется, бредъ или стихаетъ или исчезаетъ совсѣмъ.

Какъ на побочное дѣйствіе льда можно указать и на употребленіе его при упорныхъ рвотахъ; во многихъ случаяхъ, глотаніе кусочковъ, величиной съ кедровый орѣхъ, льда прекращаетъ рвоту и тошноту. При наружномъ употребленіи льда не должно опасаться простуды. Способъ примѣненія льда: внутрь—глотаніе кусочками, какъ выше сказано,—а снаружи прикладываніе въ пузырь, всего лучше гуттаперчевомъ, а если такого нѣтъ, то можно замѣнить бычачьимъ или же свиннымъ, но въ послѣднемъ случаѣ необходима большая чистота и опрятность относительно пузырей, иначе они легко загниваютъ и начинаютъ распространять сильное зловоніе; иногда употребляютъ для льда вмѣсто пузырей пергаментную бумагу. Ледъ кладется небольшими кусочками въ пузыри или бумагу и отверстие такъ туго обвязывается вокругъ горлышка или пробки, чтобы не вытекала вода при таяніи льда. Пузырь со льдомъ кладется непосредственно на кожу, но чаще на больное мѣсто прежде кладется компрессъ изъ полотна и на него уже пузырь со льдомъ; особенно это необходимо соблюдать у дѣтей. При употребленіи льда прикладываніемъ къ головѣ, всего цѣлесообразнѣе остричь волосы, а иногда и сбрить. Для того, чтобы не сползаль съ больнаго мѣста пузырь, его или укрѣпляютъ къ изголовью,

или ставять обручь поперець кровати, и къ нему уже привязываютъ пузырь. Что касается ледяной холодной воды, то она по существу дѣйствуетъ также, какъ ледь, но, разумѣется, въ болѣе слабой степени. («Сам. Еп. Вѣд.»).

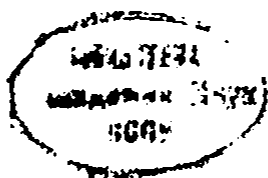
Н Е К Р О Л О Г Ъ.

Въ г. Ахтыркѣ, въ ночь съ 9 на 10 марта н. г., скончался бывшій учитель бывшаго Ахтырскаго духовнаго училища Василій Емельяновичъ Бутовичъ, на 84 году своей жизни.

Какъ видно изъ формулярнаго списка по службѣ, покойный родился, въ 1805 г. въ слободѣ Котельвѣ, Ахтырскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ діакономъ при Николаевской церкви. По смерти отца, покойный былъ отданъ въ Харьковское духовное училище, существовавшее при коллегіумѣ. Съ открытіемъ же въ 1819 г. духовнаго училища въ Ахтыркѣ, куда старшій братъ покойнаго Григорій Бутовичъ былъ опредѣленъ учителемъ, и ученикъ Василій Бутовичъ былъ переведенъ въ старшій классъ Ахтырскаго училища. Въ 1821 г. онъ поступилъ въ Харьковскій духовный коллегіумъ, гдѣ, 22 лѣтъ, окончилъ полный курсъ наукъ, въ первомъ разрядѣ въ 1827 г., и въ томъ-же году опредѣленъ учителемъ II-го класса Ахтырскаго духовнаго училища, каковую должность проходилъ непрерывно до 1874 года. Столь продолжительная служба покойнаго Василія Емельяновича была усердная и полезная, что доказываютъ неоднократныя благодарности, полученныя имъ отъ правленія коллегіума.

Покойный Василій Емельяновичъ отличался постоянствомъ и твердостію характера, что доказывается его 45 лѣтнею службою при одномъ и томъ-же училищѣ и 60 лѣтнею жизнію на одной и той же квартирѣ.

Женатъ онъ никогда не былъ, но жилъ какъ истинный христіанинъ и отличался бого-любивыми качествами: смиреніемъ, незлобіемъ и простотою, что и высказано въ надгробной рѣчи умершему, произнесенной бывшимъ признательнымъ ученикомъ покойнаго, священникомъ Адріаномъ Мухинымъ, при погребеніи, которое было совершено настоятелемъ Ахтырскаго собора, протоіереемъ Клементьевымъ, съ 6 священниками и 3 діаконами.

Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1,500 р. и 500 руб.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества сподобился объявить, что въ торжественномъ собраніи гг. членовъ, состоявшемся 18 мая 1885 г., по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями, одной—въ 1,500 р. и другой—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до настоящаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка: у словаковъ, у поляковъ,—польскаго въ Западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со времени Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ известной системѣ разнообразныя появившіяся, начиная съ Кривжанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результаты предвидимыхъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и рассмотреть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоромъ, исчезнувшей и перервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Прежній срокъ представленія сочиненій на вышеназженную тему нынѣ продолженъ до 11 мая 1890 года, причемъ сочиненія должны быть доставляемы въ Совѣтъ Славянскаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7) безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По принужденію, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ торжественныхъ общихъ собраній.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 рублей, за второе же по достоинству 500 руб.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ известнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и не русскій.

При присужденіи премій имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

Конкурсъ на соисканіе преміи имени А. Θ. Гильфердинга въ 1,000 р.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества снмъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Θ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, причемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византійской и славянской старины за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпитафюмъ.

Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, пагучо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпитафюмъ рукописи.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1,000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—съ 700 р. и 300 р.

Авторы сочиненій, не удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются премією въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р.,—смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество оставляетъ за собою право перваго изданія преміальнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльную противораскольническую и противосектантскую газету

ДРУГЪ ИСТИНЫ

НА 1889 ГОДЪ.

Въ составъ газеты входятъ: 1) объясненіе Св. Писанія; 2) раскрытіе Христіанскаго вѣроученія; 3) разборъ лжеученій раскола и сектъ; 4) событія изъ жизни раскола и сектъ; 5) библіографическія свѣдѣнія о сочиненіяхъ противъ и за расколъ и секты. *Годовая цѣна съ перес. 3 р. с., по-муд. 2 р. с.* Адресъ редакціи *Танка Москва* д. Воскресенской церквн. Въ редакціи имѣются экземпляры «ДРУГА ИСТИНЫ» за 1888 г. Цѣна 1 экз. *три р. с.*

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ПОДЪЗНОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ ВСѢХЪ СЪ СТРООБРАДЦАМИ

сочиненіе священника Іоанна Малышева.

Цѣна 2 рубля.

Книга эта Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущена къ приобрѣтенію въ бібліотеки духовныхъ семинарій, въ качествѣ пособия при изученіи раскола, а также въ бібліотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ которыхъ находится значительное число раскольниковъ.

Адресъ автора: Посадъ Сольца Псковской губ., для передачи въ село Болотско священнику Іоанну Малышеву.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1889 ГОДУ.

Изданіе журнала Душеполезное Чтеніе въ 1889 году, тридцатомъ съ начала его издаші, будетъ продолжаемо на прежнихъ основаніяхъ. Редакція останется вѣрною своей первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общеполитнаго духовнаго чтенія.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки 3 р. 50 к., съ пересылкой иногороднымъ и съ доставкой московскимъ подписчикамъ 4 р.

Подписка на Душеполезное Чтеніе принимается: въ Москвѣ, въ квартирѣ редактора, при Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, протоіеря Василія Нечаева; также въ складѣ духовно-нравственныхъ книгъ при Петровскомъ монастырѣ; въ С.-Петербургѣ у книгопродавца И. Л. Тузова, Большая Садовая.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно въ редакцію Душеполезнаго Чтенія въ Москвѣ.

Издатель-редакторъ протоіерей *Василій Нечаевъ*.

При редакціи „Душеполезнаго Чтенія“,

также въ складѣ духовно-нравственныхъ книгъ въ Москвѣ, и у книгопродавца Тузова въ Петербургѣ, продаются:

- 1) *Сборникъ для любителей духовнаго чтенія*, изданный по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея «Душеполезнаго Чтенія», прот. В. Нечаева, съ портретомъ автора. Цѣна 1 р. 80 к., съ пересылкой 2 р.
- 2) *Очерки христіанской жизни*. Второе изданіе 1885 г. прот. В. Нечаева. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р.
- 3) *Черты христіанскаго ученія*. Прот. В. Нечаева. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.
- 4) *Духовная пища*. Сборникъ для религіознаго чтенія. Прот. В. Нечаева. 1884 г. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.
- 5) *Толкованіе на митурію по чину св. Златоуста и св. Василія Великаго*. Прот. В. Нечаева. Третье изданіе. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р.
- 6) *Обозрѣніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ*. Изданіе второе, исправленное. Прот. В. Нечаева. 1880 г. Цѣна 40 к., съ пересылкой 50 к.
- 7) *Толкованіе на пареміи изъ книги Притчей и изъ книги Премудрости Соломоновой*. Прот. В. Нечаева. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к. (Эта книга впервые объявляется въ продажѣ).
- 8) *Толкованіе на пареміи изъ книгъ: І. Навпна, Судей, Царствъ, Іова и Паралипоменопъ*. Прот. В. Нечаева. 1884. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Въ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія гдучаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 в., за два раза 18 в., за три раза 24 в.